

К 75-летию депортации крымскотатарского народа (18. 05. 1944 – 18. 05. 2019)
К 100-летию крымскотатарского писателя Рустема Муедина (6. 07. 1919 – 24. 01. 2012)

Рустем Муедин
АСАНЧИК И КАШКАЧИК

Рассказ

Симферополь
ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского»
2019

УДК 821(=512.19)
ББК 84(Крмтат)
М 90

*Одобрено Консультативным советом по изданию литературы на родных языках,
выпущено при поддержке Государственного комитета
по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым.
Издано за счёт средств бюджета Республики Крым*

Муедин Рустем.

М 90 Асанчик и Кашкачик: *рассказ / на крымскотатарском, русском, украинском, английском языках.*
– Симферополь, 2019. – 96 с.

ISBN 978-5-906959-88-1

Рустем Муедин «Асанчыкъ ве Къашкъачыкъ» икяесинде, бир кырымтатар аилесини, кичкене бала Асанчыкъ ве онынъ садыкъ досту кучелек Къашкъачыкънынъ дешетли такъдирини орьнек этип аларакъ 75 йыл эвель сойкырымгъа огъратылгъан бутюн Къырымтатар халкъынынъ башына кельген сюрюнлик фаджиасыны, Сталиннинъ къанлы режимининъ акъыл алмаз вахшетини ачып косьтерди.

В рассказе «Асанчик и Кашкачик» на примере трагической судьбы одной крымскотатарской семьи, маленького мальчика Асанчика и его верного друга щенка Кашкачика, известный крымскотатарский писатель Рустем Муедин передал страшную трагедию депортации крымскотатарского народа, организованной 75 лет тому назад кровавым сталинским режимом.

В оповіданні «Асанчик і Кашкачик» на прикладі трагічної долі однієї кримськотатарської родини, зокрема, маленького хлопчика Асанчика та його вірного друга цуценяти Кашкачика, відомий кримськотатарський письменник Рустем Муедин передав страшну трагедію депортації кримськотатарського народу, організованої 75 років тому кривавим сталінським режимом.

Rustem Muedin's short story Asanchik and Kashkachik highlights the terrible tragedy of the eviction of the Crimean Tatar people, organized 75 years ago by the bloody Stalinist regime by an example of the tragic fate of a Crimean Tatar family, a small boy Asanchik and his loyal friend Kashkachik.

УДК 821(=512.19)
ББК 84(Крмтат)

ISBN 978-5-906959-88-1

© Рустем Муедин, 2019
© Февзий Муединов, 2019
© ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2019

ЗНАТЬ И ПОМНИТЬ, ЧТОБЫ НЕ ПОВТОРИЛОСЬ...

18 мая 2019 г. исполняется 75 лет со дня начала депортации крымскотатарского народа. В этой книге вниманию читателей предлагается на языке оригинала и в переводе на другие языки один из рассказов крымскотатарского писателя Рустема Муедина «Асанчик и Кашкачик».

Это горестная, трагическая история короткой жизни и большой дружбы маленького крымскотатарского мальчика и его верного друга-щенка, которые «одинаково мучились и одинаково умерли одной смертью, безгрешными покинув этот мир». Рустем Муедин, писатель, который пережил депортацию и является её непосредственным, можно сказать, художественно-документальным свидетелем, на трагическом примере обычной крымскотатарской семьи передал страшную трагедию всего многострадающего крымскотатарского народа. Передал ярко и образно, горестно и щемяще, показав весь ужас бездушноты тиранической государственной системы, где перемалывались и рушились судьбы и жизни не только отдельных людей, но и целых народов. Что могла значить для этого кровавого молоха хрупкая жизнь какого-то мальчишки и уж тем более беспородной его собачонки!

Но именно на ответственности за самое бесценное на этой земле – ЖИЗНЬ, на уважении личности и достоинства каждого человека, на правде и справедливости, на сострадании, добре и гуманизме и должно строиться наше общество. А напоминать об этом и учиться этому нужно, начиная с самого раннего возраста, поэтому данная книга ориентирована, в первую очередь, на подрастающее поколение, на учеников школ, на детей – ровесников героя этого пронзительного и поучительного рассказа Р. Муедина. И чем на большее количество языков в нашем многонациональном Крыму и языков народов мира будет переведено это произведение, тем больше людей будут знать и размышлять о трагедии, которую пережили крымские татары и другие депортированные из Крыма народы, тем больше будет гарантий, что это в будущем не повторится.

Аблязиз ВЕЛИЕВ,

**заведующий лабораторией Научно-исследовательского института крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов
Крыма Крымского инженерно-педагогического университета,
член Союза крымскотатарских писателей**

Видання оповідання «Асанчик і Кашкачик» знаного кримськотатарського майстра слова Рустема Муедіна трьома державними кримськими мовами – в оригіналі, російською та українською (а окрім того – ще й англійською) стане добрим знаком вшанування пам'яті автора, якому у 2019 році виповнюється 100 років з дня народження. Це є знаковим, бо кримськотатарська, російська та українська мови за діючою кримською конституцією є державними і ними спілкуються переважна більшість кримчан. Тому таке видання дасть змогу ознайомитися з цим твором широкому читацькому загалу. А оповідання своєю змістовністю та ідейними настановами, що впливають з його сюжету, цілком на це заслуговує.

Високохудожній, майстерний твір Рустема Муедіна порушує трагічну долю депортованих з Криму у 1944 році народів злочинною більшовицькою владою, зокрема, кримськотатарського. Ця болісна тема розкривається автором на прикладі поневірянь однієї кримськотатарської сім'ї і тяжких перипетіях двох головних персонажів твору – малолітнього хлопчика Асанчика і відданого йому чотирилапого друга маленького цуценяти Кашкачика.

Автор, який сам пережив депортацію, через трагічну долю і загибель своїх героїв пропагує ідеї цінності людського життя, гуманності, добра і справедливості, чуйності у ставленні до людини. А саме на цих засадах має будуватися демократичне суспільство. Вони, ці засади, є актуальними й для нашого багатонаціонального Криму і є запорукою миру, толерантності та співпраці між усіма, хто проживає на кримській землі.

Михайло ВИШНЯК,

вчений-літературознавець, критик, поет

МУЭЛЛИФ АКЪКЪЫНДА

Белли кырымтатар яздыжысы Рустем Муедин (Муединов Рустем Османович) 6 июль 1919 сенеси Акъмесджитте догъды. 24 январь 2012 сенеси вефат этти.

Рустем Муедининъ бабасы Осман — Миллий Фыркъа азасы олгъаны ичюн совет кырумы тарафындан такъибаткъа огъратылгъан эди. Рустемден башкъа къорантада даа алты бала бар эди. Догъмуш агъасы Мемет Севдияр (Муединов) айтувлы кырымтатар журналисти, шаир ве терджиман эди. Акъмесджиттеки 13-юнджи орта мектебини битирген сонъ Совет ордусына чагъырылгъан Рустем Муедин, 2-инджи Дюнья харбинде иштирак этти. 18 майыс 1944 сенеси аилесинен берабер Озбекистангъа сюрдюн этильди.

«Сёнмеген йылдызлар» пьссасы иле белли олгъан Рустем Муедин, эки пердели алты пьсса, роман, бир чокъ повесть ве икяелернинъ де муэллифидир. Рустем Муединнинъ бир сыра эсерлери рус ве украин тиллерине чевирилип нешир этильди.

Бир муддет Къырым джумхуриет радиокомитети ве «Къырым» газетасында чалышкъан Рустем Муедин Украина яздыжылары бирлигининъ азасы эди.

Рустем Муедин «Асанчыкъ ве Къашкъачыкъ» икяесинде, бир кырымтатар аилесини, кичкене бала Асанчыкъ ве онынъ садыкъ досту кучелек Къашкъачыкънынъ дешетли такъдирини орьнек этип аларакъ 75 йыл эвель сойкъырымгъа огъратылгъан бутюн Къырымтатар халкъынынъ башына кельген сюрдюнлик фаджиасыны, Сталиннинъ къанлы режимининъ акъыл алмаз вахшети ачып косьтерди.

ОБ АВТОРЕ

Известный крымскотатарский писатель Рустем Муедин (Муединов Рустем Османович) родился 6 июля 1919 года в Акмесджите (Симферополе), ушёл из жизни 24 января 2012 года.

Отец, Осман Муедин, был членом партии Милли Фирка, из-за чего постоянно подвергался преследованиям. Кроме Рустема в семье было ещё шестеро детей. Родной брат Рустема Муедина Мемет Севдияр (Муединов) был известным крымскотатарским журна-

листом, поэтом, переводчиком.

После окончания симферопольской школы №13 Рустем Муедин служил в рядах Советской армии, с началом войны ушёл на фронт. 18 мая 1944 года вместе со всей семьёй был депортирован в Узбекистан.

Кроме известной пьесы «Сёнмеген йылдызлар» («Непогасшие звёзды»), Рустем Муедин написал 6 больших пьес на два действия, роман, много повестей и рассказов.

Ряд произведений переводились и публиковались на русском, украинском языках. Работал в Крымском республиканском радиокомитете, а также корреспондентом в газете «Къырым». Был членом Национального союза писателей Украины.

В рассказе «Асанчик и Кашкачик» на примере трагической судьбы одной крымскотатарской семьи, маленького мальчика Асанчика и его верного друга щенка Кашкачика, Рустем Муедин передал страшную трагедию депортации крымскотатарского народа, организованной 75 лет тому назад кровавым сталинским режимом...

ПРО АВТОРА

Відомий кримськотатарський письменник Рустем Муедін (Муедінов Рустем Османович) народився 6 липня 1919 року в Акмесджиті (Сімферополі), пішов з життя 24 січня 2012 року.

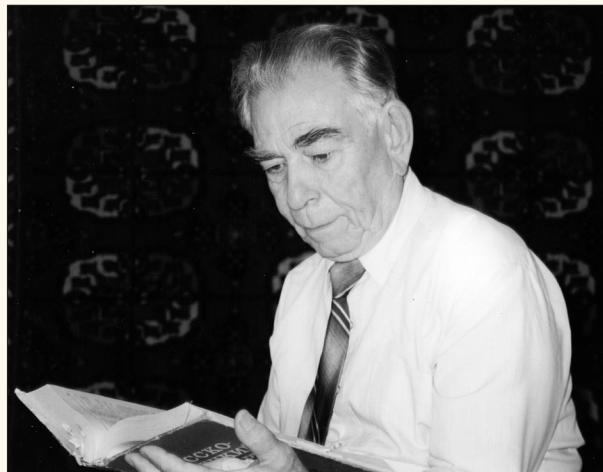
Батько, Осман Муедін, був членом партії Міллі Фірка, через що зазнавав постійних переслідувань. Крім Рустема в сім'ї було ще шестеро дітей. Рідний брат Рустема Муедіна Мемет Севдіяр (Муедінов) був відомим кримськотатарським журналістом, поетом, перекладачем.

Після закінчення сімферопольської школи №13 Рустем Муедін служив у лавах Радянської армії, з початком війни пішов на фронт. 18 травня 1944 року разом з усією родиною був депортований в Узбекистан.

Крім відомої п'єси «Сёнмеген йылдызлар» («Непогаслі зірки»), Рустем Муедін написав 6 великих п'єс на дві дії, роман, чимало повістей та оповідань.

Ряд творів перекладалися і публікувалися російською, українською мовами. Працював у Кримському республіканському радіокомітеті, а також кореспондентом в газеті «Къырым». Був членом Національної спілки письменників України.

В оповіданні «Асанчик і Кашкачик» на прикладі трагічної долі однієї кримськотатарської родини, зокрема, маленького хлопчика Асанчика та його вірного друга цуценяти Кашкачика, Рустем Муедін передав страшну трагедію депортації кримськотатарського народу, організованої 75 років тому кривавим сталінським режимом...

ABOUT THE AUTHOR

The well-known Crimean Tatar writer Rustem Muedin (Rustem Osman oğlu Muedin) was born on July 6, 1919, in Akmesçit (Simferopol), and died on January 24, 2012.

The author's father, Osman Muedin, was a member of the Milli Firka party. The party membership was the cause of constant persecution. There were six other children in the family, besides Rustem. His brother Mehmet Sevdiyar (Muedin) was a well-known Crimean Tatar journalist, poet, and translator.

After leaving Simferopol school №13, Rustem Muedin served in the Soviet Army. When the war broke out, he went to the front. On May 18, 1944, Rustem Muedin and his family were evicted to Uzbekistan.

Besides his famous play Non-Extinct Stars, Rustem Muedin has written six big two-act plays, a novel, many novelettes, and short stories. A number of his works have been translated into Russian and Ukrainian.

The writer worked in the Crimean Republican Radio Committee and also, was a correspondent for the newspaper Qirim. He was a member of the National Union of Writers of Ukraine.

Rustem Muedin's short story Asanchik and Kashkachik highlights the terrible tragedy of the eviction of the Crimean Tatar people, organized 75 years ago by the bloody Stalinist regime by an example of the tragic fate of a Crimean Tatar family, a small boy Asanchik and his loyal friend Kashkachik.

АСАНЧЫКЪ ВЕ КЪАШКЪАЧЫКЪ

*Кунешке бакъсанъ,
кунеш нек рушен.
Бугунъ шень яшаймыз,
ярын ола шень.
(Дженктен эвельки йырдан)*

Яры гедже вакътында пенджеренинъ джамына бир-бири артындан учь кере, бираздан сонъ исе, эки кере даа чертильди. Шефикъа тѣшегинден турьп, пенджереге дегиль де, къапы тарафкъа ашыкъты. О, къапынынъ мандалыны чеккени киби, къапы явашчыкътан ачылып, ичери, дагъда партизанлыкъ эткен къоджасы – Эмирусейн кирди.

Кимсе корьмедими? – деп сорады къарысы.

Ёкъ. Бутюн кой терен юкъуда. Немселернинъ бекчилери ялынъыз озьлери яшагъан эвлернинъ этрафында доланалар, – деди къоджасы.

Бу арада, инджечиктен, вийкъылты сеси чыкъты.

Вай... Бу да не я? – деди Шефикъа, къаранлыкъ ода ичинде ич бир шей корамайып.

Къоркъма, къоркъма. Элинъи бер, шимди не олгъаныны билирсинъ, – деп къоджасы онынъ элини озюнинъ къойнуна тартты. Шефикъанынъ эли йымшакъ бир шейге тийгенде кене вийкъылты сеси чыкъкъанынен, о къоркъа тюшип:

– Къойнунъда не бар я? – деп сорады.

– Къоркътынъмы? Бу, ич бир зарарсыз кучелек, – деп къоджасы кучелекни ерге къойды.

– Я о да шимди неге керек? Оны ненен бакъа-

АСАНЧИК И КАШКАЧИК

*Посмотришь на солнце –
Солнце радостно.
Живём сегодня весело,
Завтра будет веселей.
(Из довоенной песни)*

АСАНЧИК І КАШКАЧИК

*Якщо веселе
сяє сонце,
Життя веселе
буде в нас...
(З пісні довоєнних літ)*

Опівночі тричі постукали у вікно. За мить – ще двічі. Шефіка підхопилася з ліжка й метнулася до дверей. Відтягла засув, двері тихо прочинилися і до хати увійшов її чоловік Емірусейн. Він був партизаном.

«Тебе ніхто не бачив?» – спитала пошепки Шефіка. «Ні, все село спить. Німці вартують тільки біля будинків, де вони живуть», – стишено відповів чоловік.

У темряві раптом почулося якесь тонке скавуління. «Ой, що таке?» – здивувалася Шефіка, вдивляючись у пільму. «Не бійся, – сказав Емірусейн, – дайно руку, ось зараз побачиш, що це», – і потяг її руку собі за пазуху.

Долоня Шефіки торкнулася чогось м'якого, теплого, воно ворухнулося і знову заскавуліло – жінка аж відсахнулася. «Та що ж там у тебе?!»

– Ти що, злякалася? Це ж цуценя! – сказав чоловік, витяг з-за пазухи і опустив безпорадне собача на долівку.

– Ой, та воно ж зовсім іще молочне. І чим же його годувати? – Шефіка підхопила теплий тремтячий клубочок на руки, погладила.

ASANCHIK AND KASHKACHIK

*Take a look at the sun –
The sun is full of joy.
Today, we live happily
Tomorrow, we'll live happier.
(Lines of a pre-war song)*

There were three knocks on the window at midnight, in an instant, two knocks more. Sheffika jumped out of her bed and darted to the door. She raised the bar, quietly opened the door and let her husband, Emirussein in. He was a partisan.

«Has anyone seen you?» Sheffika asked.

«No, the whole village is asleep. The Germans keep their sentries only at the houses where they live,» the man replied.

A kind of subtle whining was heard in the darkness.

«What's that?» Sheffika asked, surprised, peering into the pitch black.

«Don't be afraid.» Give me your hand, now you'll see what it is,» Emirussein said, thrusting her hand into his bosom.

Sheffika's palm has touched upon something soft and warm. It moved and whined again. It was so unexpected that the woman even flinched back.

«Hey, what have you got there?!»

«Are you afraid? It's just a puppy!» the man said, and pulling it out of his bosom, put the helpless pup on the floor.»

джакъмыз? Озю де даа сют ичкен чагъында олса керек, – деп Шефикъа кучелекни къучагъына алып сыйпакълады.

– Мытлакъ сют бермеге имкян ёкъ эбет. Лякин савут-саба ювундыгъынен бакъылыр кетер.

– Шимдики вакъытта ювундыкъ да сийрек ола.

– Мен сизге, дагъдан тыгъыс пителерден кетирдим.

– Бутюн вакъыт койлерден ашайыт маллары истей эдинъыз. Энди дагъдан пите кетирдинъми?

– Немселернинъ эрзакъ обозыны тутып алгъан эдик. Командиримиз мени мында, хабер алмакъ ичюн ёллагъанда: «Эп бир эвинъе де бараджакъ-сынъдыр, мынавы учъ питени алып кет», – деди. Фурсаттан файдаланып, битмезден эвель, Асанчы-къкъа бахшыш оларакъ бир де кучелек алып кельдим. Дагъдаки къанджыкъ дёрт бала тапкъан эди, аман пай этип алдылар. Энди дженк сонъуна якъын-лаша. Азбарымызгъа бекчи олур.

Эмирусейн къарысындан, немселернинъ койге келювлери, кетювлери, мыкъдары ве эсас силялары акъкъында малюмат алгъан сонъ сагълыкълашып, кестирме ёлларнен дагъгъа кетти.

* * *

Шефикъа оны озгъаргъан сонъ, тёшегине, Асанчыкънынъ янына барып ятса да, юкълап оламады. О, кечмишнинъ чешит адиселерини хатырламагъа башлады.

...Шефикъанен Эмирусейн биринджи басамакъ кой мектебини берабер битирип, тасиллерини шеэрде девам этмеге истеселер де, колхознынъ реиси

В полночь в окошко трижды, потом ещё дважды постучали. Шефика, вскочив с постели, поспешила к двери. Отодвинула задвижку, дверь тихонько приоткрылась и в комнату осторожно вошёл её муж Эмирусейн – он партизанил в лесу.

– Никто не заметил? – прошептала жена.

– Нет. Все спят. Немецкие охранники ходят только вокруг домов, где сами живут, – ответил муж.

В темноте вдруг послышалось тоненькое пощипывание.

– Вай... Кто это? – удивилась Шефика, вглядываясь в темноту.

– Не бойся, не бойся. Дай руку и сразу поймешь, кто это такой, – муж потянул её руку к себе за пазуху. Рука Шефики прикоснулась к чему-то мягкому, что-то опять заскулило, она испугалась: – Кто, кто у тебя здесь?

– Что, испугалась? Это щенок, он не кусается, – сказал муж и опустил собачонку на пол.

– Зачем он нам? Чем его кормить? Он маленький, ему ведь нужно молоко, – сказала Шефика и, подняв щенка на колени, стала его гладить.

– Конечно, кормить молоком мы его не сможем. Но и голодать не дадим. Я вам принёс три лепёшки.

– Партизаны всегда спрашивали у крестьян продукты. А сейчас ты из леса принёс лепёшки?

– Мы отбили у немцев обоз с продовольствием. Когда командир послал меня в разведку, сказал: «Ты ведь заглянешь домой, отнеси эти лепёшки». Собака в лесу родила четверых щенят. Всех разобрали. Я вот Асанчику в подарок принёс одного. Война скоро закончится, будет он у нас во дворе сторожем.

– Звичайно, молочком ми його балувати не зможемо, але ж зі столу якісь крихти лишатимуться, виростимо.

– Тепер навіть зайвих крихт не буває, – зітхнула Шефіка́.

– Я приніс вам з гір трохи сухарів.

– Ви приходите в село по харчі, а у горах ще й хліб випікаєте? – спитала дружина.

– Та ні, це ми обоз німецький захопили. Коли командир відправляв мене сюди, то сказав, щоб я взяв трохи сухарів, бо знає, що все одно ж зайду додому. А я, скориставшись нагодою, як подарунок Асáнчику прихопив ще й оце цуценя. Собака в горах привела четверо щенят, от ми їх і розібрали. Війна вже йде до кінця, то матимемо у дворі свого сторожа.

Емірусейн розпитав дружину про німців у селі, скільки їх, чи не помітила, яка у них зброя, куди й коли виїжджали. Наостанок приголубив поглядом сплячого сина, попрощався з дружиною і подався знову у гори.

* * *

Провівши чоловіка, Шефіка підійшла до ліжка, де спав Асáнчик, лягла поруч, але довго не могла заснути, перегортаючи в пам'яті минуле...

Шефіка й Емірусейн разом закінчили початкову сільську школу і хотіли їхати до міста, щоб учитися далі, але голова колгоспу, боячись втратити молодих працівників, всіляко їх від цього відмовляв й переконував, аби вони залишалися в селі. Більшість молоді трудилася тут у садах й на тютюнових полях.

«But he's just a suckling. What will I feed him with?» Sheffika picked the warm trembling pup in her hands and caressed him.

«Although we won't be able to pamper him with milk, there're always some crumbs from the table. We'll raise him.»

«Nowadays we haven't even any leftovers of food,» Sheffika sighed.

«I've brought some crackers from the mountains for you.»

«So, you come to the village for food, and bake bread in the mountains?» his wife asked.

«No, we've trapped the German provision convoy. When the commander sent me here, he told me to take some crackers with me for he knew well that I would drop in my home anyway. Besides, taking advantage of an opportunity that a dog there in the mountains whelped four puppies, I grabbed this one as a present to Asanchik. The rest of the litter was taken away as well. The war comes to an end, so we'll have a guard in our yard.»

Emirussein asked his wife about the Germans in their village: how many of them were there, whether they had been moving out of it, and if she had noticed what weapons they had. Finally, he cast a caressing glance at his sleeping son, bid farewell to her, and returned to the mountains.

* * *

Sheffika saw her husband off and came to the bed, where Asanchik slept. She lay down beside him, but

генчлерден, яни эсасен иш япаджакълардан марум къалмагъа истемейип, оларгъа бир-чокъ эйиликлер япаджагъыны ишандыраракъ, койде къалдырмагъа тырыша эди. Бойлеликле, яшлар ве къызлар багъ-багъчаларда ве тютюн тарлаларында чалышмагъа меджбур ола эдилер.

Кемалына кельген генчлернинъ юреклерине севги дуйгъулары кирмеге башлагъан сонъ, окъув меселеси экинджи ерге къалдырылды. Шефикъанен Эмирусеин бир-биринен севишип, аятлары акъкъында лакъырды эткенде де, башта эвленмекни, сонъ исе шеэрге кочип, тасиллерини девам этеджеклерини анълашкъан эдилер. Лякин эр шей тюшонгенинъ киби чыкъмай экен. Олар 1937 сенесининъ кузюнде эвленмекни къарарлаштыргъан эдилер. Лякин...

1937 сенесининъ бааринде, эр ерде Майыс байрамына азырлыкъ кете. Байрам арфесинде, Шефикъанынъ агъасы ве эки генч, колхознынъ энъ фааль комсомоллары оларакъ, клубнынъ ичини яраштыра эдилер. Шефикъанынъ агъасы мердивенге чыкъып, устюне шиар язувлы къырмызы къумачны диваргъа пекитеджекте, шу ерде курсю устюнде тургъан Сталиннинъ бюстыны тесадюфен тирсегинен итеп йыкъа. Чырайы ап-акъ кесилип, тюшип бакъса, бюст озю къырылмайып, ялынъыз бурнунынъ уджу къопкъан. Аркъадашларына бакъып: «Энди не япайыкъ?» – десе, олар омузларыны къысалар. О йыллары бу адисе, Сталиннинъ шахсен озюне суикъаст япмакънен бир сайыла эди.

Шефикъанынъ агъасы не япаджагъыны бильмегинден, кетип, бабасыны чагъырып келе. О, буруннынъ парчасыны япыштырып къоймакъны

Эмирусеин, распросив жену о численности немцев в селе и об их основном вооружении, попрощался и короткой дорогой вернулся в лес.

* * *

Шефика, проводив супруга, легла в постель рядом с Асанчиком, но так и не смогла заснуть. В памяти всплывали картины из прошлого...

Шефика и Эмирусеин вместе окончили сельскую школу, собирались продолжать учёбу в городе. Председатель колхоза, который не хотел расставаться с трудолюбивой молодёжью, сумел убедить их не уезжать, обещая им достойную жизнь. Таким образом, выпускники остались работать в садах и на табачных плантациях колхоза.

А затем пришла любовь и учёба отошла на второй план. Шефика и Эмирусеин, строя планы на будущее, собирались сначала пожениться, а потом переехать в город и продолжить учёбу. Свадьбу они планировали сыграть осенью 1937 года. Но, к сожалению, получилось всё по-другому...

Весной 1937 года, в канун празднования 1 мая, брат Шефики и двое самых активных комсомольцев колхоза украшали помещение клуба. Брат Шефики, поднявшись на лестницу и пытаясь закрепить красное полотно с написанным лозунгом, случайно задел локтем бюст Сталина и свалил его на пол. Юноша очень испугался. Спустившись с лестницы, он увидел, что бюст, к счастью, цел, но краешек носа отломлен. Растерянно посмотрел на товарищей: «Что же теперь делать?». Они пожали плечами. В

Юнак і дівчина покохали одне одного, тож питання про навчання само собою перемістилося на другий план. Шефіка й Емірусейн збиралися спочатку одружитися, а вже потім разом податися до міста. Вже й намітили весілля на осінь, але не все так сталося, як гадалося...

Навесні 1937 року повсюди йшли приготування до першотравневих свят. Брат Шефіки з двома друзями – комсомольцями-активістами – прикрашали сцену в сільському клубі. Хлопець піднявся на драбині, щоб закріпити кумачевий транспарант, й ненароком зачепив бюст Сталіна, який звалився з постамента і з гуркотом покотився сценою. Юнак метнувся за ним – і аж сполотнів, побачивши, що хоча сам гіпсовий Сталін і не розбився, але у нього відколовся шматочок носа.

Хлопець злякано дивився на друзів. «Що ж нам тепер робити?» – спитав у відчай. Ті лише стенули плечима.

Тоді такі випадки вважалися замахом на самого товариша Сталіна. Розгублений юнак покликав батька. Той порадив намочити й приставити носа до голови, але один з хлопців зауважив, що ніс подовшає і буде помітна тріщина, а як висохне – він відвалиться знову.

Батько Шефіки звернувся до хлопців: «Ви ж товаришуєте? Зможете зберегти це в таємниці?» «Звичайно», – дружно запевнили ті.

«Я цей бюст розколю, щоб не можна було впізнати, ми покладемо його в мішок, віднесемо і закопаємо в горах, – сказав батько. – А ви заховайте поста-

could not fall asleep for a long time, memories of the past filling her mind.

Sheffika and Emirussein had left the primary village school together and wanted to go to a city to study further, but the head of the collective farm, afraid of losing young workers, did all he could, persuading them to stay in the village. Most of the youth worked there in the gardens and on tobacco fields.

Meanwhile, the young man and the girl had fallen in love with each other, so their dreams of further education were shifted to the background. Sheffika and Emirussein decided to get married first, and then go to a city together. Their wedding was scheduled for autumn already, but man proposes, God disposes...

In the spring of 1937, preparations were made for May Day holiday⁽¹⁾. Sheffika's brother, together with two Komsomol⁽²⁾ activists, his friends, was decorating the stage of the village hall. The guy climbed the ladder to tack a scarlet streamer and accidentally touched a gypsum bust of Stalin. It fell off its pedestal and rolled across the stage with a loud thud. The young man rushed after it and turned pale when he saw that, although the Stalin statue was not broken, a part of his nose had split off.

The boy stared at his friends. «What now?» he asked in despair. They just shrugged.

In those days, such actions were considered an act of brutal disrespect personally to Stalin. The confused young man called his father. The father advised to make the split piece wet and stick it to the head, but one of the guys said that the nose would become longer and

теклиф эте. Лякин генчлерден бири: «Бурну узунджа олып кялары. Эм, кьуругъан сонъ, озю тюшип кете билир», – деп итираз эте. Шефикъанынъ бабасы: «Сиз, бир-биринъизнен дост олып юрьген яшларсыз. Сыр тутмагъа биледирсиз эбет. Мен, бу бюстны танылмайджакъ къадар парчалап, бир чулгъа чырмап, дагъда комип кьоймакъны теклиф этем. Темель курсюсини де сана туюбуне сакъласанъыз, кимсенинъ ич бир шейден хабери олмаз. Не дейсинъиз?» – дей. Генчлер бу теклифнен разы оларар ве шу ишни япмакъны Шефикъанынъ агъасына авале этелер. Байрам тынч кече. Лякин учъ майыстан дёрт майыскъа айланыр геджеси, НКВД-ден махсус машинанен келип, Шефикъанынъ бабасынен агъасыны алып кетелер. Шефикъа анасынен берабер оларны не къадар кыдырсалар да, тапамайлар. Къайда барсалар: «Мында ойле адамлар ёкъ!» – деген джевапны алалар. Шу кетиш – бу кетиш. Олардан бу кунге къадар хабер-тебер ёкъ. Лякин шимди 1944 сенесининъ феввали. Шефикъа, агъасы джезалав ротасынынъ теркибинде дженклешип, Сталинград шеэрининъ дживарында эляк олгъаныны, бабасы исе лагерьде ачлыкъ ве хорлукъ чекип ольгенини ич бир вакъыт бильмейджек.

* * *

Шефикъа юкьудан уянгъан киби элесленди ве орталыкъны козьден кечирди. Тышары биряз ярыкъланып башлагъан эди. Асанчыкъ кьозу киби юкьлай, кучелек исе ерде топланып ята ве базада бир выйкъылты сеси чыкъарып ала эди. Шу агъыр тюшюнджелерден Шефикъанынъ руху бозулгъан олса

те годы подобный случай считался покушением на личность товарища Сталина.

Брат Шефики пошёл за советом к отцу. Привёл его в клуб. Тот предложил приклеить кусочек носа. Но один из парней возразил: «Нос может оказаться длиннее. Да и после того, как высохнет, может отпасть».

«Вы ведь дружите и, конечно же, можете хранить тайну. Я предлагаю разбить этот бюст на мелкие кусочки, отнести в лес и закопать. Основание же бюста спрятать под сценой, и никто ничего не узнает. Что скажете?» – предложил отец Шефики. Все присутствующие согласились и поручили это сделать брату Шефики.

Праздник прошёл спокойно. Но в ночь с третьего на четвёртое мая на машине приехали НКВДшники, забрали отца и брата Шефики. Сколько бы ни искали их Шефика с мамой, так и не смогли найти. Куда ни обращались, везде им отвечали: «Здесь таких людей нет!» Так они и исчезли. До сих пор от них нет никаких известий, хоть сейчас уже февраль 1944 года. К сожалению, Шефика так никогда и не узнает о том, что брат, сражаясь в составе штрафной роты, погибнет на подступах к городу Сталинграду, а отец умрёт в лагере от голода и мучений.

* * *

Шефика встрепенулась и огляделась. Во дворе уже светало. Асанчик спал как, ягнёнок, а щенок лежал рядом, свернувшись в клубок, иногда повизгивая во сне.

мент десь під сценою, тоді ніхто й не помітить»...

Свято пройшло спокійно. Але після нього, у ніч з 3 на 4 травня, в село нагрянули співробітники НКВС, забрали і кудись повезли батька і брата Шефіки на своєму «чорному воронку». Скільки потім не намагалися Шефіка з матір'ю їх відшукати, але так і не знайшли. Куди б вони не зверталися, їм відповідали, що таких людей у них нема й ніколи не

the crack would be seen. Besides, when dry, it would fall off again.

Sheffika's father turned to the young men, «Are you friends? Can you keep a secret?

«Of course,» they assured him.

«I'll split this bust to pieces so that no one can recognize it, then we'll put it in a bag, carry it to the mountains and bury it there,» the father said. «And if you

да, озю фаркъына бармадан, терен тюшонджелерге бир даа далып кетти.

1938 сенесининъ язына къадар терен къасеветлер ичинде булунгъан, козьаш тѣке-тѣке, азып-тозып къалгъан Шефикъанынъ анасы: «Къызым, умютсиз ёлгъа кеткенни беклемек олмаз. Сагъ-селямет олгъанларнынъ аятлары озь джерьянынен кетмек керек. Сен Эмирусеиннен къоранта къурсанъ, меним козюм ачыкъ кетмез эди», — деди. Шу йылы агъустоснынъ сонъуна таба, Шефикъанен Эмирусеин эвлендилер. Арадан бир афта кечер-кечмез, яныкътан юреги ипрангъан, Шефикъанынъ анасы эманетини берди. Акъикъатен, онынъ козьлери ачыкъ дегиль эди. Демек, къызынынъ такъдири ичюн мемнюн олып кетти.

Шефикъанен Эмирусеин бир-бирини сайып-севип яшадылар. 1939 сенеси агъустоста Асанчыкъ догъды. Бир тарафтан бу буюк къуванч олса да, экинджи тарафтан, Шефикъанынъ юрегини бир шей кемирген киби ола эди. О озюнинъ аятыны козь огюне кетирип, шу яшына къадар бир бахтлы кунъ корьмегенине окюне де: «Айлакъ, дюнья бойле кетерми? Эндики яшлыкъ дерт-беля корьмемек, ачлыкъ азаплары чекмемек кереклер», — деп озь-озюне теселли бере эди. Эмирусеин исе, колхоз ишине саба эрте кетип, акъшам кеч вакъытта ач ве ёргъун къайткъанына бакъмадан, илеридеки парлакъ омюрге ишанып яшай эди. Сагъ элинде сакъатлыгъы олгъаны ичюн, оны ордугъа алмадылар. Дѣрт сыныфлыкъ бильгиси олгъанына бакъмадан, тютюнджилик бригадасына бригадир этип тайинледилер.

Тяжёлые воспоминания вновь овладели ею.

Летом 1938 года почерневшая и похудевшая от горя мать, не перестававшая проливать слёзы, сказала: «Доченька, тех, кто ушёл по той страшной дороге, ждать нет надежды. Жизнь оставшихся должна идти своим чередом. Если бы вы с Эмирусеином создали семью, то я бы покинула этот мир со спокойной душой».

В тот же год в конце августа Шефика и Эмирусеин поженились. Не прошло и недели, как у матери Шефики не выдержало измученное сердце и она покинула этот бранный мир. Она ушла из жизни с закрытыми глазами. Значит, за судьбу своей дочери она была спокойна.

Шефика и Эмирусеин жили в любви и согласии. В августе 1939 года родился Асанчик. С одной стороны, это была большая радость, но с другой – на душе Шефики было беспокойно. Представляя всю свою жизнь, она переживала от того, что так мало выдавалось счастливых дней. «Неужели всё так и будет продолжаться? Несправедливо это – дети не должны страдать от войны и голода», – думала она.

Эмирусеин был оптимистом, ободрял её, считая, что все трудности временные. Его из-за травмы руки не призвали на службу. Несмотря на четырёхклассное образование, назначили бригадиром табачководческой бригады.

* * *

В 1941 году в начале войны Эмирусеина вместе со всеми взяли в армию. В Симферополе их остриг-

було. І до цих пір про них нема жодних звісток – а нині вже лютий 1944 року. І ніколи Шефіка вже не довідається, що її брат потрапив у штрафну роту і загинув у боях за Сталінград, а батько помер у таборах від голоду і знущань.

* * *

...Шефіка прокинулася стривожена. Вже світало. Асанчик спав, немов ягнятко, а цуценя, згорнувшись клубочком на долівці, лише часом поскімлювало.

З тривожними думками Шефіка знову повернулася у важкі спогади. За рік, що минув після того жахливого випадку, її мама дуже змінилася, вона увесь час тужила, переживаючи за долю чоловіка і сина, змарніла, посивіла. Якось вона сказала дочці: «Марно чекати на тих, хто пішов від нас в невідомість. Живі мають жити далі, лиш би Аллах вберіг вас від гіршого. Якщо ви з Емірусеїном поберетеся, я можу вже й спокійно померти...»

Наприкінці літа Емірусеїн і Шефіка справили весілля. А через два тижні не стало матері, убитої стражданнями й горем після зникнення чоловіка і сина...

Молодята жили у мирі й згоді, кохаючи і шануючи одне одного. У серпні 1939 року в них народився син Асанчик. Це була дуже радісна і щаслива подія, але серце Шефіки точила якась підсвідома гнітюча тривога за долю своєї дитини. Після зникнення батька і брата та смерті матері вона не бачила радості у своєму житті. «І невже ж цей світ буде завжди

hide the pedestal somewhere under the stage, then nobody will notice its disappearance.»

The holiday passed smoothly, but afterwards, on the night of May 3rd to 4th NKVD⁽³⁾ officers turned up out of the blue in the village. They apprehended Sheffika's father and brother and took them away in their Black Maria. No matter how hard Sheffika and her mother tried, they never found them. Wherever they searched, they were told there was no record of such people. By February 1944, there was still no news about them. Sheffika would never know that her brother had been enrolled to a penal company and fallen in the battles for Stalingrad, and her father had died in GULAG⁽⁴⁾ camps of hunger and mistreatment.

* * *

Anxiety draining her senses, she awoke. The dawn was breaking. Asanchik was asleep like a lamb. The puppy was sleeping too, curled up on the floor in a furry ball with the occasional whine.

With heavy thoughts roaming in her head, Sheffika plunged into her turbulent memories again. During the year that had passed since the terrible incident, her mother had changed a lot. She was always sad, worrying about the fate of her husband and son. She'd lost weight and her hair turned grey. One day she said to her daughter, «It's useless to wait for those who have left us and gone missing. Those who are alive must live on, let Allah save you from the worst. If you wed Emirussein, I'd die in peace.»

At the end of the summer, Sheffika got married to

* * *

1941 сенеси дженк башлагъанынен, Эмирусейинни де дженкчилер сафына чагъырып алдылар. Акъмесджитке кетирильген яшларнынъ сачларыны къыркъып, аммамда ювундыргъан сонъ, устьлери-не энди къулланылгъан арбий урбалар кийдирип, Оркъапы тарафкъа, мудафаа тутмагъа ёлладылар. Эр бир аскерге он бешер фишек (патрон), эр бир он аскерге исе, учер тюфек бердилер. Бойле сияланув-нен душманны токътатып оламайджакълары акъкъ-ында лафлар джайрагъан сонъ, полк аскерлерини бир ерге топлагъан комиссар: «Зияде сиямыз ёкъ. Онынъ ичюн ойле япылды. Лякин ватаныны севген, Сталинни севген аскер, душманнынъ богъазы-на тишлеринен япышып, онынъ сиясыны тутып алып да, озюне къаршы тиклер. Аскерлернинъ рухуны тюшюрген киби эмиш-демишлер таркъаткъан къоркъакъ шахслар исе дженк вакътынынъ къануны муджиби джезаланаджакълар», – деп пармагъынен шакъагъыны косътерип, атув джезасы къулланы-ладжагъыны анълатты.

Невбетнен атыладжакъ он бешер фишекке къаршы, автоматларындан къуршунны фискиден суваргъан киби септирип кельген немселер ич бир мукъ-авемет коръмейджеклерини эр кес биле эди. Совет аскерлери гъарбий сынъырдан къачкъанлары киби, бу ерлерден де къачмагъа азыр тура эдилер. Немсе учакълары мудафааджыларнынъ мензиллерини бомбалагъанда, аркъадаки мензиллерге авушмакъ эмири бериле эди. Лякин газеталарда: «Тень кель-меген душман кучьлеринен шиддетли урушлар алып баргъан сонъ, бизим аскерлеримиз тири кучь-

ли наголо, помыли в бане и, переодев в бэушное во-енное обмундирование, отправили в сторону Пере-копа – держать оборону. Каждый солдат получил по 15 патронов, а с оружием оказалось труднее – три винтовки на десятерых.

После того, как среди бойцов начался ропот, что с таким снаряжением врага не остановить, комиссар собрал всех воинов полка и сказал: «Больше вооружения нет. Но тот, кто любит Родину, солдат, который любит Сталина, зубами должен рвать гор-ло врага и, отобрав его оружие, направить против него же. Личности же, распространяющие панические слу-хи, по законам войны будут наказаны». После этих слов он красноречиво прикоснулся пальцем к виску.

Все прекрасно понимали, что с пятнадцатью па-тронами, без винтовок, каждый из солдат был об-речён. Как советские войска отходили с западной границы, так и здесь в любой момент они тоже го-товы были отступить.

Когда немецкие самолёты начинали бомбить по-зиции, раздавалась команда перейти на задние ру-бежи. А газеты постоянно писали, что «после того, как провели ожесточённые бои с превосходящими силами противника, чтобы сберечь живые силы, наши войска были вынуждены изменить места дис-локации».

В одном из этих «ожесточённых» боёв советские солдаты оказались в окружении врага. Среди попав-ших в плен был и Эмирусейн. Через несколько дней он сумел сбежать и возвратиться домой. Вместе с односельчанами он присоединился к партизанам.

таким? – запитувала саму себе Шефіка. – Що ж робити, щоб хоча б наші діти не бачили горя й страждань?»

Через травму руки Емірусейна не взяли з ровесниками до армії. Хоча мав лише 4 класи освіти, його поставили керувати бригадою, що вирощувала тютюн. Спозаранку він йшов у колгосп на роботу, пізно увечері зморений повертався додому, та все ж вірив у краще життя, що своєю працею вони з дружиною зможуть його облаштувати.

* * *

Але кривавим вихором налетіла війна. Влітку 1941 року Емірусейна та його односельців мобілізували до Радянської армії. Новобранців привезли у Сімферополь, постригли наголо, перевдягли у стару військову форму й відправили у бік Перекопу обороняти шлях на Крим. Кожному солдату видали по 15 патронів, а на кожних 10 бійців – по 3 гвинтівки. Люди занепокоїлися, пішли розмови, що голірuch неможливо зупинити озброєного до зубів ворога. Полковий комісар зібрав бійців і заявив, що у них немає більше зброї, тому вони змушені так діяти. Але той, хто любить Батьківщину, любить Сталіна, повинен зубами вчепитися в горлянку ворогові, відібрати у нього зброю і направити проти нього самого. А ті, хто поширюватиме панічні чутки, що підривають бойовий дух солдатів, будуть покарані згідно із законами військового часу. При цьому він приставив палець до скроні, промовисто натякаючи, як саме вони будуть покарані.

Emirussein. Two weeks after the wedding, her mother died, killed by suffering and grief caused by the disappearance of her husband and son. The newlyweds lived in peace and harmony, loving and respecting each other. In August 1939, their son Asanchik was born. It was a joyful event, however, subconscious dismal thoughts about the fate of her child disturbed Sheffika's heart. Her father's and brother's disappearance and her mother's untimely death left little room in her heart for joy.

‘Will this world always be like this?’ Sheffika pondered. ‘What should we do to save our children from grief and suffering?’

Emirussein wasn't enrolled in the army because of trauma on his arm. He was assigned to manage the tobacco-growing team, although he had only four classes of education. He went to work at kolkhoz⁽⁵⁾ fields early in the morning, and came home tired, late at night. Yet, he still believed in a better life, that by working hard, he and his wife would be able to improve their lives.

* * *

A bloody whirlwind of war broke their hopes. In the summer of 1941, Emirussein and his fellow villagers were drafted into the Soviet Army. The recruits were brought to Simferopol⁽⁶⁾, dressed in old military uniforms and sent to Perekop⁽⁷⁾ to defend the path to Crimea. Each soldier was given 15 cartridges, every 10 fighters got 3 rifles. People got worried. There were talks that it was impossible to stop the enemy barehanded. A regimental commissar gathered the soldiers and told them that since there were no more weapons, they

лерини гъайып этмемек ичюн, мензиллерини день-иштирге меджбур олдылар», – деп языла эди. Иште ойле «шиддетли» урушларнынъ биринде, совет аскерлери душман сарымында къалгъанларыны дуймай къалдылар. Эсир тюшкенлер арасында Эмирусейн де бар эди. Лякин бир-къач куньден сонъ андан къачып, эвине келип, орталыкънынъ вазиятини корьген Эмирусейн койдешлеринен берабер партизанларгъа къошулды. Немселер акъкъында малюмат алмагъа кеткенде, имкян олса, эвине де кирип кете эди.

* * *

Тюшюнджелерине терен далгъан Шефикъа, ерге ярыкъ тюшкенини дуймай къалды. Тёшектен турып, сабалыкъ бираз чаймача пиширген сонъ, Асанчыкыны уянтмакъ ичюн, кучелекни онынъ янына кетирип къойды. Айванчыкъ, бу ерде энъ яхшы досту юкълагъаныны сезсе керек, барып онынъ устуне чыкъты, бетини-козюни яламагъа башлады. Асанчыкъ раатсызланып ынъырланды ве бетини сыйпайджакъта, эли йымшакъ шейге тийгенинен, козьлерини ачты. О, неге огърагъаныны анълап оламаса да, бирден бель устуне котерилип, кучелекке бакъып къалды. Сонъ, янаша одаки анасына бакъырып:

– Анам! Бакъынъыз, тюшюме копек баласы кельген, – деди.

– Бу, тюш дегиль огълум, – деп анасы кельди. – Оны санъа, гедже бабанъ кетирди. Адыны не къояджакъсынъ?

– Копек, – деди огълу.

– Ёкъ, о озю копек. Эр бир айваннынъ да ады ола.

Когда шёл из леса собирать сведения о фашистах, при первой же возможности навещал свою семью.

* * *

Погрузившаяся в раздумья Шефика даже не заметила, как начало светать. Встав с постели, приготовила на завтрак похлёбку. Чтобы разбудить Асанчика, положила к нему щенка. Как будто почувствовав, что рядом спит его самый лучший в будущем друг, щенок взобрался на мальчика и начал облизывать его лицо. Асанчик зашевелился, провёл рукой по своему лицу и, задев что-то мягкое, открыл глаза. Он не сразу понял, что происходит, приподнялся – и увидел щенка. Крикнул матери, которая была в другой комнате:

– Мама, мама! Ты только посмотри, мне приснился щенок!

– Это, сынок, не сон. Его тебе ночью принёс папа. Как ты его назовёшь?

– Собачкой, – ответил сын.

– Нет, он и так собачка. Видишь, у него на лбу пятно. Может, назовём его – Кашка? (*Къашкъа на крымскотатарском – пятно на голове животных.* – Ред.)

– Хорошо, так и будем звать, – глядя щенка, согласился обрадованный Асанчик.

– Как только он привыкнет к своему имени, сразу же начнёт отзываться, – добавила мама.

Дружба Асанчика и Кашкачика с каждым днём становилась всё крепче. Кашкачику во дворе смастерили будку, чтобы не было холодно, постелили

Усі розуміли, що без гвинтівок, лише з 15 патронами, які ще й треба встигнути по черзі використати, вони не зможуть протистояти німецьким автоматникам, котрі посипатимуть їх кулями, як градом. Тому як на початку війни на західному фронті, так і тепер у Криму солдати були готові до того, що їм у безвиході просто доведеться рятуватися втечею.

Німецькі літаки засипали бомбами наші окопи на передній лінії оборони, Радянська армія зазнавала поразки за поразкою. А в газетах писали, що «наші війська, ведучи жорстокі бої з переважаючими силами ворога, з метою запобігання значних втрат живої сили змушені відступити і зайняти оборону на нових, задалегідь підготовлених позиціях»...

Під час одного з таких боїв кримські новобранці не помітили, як опинилися в оточенні. Серед тих, хто потрапив у полон, був і Емірусейн. Але через декілька днів йому з товаришами вдалося втекти й манівцями добутися до свого села. Зваживши ситуацію, він з односельцями подався у гори до партизанів. Коли бував на завданні у розвідці, збираючи інформацію про фашистів, деколи крадькома заходив додому.

* * *

...Забувшись у важких спогадах, Шефіка й не помітила, як настав ранок. Піднявшись, почала готувати на сніданок чамача⁽¹⁾ – затірку. Щоб розбудити Асанчика, поклала біля нього цуценя, яке вже трохи освоїлось, посміливішало. Напевне, здогадавшись, хто тут буде його найкращим другом, собака

were to fight with what they had. However, he said, the one who loved his Motherland, loved Stalin, was to tear his enemy's throat with his teeth, take away his weapon, and turn it against his enemy. And those who spread panic rumours that undermine the fighting spirit of the soldiers would be punished according to the laws of wartime. Saying that he put his finger to his temple, hinting how they would be punished.

Everyone realized that without sufficient rifles, and with only 15 cartridges, they wouldn't be able to withstand the German machine gunners sprinkling them with bullets like hail. Therefore in Crimea, as it had been at the beginning of the war on the western front, the soldiers felt they were caught in a deadlock and were ready to flee.

German planes bombarded the trenches on the front line of defence; the Soviet army suffered defeat after defeat. Meanwhile, the newspapers stated, «our troops, leading fierce battles against the enemy's superior forces, are forced to retreat and take up the defence in new, previously prepared positions in order to prevent significant casualties.»

In one of those battles, the Crimean recruits had been surrounded before they even knew it. Emirussein was among those captured. In a few days, however, he and his comrades managed to escape and, in a roundabout way, he reached his village. On assessing the situation, he and his fellow villagers went to the mountains to join partisans. At times, on reconnaissance missions, while gathering information about Nazis, he furtively visited his family.

Манълайында къашкъасы олгъаны ичюн, адыны Къашкъа къояйыкъмы?

– Къояйыкъ, – деп Асанчыкъ кучелекни сый-пакълады.

– Бу куньден, башлап сен оны чагъыраджакъ олсанъ, Къашкъа деп чагъырырсынъ. Алышкъан сонъ адына сесленир, – деди анасы.

Иште шу куньден сонъ Асанчыкънен Къашкъачыкънынъ достлукълары кунь-куньден артты. Къашкъачыкъ эв ичинде бир къач кере аджетини япкъан сонъ, онъа азбарда юва ясап, сувукъ олмасы ичюн, устюнден джаювнен къапатып, ичине эски быджакъ джайдылар. Лякин ярамаз Къашкъачыкъ, энди авалар къызып кетеджегини сезсе керек, тюбюне тешельген быджакъны тышары чыкъарып, йырткъычламагъа башлады. Асанчыкъ онъа мани олмакъ ичюн, быджакъны алып къачаджакъ олса, Къашкъачыкъ онынъ пешине тюшип, тишлеринен быджакъкъа, я да Асанчыкънынъ балагъына япышып тарткъычлай берди. Ойле этип экиси ойнай-ойнай тавлана эдилер.

Башталары Асанчыкъ эр саба юкъудан уянгъанда, тешек устюнде эркеленип ойнай тургъан эди. Шимди исе, козьлерини ачар-ачмаз, аман тура да, башта барып Къашкъачыкънен ойнай. Экиси де бир-бирине ойле алыштылар ки, эгер Асанчыкъ юкълап къалгъан киби олса, досту барып эвнинъ къапысыны тырмалай ве чанъкильдемеге башлай. Ахыры, Асанчыкъны уянта ве экиси азбарда чапкъалашмагъа башлайлар. Бутюн куньлерини берабер кечирелер. Атта, Асанчыкъ тюшюнде достуны корип: «Йибер! Тартма! Йыртарсынъ! – деп кулюмсирей эди.

старый пиджак, а сверху накрыли её брезентом. Но озорной Кашкачик вытащил пиджак из конуры и начал рвать его. Асанчик отобрал пиджак и начал с ним убежать, щенок погнался за мальчиком: тянул то за пиджак, то за штанину Асанчика. Так они вдвоём часто играли и веселились во дворе.

Раньше, просыпаясь, Асанчик ещё долго нежил-ся в постели. А с появлением щенка, не успев открыть глаза, быстро вставал и сразу же бежал играть с Кашкачиком. Они оба так привыкли друг к другу, что если Асанчик долго не просыпался, щенок скрёбся и тявкал под дверью. Так он будил Асанчика. Целый день они проводили вместе. Даже во сне Асанчик бормотал: «Отпусти! Не тяни! Порвёшь!» – и улыбался чему-то.

* * *

После освобождения их села от немецких захватчиков партизаны стали возвращаться по домам. В середине апреля 1944 года Шефика шла по улице и слышала крики бегущих детей: «Партизаны возвращаются!» Она взяла Асанчика на руки и быстро пошла в ту сторону, куда бежали дети.

Действительно, со стороны леса из чащи выходили партизаны-односельчане. Они обнимались с прибежавшими встречать их женами и детьми и вместе с ними отправлялись в деревню. Шефика остановилась, наблюдая за появляющимися из-за деревьев партизанами, представила, что вот-вот выйдет и приблизится к ним её любимый муж и они вместе пойдут домой.

Вот уже пятеро партизан вышли из леса. Семь...

зіпнулося хлопчику на груди і почало лизати йому обличчя. Асанчик спросоння щось пробурмотів, хотів прикритися руками – і натрапив на цуценя. Він хоч і розплющив уже очі, але ніяк не міг второпати, що ж відбувається – проснувся він, чи ще спить? Хлопчик оторопіло дивився на песика, а тоді гук-

* * *

Lost in painful memories, Sheffika did not notice that it was morning already. She got up and started cooking chaimacha⁽⁸⁾ for breakfast. To wake Asanchik up, she picked up the puppy that had settled in and looked comfortable by that time and put it beside him. Having guessed who would be his best friend there, the doggy climbed on the boy's chest and began to lick his face. Asanchik muttered something in his sleep trying to cover himself with his hands and touched the puppy. Although he had already opened his eyes, he couldn't make sense of what was going on. The boy stared at the puppy for a moment, and then called out to his mum, «Hey, Mum, I saw a puppy in my dream!»

The mother approached him and smiled, «This isn't a dream, son. You father brought him at night. How will you call him?»

«Köpek,»⁽⁹⁾ the son said.

«Yes, it's a dog, but each animal should have a name. See the spot on his forehead? Let's call him Kaşka»⁽¹⁰⁾

«Good,» Asanchik agreed and stroked the puppy.

«If you call him by this name, he'll get used to it and respond to you.»

* * *

Койлери душмандан азат олунгъан сонъ, партизанлар бошадылар. 1944 сенеси апрельнинъ орталарында, Шефикъанынъ къулагъына сокъакътан: «Партизанлар къайталар, партизанлар къайталар!»

Почему больше никто не выходит? Когда Эмирусейн последний раз был дома, то говорил, что в лесу партизанят пятнадцать односельчан. Шефику охватило волнение. Вышедшие из леса и те, кто пришёл их встречать, подошли и остановились возле Ше-

нув матері у сусідню кімнату: «Мамо, послухайте, а я уві сні бачив цуценя!» Мати підійшла до нього, посміхнулася: «Це не сон, синку. Це уночі тобі батько приніс. Як ти його назвеш?» «Копék⁽²⁾» – сказав син. «Ні, це справді собачка, але у кожної тваринки є своє ім'я. Бачиш, у нього на лобі пляма? Давай його назвемо Кашка́⁽³⁾». «Добре», – погодився Асанчик і погладив цуценя. «Тепер ти будеш його так називати, він звикне і буде озиватися на своє ім'я», – сказала мати.

З того дня дружба між Асанчиком і Кашкою все кріпла, вони все більше прив'язувалися одне до одного. Коли Кашка́ кілька разів нашкодив у кімнаті, його перевели у двір, змайстрували йому будку, і щоб не мерзнув, кинули замість підстилки старий піджак. Як потеплішало, бешкетник Кашка́ витяг того піджака з будки й почав шматувати. Асанчик відібрав його забавку і кинувся навтьоки. Кашкачйк погнався за ним, хапаючи зубами то за піджак, то за штанину Асанчика. Отак вони удвох щодня розважалися й веселилися.

Зазвичай Асанчик, просинаючись уранці, любив поніжитися в ліжку. А тепер, ледь розплющивши очі, він одразу підхоплювався й біг гратися з цуценям. Коли ж хлопчик трохи затримувався, то Кашкачйк підбігав до дверей і шкрібся у них й скавчав доти, поки їхня дружна компанія не возз'єднувалася. Весь час вони проводили разом. Бувало, що Асанчику його друг навіть приходив у сон, і він бурмотів: «Відпусти, не тягни, порвеш!» – й посміхався уві сні.

Since that day, the friendship between Asanchik and Kaška grew stronger. They attached to each other more and more. When Kashka continued to pee in the room several times, he was moved to the yard. A kennel was made, and for bedding, an old jacket was thrown for him to stay warm. As the weather got warmer, naughty Kashka took the jacket from his kennel and began to tear at it. Asanchik took rescued it and ran. Kashkachik chased him and dug his sharp teeth into the jacket or Asanchik's trouser leg. This became a fun game, they played every day.

Waking up in the morning, Asanchik usually loved to stay in bed. Now, however, as soon as opening his eyes, he jumped out and ran to play with the puppy. Sometimes, when the boy lingered, Kashkachik came to the door whining and scratching until they were reunited. They spent all their time together. Sometimes Asanchik saw his friend in his dreams. He smiled in his sleep then muttered, «Let go, don't pull, you'll tear it!»

* * *

After their village had been freed from the enemy, the partisans began to return home. It was about mid-April 1944 when Shefika heard voices from the street, «Partisans are returning! Partisans are back!»

Picking up Asanchik, she dashed into the street, where people had already poured in. They were really back! She watched as fellow villagers-partisans appeared among the trees on the outskirts of the village, descending from the mountains. They were greeting, hugging, kissing their wives and children who ran out to

– деген сеслер эшитилди. О, аман Асанчыкыны кыучагына алып, соккактыки балалар ювуршып кеткен тарафкы кетти.

Аккыкыатен, кой четиндеки тереклик арасында корюнген партизан койдешлер, оларны кыаршыламакы чыккыкыан кыарылары ве балаларынен опюшип, кыучаккылашып койге яккынлаша эдилер. Шефиккы токкыталып, тереклер артындан чыккыаяткыан партизанларны козь этерек, шимди онынъ севимли кыоджасы да корюнеджек, оларгкы яккынлаша джаккы ве олар кыучаккылашып бирликте кетеджеклерини хаялланып турды.

А-на, партизанлардан энди беши чыккыты. Едиси чыккыты... Я, кыалгкыанлары не чыккымай шу? Эмир-усеин сонкы кере эвге кельгенде, койдешлеринден дагкыда он беш киши олгкыаныны айткыан эди де. Дагкыдан энген партизан койдешлери арасында Эмирусейн корюнемеген сонкы, Шефиккыаны те-ляш дуйгкыусы сармаккы башлады. Партизанлар ве оларны кыаршыламаккы чыккыкыанлар, Шефиккыанынъ янына таба келип токкыталдылар. Койнинъ, аман-аман бутюн халккы шу ерде эди.

– Я бизим кыоджаларымыз ничюн кыайтмадылар? – деп сорады бир партизаннынъ кыарысы.

– Алла сизлерге таккыат ве сабырлар берсин, – деп джевап берген партизанлардан бири шай дей:

«Сонкы урушымызда олар озьлерининъ кыараман олгкыанларыны исбат эттилер. Лякин шефккыатсыз кыуршунлар оларны арамыздан алып кетти. Олар эписи севимли ватанымыз ичюн джан бердилер. Яткыан ерлери нур олсун!»

фики. Почти всё население села собралось на этом месте.

– А почему не вернулись наши мужкыя? – спросила жена одного партизана.

– Пусть вам Бог даст силы и терпения, – ответил один из пришедших, – в последнем сражении они доказали, что являются настоящими героями. – И закончил: – Но, к сожалению, безжалостные пули не пощадили их.

– И мой муж тоже погиб?! – спросила ещё одна женщина. И другие женщины, не желавшие поверить этой страшной новости, по очереди называя имена своих мужей, задавали один и тот же вопрос.

– Они все отдали свои жизни за нашу Родину. Пусть земля им будет пухом! – сказал один из партизан и перечислил имена погибших. Слезам жён и осиротевших детей не было конца. Горе потрясло всех односельчан. Но, как говорят: огонь сжигает то место, куда попадает. За умершими не умирают...

* * *

Как только весна вступила в свои права, начались работы, приостановленные во время оккупации: это и ремонт домов, и подготовка к весенней посадке огородов. Каждый был занят делом. Что бы ни брала в руки Шефика, она сразу же вспоминала мужа и у неё на глазах появлялись слёзы. С приходом весны она как будто бы ожила, но работы и в огороде возле дома, и в колхозе было столько, что ей становилось не по себе.

Она вспомнила, что когда-то на её сетования о

* * *

...Після того, як їхнє село було звільнено від ворога, партизани стали повертатися додому. Десь в середині квітня 1944 року Шефіка почула знадвору радісні вигуки: «Партизани повертаються! Партизани повертаються!» Підхопивши Асанчика, вона метнулася на вулицю, куди вже висипали люди. І справді, на околиці села поміж дерев з'явилися їхні односельці-партизани, що спускалися з гір до рідних домівок. Вони радісно віталися, обнімалися, цілувалися зі своїми дружинами, дітьми, котрі вибігли їх зустрічати. Шефіка приглядалася до чоловіків, що виходили з лісу, сподіваючись, що зараз побачить свого коханого, підбіжить і пригорне його. Ось уже п'ятеро, семеро партизанів вийшли... А інші – чому не з'являються? Емірусейн, коли востаннє провідував її, казав, що їхніх односельців у загоні було півтора десятка. Шефіка занепокоїлася. Партизани і ті, хто їх зустрічав – майже все село зібралось на околиці.

– А де наші чоловіки, чому вони не прийшли? – стривожено запитала ще одна партизанська дружина.

– Дай вам Аллах сил і терпіння, – відповів хтось із партизанів. – В останньому бою вони героїчно загинули. Фашистські кулі скошили їх...

– І мій теж загинув?! – скрикнула інша жінка.

Жінки не хотіли в це вірити, вони обступили вцілілих партизанів, безперестанно перепитуючи, називаючи імена своїх чоловіків.

– Всі вони віддали життя за нашу Батьківщину.

meet them. Sheffika's eyes were fixed on the men coming out of the woods, hoping in a moment she would see her beloved, run up to him and hug him. There emerged from the forest five, seven partisans...

‘Where are the others? Why didn't they appear?’ Sheffika thought.

Emirussein had told her on his last visit that there were fifteen fellow villagers in their squad. Sheffika was worried. The partisans and those who met them – almost all the villagers – gathered on the outskirts.

«Where are our husbands, why didn't they come?» another partisan's wife asked in despair.

«May Allah give you strength and patience,» one of the partisans replied. «They've fallen heroically in the last battle. Fascists' bullets mowed them.»

«Has mine fallen too?» another woman screamed.

The women didn't want to believe. They've surrounded the surviving partisans, spilling a flood of questions, asking about their husbands, calling their names.

«They all have given their lives for our homeland. May their souls rest in peace,» the elderly grey-haired partisan said. Calming down the crowd, he called the names of all the fallen brethren. Emirusein was among them.

Devastated by the news, that seemed to have shaken heaven and earth, wives and children of the victims wept bitter tears. Although they say fire burns only the place where it falls, this was a sad tidings for all the villagers. While rejoicing the liberation from the enemy, everyone was also grieving for their losses. However, the dead cannot be brought back to life and the living ones have to live on, somehow.

Ферьят кьопты. Эляк олгъан партизанларнынъ къары ве бала-чагъаларынынъ такъмакълар агълавлары, санки ерни ве кокни сарсытты. Бу яныкъ бутюн койдешлерни матемге сокъса да, «Атеш, тюшкен ерини якъа», – дегенлери киби, эляк олгъанларнынъ аилелерини терен къайгъыгъа къойды. Ольгеннинъ артындан олюнмей эбет.

* * *

Баарь кельгенинен, немсе ишгъали вакътында япылмагъан эвни тамир этюв ве бостанлыкъ ерлерни азырлав ишлери башланды. Эр кес кучь-кьудретине коре, аят къанунлары талап эткен эмекнен мешгъуль олды. Шефикъа элине не алса, шу шейнен къоджасы чалышкъаныны хатырлап, гъайры баштан козьаш тёке эди. Баарлик кыбырдамагъа башлады ама, илериде япыладжакъ ишлерни ве колхозда да чалышаджагъыны козь огюне кетирсе, башы айлана эди. О, аяты энди хор оладжагъына окюне ве бир вакъытларда такъдирининъ уйгъунсызлыгъына къаргъыш ягъдыргъанда, анасынынъ: «Алла бетеринден сакъласын де, балам!», – дегенини хатырлай эди. Сонъ озюнинъ шимдики вазитине аджынып: «Бундан да бетери олурмы?» – деп шубелене эди.

1944 сенеси майыснынъ докъузында Акъяр шеэри немселерден азат олунгъан сонъ, эр кес тезден дженк битеджегини умют этти. Япыладжакъ ишлернинъ уджу-буджагъы корюльмей эди.

Саба эрте турув ниетинен, Шефикъа ярын япыладжакъ ишлерни къарарлаштырып, он еди майыс акъшамы эртедже ятты.

несправедливости судьбы мать говорила: «Доченька, проси лучше, чтобы Аллах уберёг от худшего!» Но, думая с обидой о своём нынешнем положении, засомневалась: «Неужели бывает хуже?»

После того, как 9 мая 1944 года был освобождён город Севастополь, все надеялись, что война скоро закончится. Предстоящим же делам конца и края не было видно.

Вечером семнадцатого мая Шефика, заранее спланировав предстоящую на следующий день работу, легла спать пораньше...

* * *

В полночь в двери дома застучали так сильно, что Шефика вскочила с постели и, дрожа от страха, затаилась в углу комнаты. Она подумала: «Неужели фашисты возвратились?!» Забарабанили ещё сильнее и на русском языке приказали открыть дверь.

– Вы кто такие? И кто вам нужен? – спросила Шефика дрожащим голосом.

– Откройте дверь! Мы из НКВД! – прокричал грубый голос.

– Придёте утром, у меня ребёнок спит, – ответила опешившая Шефика.

– Если не откроете дверь, мы её взломаем и войдём! – прокричал тот же голос.

Шефика набросила на себя платье и приоткрыла дверь. Действительно, там стояли офицер и два солдата с автоматами наперевес. Военные сразу же ворвались в комнату.

– Ой, свои оказывается. А я испугалась, что возвратились фашисты, – сказала Шефика.

Хай буде земля їм пухом, – сказав літній сивочолий партизан. Тамуючи хвилювання, він назвав імена всіх полеглих побратимів, серед яких був й Емір-усейн.

Вражені цією звісткою, що, здавалося, потрясла небо і землю, дружини і діти загиблих гірко ридали. Хоч і кажуть, що вогонь палить те місце, де він упав, та ця новина стала скорботною для всіх сільчан. Радіючи визволенню від ворога, всі тужили за втраченими. Але загиблих не повернеш... А живим треба якось жити далі...

* * *

З настанням весни почалися роботи в садах, на городах, люди ремонтували свої оселі, що постраждали під час окупації. Кожен як міг долучався до справи. Шефіка, коли бралася за інструменти, котрі ще, здавалося, берегли тепло чоловікових рук, спершу плакала. Вона зранку до вечора поралася по господарству, а коли згадувала, що треба ще й відробляти у колгоспі, то просто руки опускалися. Вона переживала, що тепер і так несолодке її життя буде дуже сутужним, бо залишилася одна з малою дитиною. Згадуючи слова матері, лише повторювала: вбережи нас, Боже, від гіршого...

Після визволення їхнього краю від фашистів усі жили сподіваннями про швидке закінчення війни і налагодження мирного життя. Роботи було дуже багато. Спланувавши затрашній день, 18 травня, Шефіка лягла спати трохи раніше...

* * *

With the onset of spring, seasonal works began in the gardens and plots. People repaired their dwellings which were damaged during the occupation. Everyone helped. Sheffika could not hold back her tears as she touched on tools that still seemed to retain the warmth of her husband's hands.

Sheffika worked from morning till night at her house. Dwelling on her grief, she felt depressed for she remembered that besides she had to fulfil her duties on the collective farm. Worried that her tragic life would turn even more difficult since she had been left all alone with a small child at her hands, she prayed.

«Save us, Allah, from the worst!» she repeated on remembering her mother's words.

After liberating their lands from the Nazis, everyone lived in hope of a quick end to the war and the establishment of peace. There was a lot of work. Having scheduled her chores for the next day, May 18, Sheffika went to bed early.

* * *

At midnight, there was such a loud knock on the door that Sheffika jumped out of bed and huddled into a corner. She was trembling with fear, thinking the fascists must have returned. They continued to knock on the door even harder as if trying to break it. She heard them speaking Russian. They were ordering her to open the door.

«Who are you? What d'you you want?» Sheffika asked, frightened.

* * *

Яры гедже вакъытларында эвнинъ къапысы ойле дюмбюрдеди ки, Шефикъа тѣшегинден атылып турды да, оданынъ кошесине сыкъынаракъ, къалтырап къалды ве: – Фашистлер къайтып кельдилерми, не? – деп тюшюнди. Къапы даа зияде дюмбюрдеп, тыштан рус тилинде, къапыны ачмасыны эмир эттилер.

– Сиз кимсиз? Сизге не керек? – деп сорады Шефикъа къалтыравукъ сеснен.

– Къапыны ачынъыз! Биз НКВД-ден кельдик, – деди къаба сес.

– Саба келирсиз, меним балам юкълай, – деди Шефикъа шашмалап.

– Эгер ачмасанъ, къапыны парлап кирермиз, – деди кене шу сес.

Шефикъа къапыны аралыкъ этип бакъты. Акъикъатен, бир офицер ве боюнларында автоматлары асувлы эки аскер тура эди. Къапы аралыкъ олгъаныны корьгенлеринен, арбийлер одагъа сокъулдылар.

– Вай, озюмизинъкилер экен де! Мен, фашистлер къайтып кельгендирлер деп къоркътым, – деди Шефикъа.

– Лампанъны якъ! – деди офицер, онынъ айткъанларына къулакъ асмайып.

Шефикъа эмирге таби олып, къалтырагъан эллеринен, маса устюндеки керосин лампасыны якъты. Офицер:

– Сизге он беш дакъыкъа муддет бериле. Энъ керекли сайгъан шейлеринъизден йигирми кило алып, тышары чыкъмакъ керексиз, – деди де, – Ал-

– Зажги лампу! – велел офицер, не обращая внимания на её слова.

Шефика, повинувась приказу, трясущимися руками зажгла керосиновую лампу на столе.

– Вам даётся 15 минут времени. Берите самое необходимое, но не больше 20 килограммов, и выходите на улицу. Самые ценные вещи – золото, серебро, оружие должны сдать мне, – приказал офицер.

– Вы сюда попали по ошибке...

– Ты много разговариваешь, а время не терпит. Быстрее собирайся! По приказу партии и правительства все лица крымскотатарской национальности, как предатели, выдворяются из Крыма.

– Мы не предатели! Мой муж был партизаном. Прошел только месяц, как он погиб в лесу – сказала Шефика. – Мы ни в чём ни виноваты. Мы – советские люди.

– Быстро разбуди ребёнка и одевайтесь – заторопил офицер и толкнул Шефику в сторону безмятежно спящего Асанчика.

Шефика, поняв безысходность положения, быстро одела ребёнка, думая, что всё это – ошибка и её скоро исправят. Асанчик, который никак не мог открыть глаза, увидев военных, наконец, окончательно проснулся и растерялся.

– Ваше время истекло. Потуши лампу и выходите на улицу! – приказал офицер.

Шефика, взяв Асанчика на руки, вышла во двор, а за ней – военные. Кашкачик, увидев людей, хотел с ними поиграть и схватил зубами за сапог офицера. Офицер так сильно пнул щенка, что бедный

тын, кумюш, сила киби кыйметли шейлеринъизни манъа теслим этинъиз, – деп иляве этти.

– Сиз мында янъылып кельгенсиз...

– Сен чокъ лакъырды этип, берильген муддетни кыскъартма да, джыйышын! Партия ве укюметнинъ эмири муджиби, кырымтатар миллетине менсюп олгъанларнынъ эписи, саткынлар сыфатында Къырымдан чыкъарылалар.

– Биз саткынлар дегильмиз. Меним къоджам партизан эди. Даа бир ай эвельси дагъда эляк олды, – деди Шефикъа. – Бизим ич бир тюрлю къабаатымыз ёкъ. Биз, совет адамларымыз, – деп иляве этти.

– Тез, баланъы уянт да кийининъиз! – деп офицер Шефикъаны, ич бир шейден хабири олмайып юкълагъан Асанчыкъкъа таба итеди.

Башкъа чаре къалмагъаныны анълагъан Шефикъа, аджелеликнен озю де кийинди, огълуны да котерип кийиндирди: – «Бу янълышыкъ тезден тюзельтильмек керек», – деп тюшонди. Козълерини ачамагъан Асанчыкъ козь кыйыгыныен арбийлерни корьгинен темелли уянып, шашып къалды.

– Муддетинъиз толды. Лампаны сёндюр де, тышкъа чыкынъыз! – деп эмир этти офицер.

Шефикъа Асанчыкъны къучагына алып, азбаргъа чыкты. Онынъ артындан арбийлер де чыктылар. Адамларны корьген Къашкъачыкъ, оларнен ойнамагъа истесе керек, келип офицернинъ чызмасыны къапты. Офицер Къашкъачыкъны ойле тепти ки, заваллы кучелек вайвалты чыкъарып, топ киби учып кетти ве ерге тюшкенинен сеси тынып къалды, Асанчыкъ онъа аджынып, офицерге:

Кашкачик завизжал и, отлетев в сторону, как мячик, замолк. Мальчик, увидев это, крикнул офицеру: «Не бей его!» – и заплакал. Он хотел вырваться из рук матери, но она крепко прижала к себе ребёнка: «Нельзя, сынок».

Выйдя на улицу, Шефика увидела, что из каждого дома сгоняют односельчан к клубу, неподалёку от двора. Она с горечью подумала: «Оказывается, эта беда пришла не только в мой дом...»

Её ни на миг не покидал страх – это не укладывающееся в голове страшное событие понять и объяснить было невозможно.

Когда начало светать, все крымские татары села были собраны на площади возле клуба. Хмурые, невыспавшиеся, растревоженные, ничего не понимающие односельчане притащили с собой кто тёплые одеяла, кто – продукты в мешочках, некоторые даже на всякий случай взяли с собой старую одежду для работы в саду. Но у Шефики кроме сына в руках ничего не было.

– Почему эта беда внезапно свалилась именно на головы наших односельчан? – спросила какая-то женщина.

– Если бы только на наши головы! Один человек прибежал из соседнего села – они оказались в таком же положении, – сказала пожилая женщина.

– Эта беда пала на головы всех наших соотечественников, – пытался объяснить людям седой старик.

Потом подъехали несколько грузовых машин, на них начали загонять людей. Кашкачик, услышав

* * *

...Опівночі так гучно загрюкали в двері, що Шефіка аж зірвалася з ліжка. Забившись у куток, вона тремтіла від страху, думаючи, що це, напевне, повернулися фашисти.

У двері почали гупати ще сильніше – аж вламуватися. Зовні почулася російська мова – наказували відчинити. «Хто ви? Що вам потрібно?» – злякано запитала Шефіка. «Відчиніть двері! Ми з НКВС!» – відповів грубий голос. «Прийдете вранці, у мене дитина спить», – хвилюючись, не знаючи, що й сказати, проговорила жінка. «Якщо не відчиниш, ми виламаємо двері!» – знову прокричав той голос.

Шефіка ледь відтягла засув, як у дім вломилися офіцер і двоє солдатів з автоматами напереваги. «Ой, та це ж свої, а я думала, що фашисти повернулися!» – вигукнула Шефіка. «Засвіти лампу!» – наказав офіцер, не звертаючи уваги на її слова.

Жінка тремтячими руками запалила газову лампу. Офіцер сказав: «У вас 15 хвилин. Візьміть із собою до 20 кілограмів найнеобхідніших речей і виходьте на вулицю. А все дорогоцінне – золото, срібло і також зброю здайте мені», – додав він.

– Яке золото, яка зброя? Ви прийшли сюди помилково!

– Не витрачай часу на зайві балачки, швидше збирайтеся! Згідно указу партії і уряду всі кримські татари, як зрадники Батьківщини, виселяються з Криму.

– Ми не зрадники, мій чоловік був партизаном. Місяць тому він загинув у горах, – сказала Шефіка.

«Open the door! We're from NKVD» a gruff voice answered.

«Come in the morning, my child is sleeping,» the worried woman said, not knowing what to do.

«If you don't open, we will break the door!» the voice shouted again.

Sheffika had barely raised the bar, as the officer and two soldiers with machine guns at the ready broke into the house.

«Oh, you're ours, and I thought that the Nazis came back!» Sheffika cried out.

«Light the lamp!» the officer ordered, paying no attention to her words.

Hands trembling, the woman lit up a kerosene lamp.

The officer said, «You have fifteen minutes. Take with you up to twenty kilograms of the most necessary things and go out into the street. Besides, you're to pass me all the precious things: gold, silver, and weapons if any,» he added.

«What gold? What weapons? You've come here by mistake!»

«Don't waste time on unnecessary chatter. Just get ready! All the Crimean Tatars, as traitors of the Motherland, are evicted from Crimea according to the decree of the party and the government.»

«We are not traitors, my husband was a partisan. He was killed in the mountains a month ago,» Sheffika said. «We're not to blame! We are Soviet citizens!»

«Wake the child and get dressed!» the officer shouted rudely and pushed the woman towards the sleeping Asanchik.

– Урма оны! – деп багъырды да, агъламагъа башлады. О, анасынынъ къучагъындан тюшип, достуны бакъаджакъ олды. Лякин анасы: – «Олмай, огълум, олмай», – деп огълуны сыкъып тутты.

Соқъакъкъа чыкъкъан сонъ, эр бир эвден койдешлерини клуб янына топлагъанларыны корьген Шефикъа: – «Бу беля ялынъыз меним эвиме кельмеген экен», – деп озь-озюни тынчландыраджакъ олса да, юрегинден къоркъу ве къасевет дуйгъусы чыкъып кетмеди. Бу, инсаннынъ къафасына сыгъмагъан адисени анъламакънынъ чареси ёкъ эди.

Ерге ярыкъ тюшмеге башлагъанда, койде яшагъан бутюн къырымтатарлар клуб янындаки мейдангъа топлангъан эдилер. Юкъусыз, ёргъун ве теляшкъа тюшкен койдешлернинъ чырайлары сытыкъ олып, козьлеринде исе анълашылмаз бир къоркъу бар эди. Олардан базылары, керек олур деп, ёргъанларыны къаталакълап алгъанлар, кими чувал ичине ашайыт къойып алгъан, даа биревлери исе, бохчалап чул-чубурларыны алгъанлар. Лякин Шефикъанынъ элинде огълундан башкъа бир шей ёкъ эди.

Бу адисени эр кес озюнинъ бильгисине коре музакере эте:

– Бу беля бизим койдешлеримизнинъ башларына ничюн кельди, аджеба? – деп сорады бир къадын.

– Ялынъыз койдешлеримизнинъ башларына дегиль. Бутюн семетдешлеримизнинъ башына тюшкенге ошай. Къомшу койден къачып кельген киши бар. Бу дубарагъа оларны да огъраткъанлар, — деди эсли къадын.

– Бу беля койдешлернен, семетдешлернен сынъ-

шум моторов, завизжал от испуга и беспомощности. Он хотел подняться с места, но задние лапы ему не подчинялись.

После того, как погрузили людей и ещё раз торопливо проверили все дома, руководивший офицер приказал отправляться.

Как только гружённые приговорёнными к мучениям людьми машины тронулись с места, поднялся невообразимый крик и плач. Люди голосили, прощались со своим селом. Всё вокруг потонуло в криках и воплях.

* * *

Кашкачик, собрав все оставшиеся силы, упираюсь передними лапами, пополз в сторону улицы. Но когда он был только посередине двора, машины уже выехали.

Поняв, что он не успел попрощаться с Асанчиком, Кашкачик положил голову на передние лапы и словно застыл, глядя в одну точку. Будто обдумывая что-то, он долго оставался на этом месте. Через какое-то время с трудом дополз до своей будки и утих.

* * *

На железнодорожной станции царила непередаваемая суматоха, шум, крики. Привезённые из разных сёл крымские татары искали своих родственников. После того, как людей затолкали в вагоны, двери закрыли и эшелоны тронулись с места. Из каждого вагона к небу поднимались крики, плач и

– Ми ні в чому не винні! Ми радянські громадяни!

– Швидше буди дитину і одягайтеся! – грубо викрикнув офіцер і підштовхнув жінку до сплячого Асанчика.

Шефіка, зрозумівши, що виходу нема, похапцем накинула щось на себе, розбудила й вдягла сина, думаючи, що це якась помилка, що скоро все з'ясується.

Асанчик, спросоння побачивши військових, геть розгубився.

– Ваш час скінчився. Гасіть лампу й виходьте на вулицю, – наказав офіцер.

Підхопивши дитину, Шефіка, а за нею й військові, вийшли з хати.

Кашкачйк, побачивши людей, почав лащитися до них, підбіг до офіцера, граючись, учепився йому в чобота. Але офіцер так копнув цуценья, що воно засковчало, полетіло, неначе м'ячик, й упавши на землю, затихло.

«Не бий його!» – вигукнув Асанчик плачучи й вириваючись з материних рук, щоб подивитися, що з його другом. Але мати прошепотіла: «Ні, синку, не можна!» – й міцніше притиснула його до себе.

З усіх дворів виходили односельці й збиралися біля клубу. Побачивши, що ця біда торкнулася не лише її одної, Шефіка трохи заспокоїлась. Але серце все одно щеміло від страху й тривоги. Те, що відбувалося, не вкладалося в голову.

На світанку всі кримські татари, що жили у селі, були зібрані біля клубу. Вирвані зі сну, стомлені, схвильовані селяни були розгублені й пригнічені,

Realizing that there was no way out, Sheffika quickly put on some clothes, then woke up her son and dressed him, thinking that it must be some kind of mistake, that soon everything would clear up.

Asanchik woke up but seeing the military, he was terrified.

«Your time is over. Extinguish the lamp and go out into the street,» the officer ordered.

Clutching to the child, Sheffika, and the military following her, left the house.

Kashkachik, on seeing people, tried to show them his sympathy. He ran to the officer and playfully grabbed his boot. The officer, however, kicked the puppy so furiously that it whined, flew like a ball, and fell on the ground.

«Do not hit him!» Asanchik screamed, crying and freeing himself from his mother's hands to see what happened to his friend.

The mother whispered, «No, son, don't!» and tightly pressed him to her bosom.

Villagers came out of all their yards and gathered at the village hall. Sheffika calmed down a bit when she saw that the trouble affected not only her alone. Her heart, however, still ached with fear and anxiety. What had happened did not resonate with her.

At dawn, all the Crimean Tatars, who lived in the village, were gathered near the village hall. Torn out from their sleep, tired, agitated peasants were confused and saddened, not knowing what to expect next. Some people had rolled-up blankets with them, some managed to throw some food into their bags, and others had bundles

не знаючи, чого чекати далі. Дехто взяв із собою згорнуті ковдри, хтось встиг кинути до мішків якісь харчі, у декого були вузли з одежиною – що втрапило під руку. А у Шефіки окрім сина на руках не було нічого.

Люди намагалися якось осмислити й пояснити те, що відбувалося. «Чому ця біда звалилася саме на наші голови?» – у відчаї запитував хтось. «Не тільки на наші. З сусіднього села прибіг чоловік, він розповів, що у них діється те ж саме», – відповіла літня жінка. «Це лихо не тільки в нашому селі, воно усіх наших земляків зачепило», – сказав згорблений сивий дідусь.

Під'їхали кілька вантажних автомобілів, людей почали заганяти на них. Зчинились метушня, гамір. Кашкачік підняв голову і шарпнувся у бік вулиці, але задні лапи зовсім не слухалися його. Він заскавулів, здавалося, аж застогнав від болю й безсилля і знову безвольно зронив голову на землю.

Коли всіх людей загнали на вантажівки, офіцер після швидкого огляду спорожнілих будинків наказав рушати. Нещасні, приречені люди, зрозумівши, що їх відривають від рідних домівок, почали плакати, голосити. Довкіл лунали крики, чулися стогони, зойки і причитання.

* * *

Кашкачік, зібравши останні сили, відчайдушно чіпляючись передніми лапами за землю, поповз у бік вулиці. Але ще коли він був посеред двору, машини, по-звірячому прогарчавши двигунами, вже зникали

with clothes – anything that came to hand. Sheffika had nothing but her son in her arms.

People were trying to understand what was happening. «Why has this calamity fallen on our heads?» Someone asked in desperation.

«Not only limited to us. A man, who came running from a neighbouring village, said that the same thing was happening there, too,» the elderly woman replied.

«This misfortune has touched all our countrymen,» an old, hunched, grey-haired man said.

Several trucks drove up. Soldiers shove people into them. There broke out hustle and uproar. Kashkachik raised his head and twitched toward the street, but his hind legs did not obey him. He whined and groaned of pain and feebleness, then dropped his head to the ground in defeat. When they drove everyone into the trucks, the officer, after a cursory inspection of their empty houses, ordered to get underway. Having understood that they were being torn away from their homes, unfortunate, doomed residents began to weep and lament. Their voices echoed through the village.

* * *

Kashkachik gathered the remnants of his strength and crawled towards the street, desperately clinging to the ground by his forepaws. However, he was still in the yard as the trucks, their engines growling, had already disappeared around the bend leaving behind only dust mixed with the exhaust fumes. Realizing that he could not take leave of Asanchik, Kashkachik stopped, listened to the dying howling of engines, then put his

ырланмай. О, бутюн ватандашларымызнынъ башларына тюшти, – деп анылатты бир къартбабай.

Бир-къач юк машинасы кельген сонъ, халкъны оларгъа юклемеге башладылар.

Азбарда ятып къалгъан Къашкъачыкъ шаматаны эшитсе керек, башыны котерип инъильдеди ве козьлерини юмып, башыны кене ерге къойды. Адамлар юкленип, эвлер бир даа аджелеликнен тешкерилип чыкъылгъан сонъ, ёлбашчылыкъ япкъан офицер машиналаргъа ёнемесини эмир этти. Машиналарнынъ моторлары гурюльти котергенде, Къашкъачыкъ башыны текрар котерип, сокъакъ тарафкъа бакъты. О, еринден котериледжек олса да, арт аякълары онъа таби олмадылар.

Хорлукъкъа укюм этильген адамларнен юкю машиналар ерлеринден кочъкенлеринен, эр кес агъламагъа ве койлеринен сагълыкълашып такъмакъламагъа башладылар. Орталыкъны феръят сеси сарды.

* * *

Къашкъачыкъ бар кучюни топлап, огъ аякъларынен ерге тирелерек, суйреклене-суйреклене сокъакъ тарафкъа кетмеге башлады. Лякин о, азбарнынъ ортасына еткенде, машиналар тоз-думан котерип, чыкъып кеттилер. Къашкъачыкъ, Асанчыкънен сагълыкълашмагъа етишмегенини аныласа керек, токъталып динъленген сонъ, башыны огъ аякъларынынъ устюне къояракъ бир нокътагъа бакъып къалды. Шу ерде нелердир тюшюнип баягъы яткъан сонъ, суйреклене-суйреклене барып, ювасына кирди.

причитания. Это было прощание крымскотатарского народа со своей родиной. Нет, это было не предсмертное прощание, а лишь только расставание. Потому что в подобную жестокость не хотел верить никто. Очень много было таких, кто надеялся, что как только сообщат об этом безобразии Сталину, он вернёт людей обратно, а врагов народа, совершивших это преступление, отдаст под расстрел.

На второй день после того, как людей вывезли из Крыма, начали выдавать по кусочку ржаного хлеба и по ковшику каких-то помоев на целый день. Этой еды иногда на всех не хватало. Невозможно было определить, из чего сварены помои под названием «суп». То, что туда было брошено, варили до тех пор, пока оно не превратилось в мутную жидкость. Хорошо, что некоторые люди, не растерявшись, захватили с собой кое-какие продукты питания, они протягивали руку помощи таким, как Шефика, которые по разным причинам вышли из дома без ничего.

После того, как остались позади одетые в зелень города и сёла, ехали без остановок около недели. Начались степи, где до самого горизонта не было видно не только ни единого деревца, но даже и кустарника. В закрытых до сих пор вагонах позволили открывать двери. Когда эшелон останавливался в степи и стоял часами, разрешали выйти из вагонов и даже что-нибудь приготовить.

Что и как можно приготовить в открытой бескрайней степи? Но люди находили выход и из этого положения.

Женщина с трёмя детьми, расположившаяся вни-

за поворотом, залишаючи по собі лиш перемішану з вихлопними газами куряву. Зрозумівши, що він не зміг попрощатися з Асанчиком, Кашкачик спинився, прислухався до стихаючого завивання двигунів, поклав голову на лапи і уставився очима перед собою. Ніби обмірковуючи щось, він довго лежав на цьому місці, потім підповз до своєї будки і затих...

* * *

На залізничній станції творилося справжнє пекло. Жінки голосили, діти плакали, люди кричали, шукаючи своїх близьких. Конвоїри позаштовхували усіх в товарні вагони, наглухо позачиняли двері і поїзд незабаром рушив. З вагонів чулися плач і голосіння. Це було розставання кримськотатарського народу зі своєю Батьківщиною – ніхто не хотів вірити, що це прощання з нею назавжди. Багато хто думав, що про все, що відбувалося, донесуть товаришу Сталіну і він знову усіх їх поверне додому й покарає цих ворогів народу, бо так з ними могли вчинити тільки вороги.

Наступного дня після початку руху поїзда людям почали давати по шматочку чорного хліба і черпакові супу, яких часто не всім вистачало. Причому, було незрозуміло, що в тому супові, з чого приготована та каламутна баланда, якою годували людей. Добре, що дехто не розгубився і встиг захопити з дому хоч якісь харчі. Вони допомагали тим, у кого, як у Шефіки, не було при собі геть нічого.

Ось так під перестук удень і вночі вагонних коліс минув майже тиждень. Залишивши позаду міста і

head on his paws and stared ahead. He lay there for a long time as if pondering something, then crawled to his kennel and fell asleep.

* * *

There was real hell at the railway station. The women wailed, children cried, and others shouted, looking for their loved ones. The guards pushed everyone into the freight railway wagons, locked the doors, and the train started to move. The sounds of weeping and mourning were heard from the wagons. It was the Crimean Tatar's farewell to their Motherland. Nobody wanted to believe that it was a farewell forever. Many of them thought that everything happening to them would be reported to Comrade Stalin, and he would bring them back home again, and punish the enemies of the people because only an enemy could act so.

The day after the train had left Crimea, they began giving people a piece of black bread and a ladle of soup. The vegetable slumgullion was so wishy-washy and overcooked that one could hardly tell what ingredients it consisted of. There were days, however, when not everyone could get even that. Luckily, some people were clever enough and managed to seize at least some products from home. They helped those who, like Sheffika, had nothing edible with them.

Leaving behind towns and villages clothed with fresh verdure, the train had been moving without stops about a week across endless steppes where there wasn't a tree or a bush to the very horizon. The wagons' doors were unlocked and the guards allowed keep them open. At

* * *

Демирёл станциясында ана-баба куню эди. Чешит койлерден кетирильген инсанлар багъырышып, озьлерининъ якъынларыны сораштыра, джоюкъларыны къыдыра эдилер. Халкъ юк вагонларына юкленген сонъ, къапыларыны пекитильди ве тезден эшелон кочты. Эр бир вагондан агълав ве такъмакълав сеслери гурюльдеп кетти. Бу, къырымтатар миллетининъ озь ватанларынен сагълыкълашувлары эди. Эльвидалашувлары дегиль де, анджакъ сагълыкълашувлары эди. Чюнки бойле зулумлыкълкъа ич кимсенинъ инанаджагъы кельмей эди. Атта, бу меселени Сталинге етиштиргенлер олур да, о, халкъны кери къайтартып, шу джинаетни япкъан халкъ душманларыны къуршунгъа тиздирир, деп тюшонгенлер чокъ эди.

Къырымдан чыкъкъанларынынъ экинджи куню, бутюн кунге бир тилим чавдар отьмегинен бир чомуч ювундыкъ бермеге башладылар ама, о да эр кеске етмеген вакъытлары олды. Эм, «шорба» деп берген ювундыкъларынынъ ичинде не пишкенини бильмек къыйын эди. Не къойгъан олсалар да, оны къайната-къайната быланыкъ сувгъа чевирип бере эдилер. Яхшы ки базы адамлар шашмаламайып, базы бир ашайыт маллары алгъанлар да, Шефикъа киби, ич бир шейсиз чыкъкъанларгъа да эль узата эдилер.

Гедже-кундюз дынгъырдай-дынгъырдай бир афта къадар кеткен сонъ, ешилликке комюльген шеэр ве койлер олгъан ерлерни артта къалдырып, уфукъларгъа къадар ич бир терек, яхут чалы олма-

зу двухъярусных нар напротив Шефики, пока поезд ехал, готовила тесто из муки, которую взяла с собой, и выкладывала его в сковороду. Как только поезд останавливался, она брала с собой сковороду и цапку с короткой ручкой, чтобы вырыть ямку. По краям её насыпала горки земли. Ставила сковороду на эти две кучки, собирала сухой бурьян в ямку и поджигала. Когда бурьян сгорал, она тут же подкладывала ещё. Так пеклись лепёшки. Иногда они не допекались.

Как только паровоз давал гудок, все, забрав посуду, бежали к своим вагонам.

Когда однажды поезд в очередной раз остановился в степи, к двери подошёл мужчина и, бросив в вагон мешок, сказал: «Если у вас есть нуждающиеся в вещах, то передайте им». Мешок отдали Шефике. В нем оказались тонкое шерстяное одеяло, платье, чашка и ложка. Видимо, та женщина, которой принадлежали эти вещи, умерла.

* * *

Кашкачик целую неделю пролежал голодный. Терпя боль, с трудом наступая на задние лапы, он всё же кое-как начал ходить. Сначала он направился в дом, двери которого остались открытыми. Его мучила боль, не давал покоя голод и изводила тоска по самому близкому другу – Асанчику.

Запах накрытых полотенцем нескольких кусочков высохшего хлеба на низком столике посередине комнаты притянул Кашкачика. Он, падая и поднимаясь, долго карабкаясь, с трудом достал превра-

села, що потопали в зелені, вигнанці виїхали у голий степ. Постійно зачинені до цього двері вагонів почали відкривати. Коли ешелон зупинявся в степу і стояв, очікуючи чогось, дозволялося виходити з вагонів і навіть щось приготувати поїсти. Здавалося б, що і як приготуєш у відкритому степу?

Поруч з Шефікою на двох'ярусних нарах їхала жінка з трьома дітьми. Коли поїзд рухався, вона замішувала тісто з прихопленої вдома муки і викладала його в сковорідку. А під час зупинки жінка притьма вистрибувала з вагона, вигрібала в землі ямку, робила довкруг неї з вигорнутої землі валик і ставила сковорідку. Збирала довкіл сухий бур'ян і підпалювала під сковорідкою. У такий спосіб вона деколи встигала випекти коржа, поки паровоз не давав гудок, попереджаючи про відправку, бо тоді усі мушили похапцем збирати речі і мерщій бігти до своїх вагонів.

Під час однієї з зупинок до дверей підійшов чоловік з якимсь лантухом. «Якщо тут є хтось, у кого з собою нічого нема, віддайте це йому» – сказав він і закинув у вагон мішок з якимись речами. Його віддали Шефіці. В мішку були тонка ковдра, сукня, чашка і декілька ложок. Мабуть, господар цих речей віддав Богові душу...

* * *

Голодуючи вже майже тиждень, Кашкачик декілька разів себе випробовував: долаючи біль, він спинався на задні лапи і поволеньки починав шкандибати. З одного боку, його мучив біль, а з іншого

stops, when the echelon didn't move for hours, people were allowed to get out of the wagons and even cook something. What and how could one cook in a barren steppe? People tried to find a way to survive even in those conditions.

There was a woman with three children on a plank-bunk-bed next to Sheffika. While the train was moving, she used to knead the dough of flour picked-up from home and put it in a frying pan. When the train stopped, the woman, a hoe and the frying pan in her hands, jumped out of the wagon, dug a hole in the ground, made small humps of dug soil on its sides, and put a frying pan over it. Then, she quickly gathered around some dry weed and built a fire under the frying pan. That way, she'd managed sometimes even to bake a flat cake before the locomotive buzzed warning about a departure. Everyone had then to hastily collect the utensils and rush to the wagons.

A man with a bag approached their door at one of such stops.

«Give it to someone who has nothing with him, if there's such among you,» he said and threw a bag with some things into the wagon. The bag was given to Sheffika. There was a thin blanket, a dress, a cup and a few spoons in it. Apparently, the owner of those things gave his soul to God.

* * *

Kashkachik lay starving for a whole week. Then, he began to get up and slowly hobble around, overcoming the pain. First, he headed to the house. Its doors

гъан чёллюкке етилер. Бу вакыткъа къадар къапавлы олгъан къапыларгъа сербестлик бердилер. Эшелон чёлде токътап, саатлернен ненидир беклеп тургъанда, вагондан тюшмеге, атта, бир шейлер пишirmeге биле разылыкъ берильди. Я ачыкъ чёлде нени ве насыл пиширеджексинь? Бунунь къолайыны тапкъанлар да чыкъып къалды. Эки къатлы ятакънынъ биринджи къатында, Шефикъанынъ янашасында ерлешкен учь балалы къадын, даа поезд кеткенде, янына алгъан унундан хамыр басып, тегерек таванынъ ичине ерлештирип къоя. Поезд токътагъанынен, къыскъа саплы чапачыгъыны ве тавасыны алып тюше де, бир чукъурчыкъ къазып, чыкъаргъан топрагъыны онынъ эки тарафына обалай. Таваны шу эки обачыкънынъ устуне ерлештиргенинен, этрафтан къуру къорайлар топлап, тава тюбуне атеш якъа. Къойгъан къорайы янып биткенджек, даа топлаштырып сокъа. Бойлеликле, питеси базыда пишип ете, базыда исе, пишмейип къала эди. Паровоз гудок бергенинен, тышарыда олгъанлар савутларыны алып озьлерининъ вагонларына чапыша эди.

Чёлде поезд бир токътагъан вакытта, бир эркек киши къапы янына келип: «Сизде эшьясыз чыкъкъан киши олса, онъа берирсиз», – деп бир шейлер къоюлгъан чувалны, вагон ичине атып кетти. Оны Шефикъагъа бердилер. Чувал ичинде бир дане индже юнь ёргъан, бир антер, бир чанакъ ве бир де къашыкъ бар эди. Бу шейлернинъ саибеси Алланынъ рахметинде олса керек.

тившиеся в сухари заплесневелые куски хлеба и начал их есть...

* * *

Как только поезд снова остановился в открытой степи, открылись двери вагонов и люди стали выпрыгивать наружу.

На этот раз соседка Шефики успела испечь лепёшку. Она поднялась в вагон и, обжигая руки, принялась ломать лепёшку на части. Разделив её на пять частей и распределив между тремя своими детьми, кусочек отдала Шефике. Шефика его съела вместе с сыном.

Несмотря на то, что в мешочке этой женщины осталось всего около трёх-четырёх килограммов муки, она уже в который раз делилась лепёшками с Шефикой. И та с благодарностью начала помогать женщине печь лепёшки. Её и удивляло, и радовало

– голод, до того ж він дуже сумував за своїм другом Асанчиком. Якось він доплентався до будинку, двері якого залишили відчиненими. На невисокому столику посеред кімнати Кашкачик нанюхав декілька шматочків хліба, прикритих рушником. Запах їжі манив його. З великими зусиллями допнувшись до цього почерствілого, висохлого хліба, Кашкачик його жадібно згриз.

* * *

Поїзд знову зупинився в степу, люди висипали з вагонів. Цього разу сусідка Шефіки встигла приготувати на своїй сковорідці коржа. Повернувшись у вагон, вона, обпікаючи руки, поділила перепічку: розламала її на 5 частин і один шматок дала Шефіці, хоча в торбинці у неї залишалося лише кілька кілограмів муки.

Шефіка поділилася хлібом з Асанчиком. Вона була вражена тим і щиро раділа, що бідні, знедолені люди, не маючи з собою нічого, окрім похапцем зібраних вузликів, ділилися з ближніми останнім.

Але врятувати усіх було неможливо. Вже на другий день після того, як ешелон рушив з Криму, у вагонах почали з'являтися померлі. Ходили чутки, що коли переїжджали міст через Волгу, багато мерців поскидали прямо в ріку. А те, що цих нещасних конвоїри залишали просто неба у відкритому степу, бачили всі.

* * *

...Кашкачик ще кілька разів заглянув у той «хлібний» дім з відчиненими дверима, але, не надібавши

were left open. Sharp pain tormented him on the one hand, and hunger on the other. Besides, he missed his friend Asanchik very much. The smell of two pieces of dry bread, covered with a towel on a low table in the middle of the room, attracted him. Falling and climbing up again and again, he managed, at last, to get to the mouldy dry rusks which he greedily gnawed.

* * *

The train stopped in the steppe again. People poured out of wagons. That time, Sheffika's neighbour managed to bake a flat cake on her pan. Back in their wagon, burning her palms, she divided the flat cake into five pieces. She gave one piece to Sheffika, although there were only a few kilos of flour left in her bag.

Sheffika shared bread with Asanchik. She was amazed and sincerely glad that the poor, destitute people were sharing the last piece of bread with their neighbours. It was impossible, however, to save everyone. Dead bodies began to be found in the wagons on the second day after their echelon had departed from Crimea. There were rumours that many dead people had been thrown straight into the Volga as the train had been crossing a bridge over the river. Besides, everyone witnessed that the guards left the cadavers of the unfortunate under the open sky in the bare steppe.

* * *

Kashkachik combed the rooms, again and again, trying to find at least something edible. Alas, all his attempts were for nothing. Then he began to look for food

* * *

Къашкъачыкъ агъзына ич бир шей алмайып бир афта къадар яткъан сонъ, озъ-озюни бир-къач кере сынавы нетиджесинде, агърыларына зорнен даянып, арт аякъларына да басаракъ, тентир-ментир юрьмеге башлады. О, башта, къапылары ачыкъ къалгъан эвге догърулды. Оны бир тарафтан агърылары къыйнаса, экинджи тарафтан ачлыкъ ыстырап чектире, учюнджи тарафтан исе, энъ якъын досту олгъан Асанчыкъкъа асретлиги къырпалай эди.

Оданынъ ортасында тургъан алчакъ къонанынъ устюнде, ягъбезнен орытвли, къатып къалгъан эки кесечик отъмекнинъ къокъусы Къашкъачыкъны джелъп этти. О, йыкъыла-тура, чекише-чекише къона устуне тырмашаракъ, пексимет олып къалгъан куфлю отъмек парчаларыны къытырдатып ашамагъа башлады.

* * *

Поезд ачыкъ чельде токътагъанынен, вагонларнынъ къапылары ачылып, адамлар секирип тюшмеге башладылар. Бу дефасында, Шефикъанынъ янында ерлешкен къадын, питесини яхшы этип пиширмеге наиль олды. О, вагонгъа чыкъкъан сонъ, эллерини пишире-пишире, сыджакъ питени парчаламагъа тутунды. Оны беш парча этип, учъ баласынен озюне пайлаштыргъан сонъ, бир парчасыны да Шефикъагъа узатты. Шефикъа да оны Асанчыкънен болушип ашадылар.

Шу къадыннынъ торбасында учъ-дёрт кило къадар ун къалгъанына бакъмадан, энди къачынджы

то, что люди, даже неимущие, стараются разделить между собой последний кусочек хлеба.

Но эта помощь, конечно, не могла обеспечить потребности человека в пище. Начиная со второго дня, как их погрузили в вагоны, появились умершие. Распространилась весть, что когда медленно проезжали через мост по реке Волге, то трупы выбрасывали прямо в воду.

Умерших, оставленных в открытой степи, видели все...

* * *

Кашкачик ежедневно бродил по дворам в поисках еды, он снова заглянул в тот дом с открытой дверью. Не найдя ничего, начал рыться в мусорных кучах, куда выбрасывали отходы люди других национальностей, которые остались жить в селе. Иногда что-то и находил...

* * *

Поезд, наполненный обречёнными на мучения людьми, остановился на запасном пути, на краю маленькой железнодорожной станции. Посчитав людей поштучно, как баранов, и погрузив на стоящие рядами телеги, запряжённые лошадьми, их повезли в разные отделения колхоза. Там, куда попала Шефика, рыли канал.

Для проживания выселенных из Крыма заранее были подготовлены землянки. В зависимости от количества членов семьи людей распределили в большие и маленькие землянки.

більше нічого їстівного, почав шукати поживу на звалищах, куди викидали сміття люди інших національностей, що залишилися в селі. Всі його клопоти зводилися до одного – знайти хоч що-небудь, що можна було б з'їсти...

* * *

Поїзд, набитий приреченими на страждання вигнанцями, прибув на невелику залізничну станцію. Людей по одному, як овечок, перелічили, посадили на вози, запряжені кіньми, і розвезли по місцях роботи. Шефіка потрапила на будівництво каналу. Для проживання депортованих були попередньо вириті землянки. За кількістю членів сім'ї людей розміщали у землянки відповідного розміру – маленькі чи більші. Шефіці з Асанчиком дісталися «хороми» розміром десь два з половиною на два метри, долівка була застелена соломою. Вікна не було, замість дверей – просто отвір, самих дверей теж не було

У цьому погребі з низькою стелею можна було ходити тільки зігнувшись у три погібелі, або пересуватися на колінах – мабуть, його рили з врахуванням росту Асанчика. Тут можна було лише лежати або сидіти. Приміщення для худоби були набагато ліпшими, ніж ці земляні нори.

* * *

Забрівши одного разу в свій двір, Кашкачик почув голоси людей, що долинали з хатини. Він зрадів, сподіваючись, що зараз хтось вийде і дасть йому що-небудь поїсти, сів перед дверима й терпля-

in dumps, where people of other nationalities, who remained in the village, threw their garbage. All his worries now boiled down to one thing — to find at least anything to eat.

* * *

The train, full of doomed exiles, arrived at a small railway station. People were counted one by one, like sheep, put on horse-drawn carts and carried away to places of their work. Sheffika was taken to the construction of a canal. Dugouts were dug to reside the exiles. People were placed in dugouts of the appropriate size: small or larger ones depending on the number of family members. Sheffika and Asanchik got a «mansion» the size of about two and a half by two meters. Its floor was covered with straw. There was no window in their dugout. There was no door either just a hole instead of it. You could walk only bent over or move on your knees in this cellar with a low ceiling. It looked like they'd dug it taking into account Asasnchik's stature. You could only lie down or sit there. The premises for livestock were much better than those underground holes.

* * *

On entering his yard one day, Kashkachik heard voices coming from the house where his friend Asanchik had once lived. The puppy was delighted cherishing a hope that someone would come out and give him something to eat. He sat down in front of the door and looked at it patiently. A long time had passed, but no one came out of the house. Kashkachik, probably, thought that his friend Asanchik was there in the house, and he scratched

дефа Асанчыкънен анасына да пай чыкъаргъаны ичюн Шефикъа тешеккюрини бильдирип, пите пиширюв ишлерине къарышмагъа башлады. О, инсанлар фукъаре олгъанда бир-биринен сонъки локъмасыны биле пайлашмагъа тырышкъанларына эм айретленди, эм севинди. Лякин бу ярдымлар да инсаннынъ вуджуды талап эткен гъыданы берип оламай эди. Вагонларгъа юкленгенлернинъ экинджи кунюнден башлап, мевталары да чыкъып къалдылар. Немселернинъ кунюнде де ачлыкъ чекильди эбет... Волга озенининъ копюри устюнден поезд яваштан кеткен вакъытта, джесетлерни сувгъа аттылар деген хабер таркъагъан эди. Ачыкъ чельде къалдырылгъан мевталарны исе эр кес корьди.

* * *

Къашкъачыкъ эв ичини эр кунъ доланса да, энди ашаладжакъ киби шей тапамайып, койде къалгъан дигер миллетлерден олгъанлар тѣккен чѣплюклерни къарыштырып, бир шейлер тапкъан киби ола эди. Онынъ бутюн кунъки къайгъырувы, бир шей тапып ашамакътан ибарет олды.

* * *

Буюк азапларгъа укум этильгенлернен юклю олгъан поезд, кичкене демирѣл станциясынынъ четиндеки едек демирѣлуна барып токътады. Адамларны къойларны сайгъаны киби дане-дана сайып, сыранен тургъан ат арабаларына юклеп, чешит эмек больгелерине ёлладылар. Шефикъа тюшкен ерде канал къазыла экен. Сюрдюнге огъратылгъанлар-

Шефика спустилась в выделенную ей землянку. На земляном полу была расстелена солома. Окна не было. То, что называлось дверью, было лишь проёмом. Самой двери тоже не было. В этом низеньком помещении можно было передвигаться на коленях или согнувшись в три погибели. Длина землянки – два с половиной метра, ширина – около двух метров. После того, как вернёшься с работы, здесь можно только лежать или сидеть. Даже в конюшнях условия бывают куда лучше.

* * *

Когда Кашкачик в очередной раз проводывал свой двор, услышал человеческие голоса, доносящиеся из дома, в котором раньше жил его друг Асанчик. Щенок обрадовался. Он присел на задние лапы и стал смотреть на двери дома, видимо, надеясь на то, что кто-то выйдет и, увидев его, даст ему поесть. Но из дома никто не выходил.

Тогда Кашкачик начал скрестись в дверь. Наконец, дверь отворилась и на пороге появился здоровенный, обросший мужчина. Увидев щенка, он топнул ногой и грубо выругался. Потом поднял палку и замахнулся. Кашкачик вынужден был спастись бегством.

* * *

В это же время, за несколько тысяч километров от родного дома, спрятавшийся в землянке от знойной жары Асанчик, вспоминая любимого Кашкачика, с нетерпением ждал, когда мама придёт с работы на

че на них дивився. Про-
йшло вже чимало часу,
але ніхто не з'являвся.
Кашкачик, подумавши,
що Асанчик повернувся,
але не знає, що він теж тут
і вірно чекає його, пошкріб-
ся у двері. Нарешті вони про-
чинилися і з дому вивалився
давно не голений, зарослий
здоровенний чолов'яга. По-
бачивши цуценя, він спе-
ресердя гупнув ногою об
землю і грубо вилаявся.
Мабуть, Кашкачик не зро-
зумів його, тому не зрушив
з місця, бо він у своєму ко-
роткому собачому житті ще
не бачив такого ставлення.
Але коли чоловік ухопив із землі
ломаку й замахнувся, мусив наківа-
ти п'ятами.

* * *

У цей самий час в місцині за декілька тисяч кі-
лометрів була виснажлива спека. Асанчик сховався
від неї в землянці й чекав повернення матері, котра
приносила додому щось поїсти. Він згадував свого
друга Кашкачика. «Я хоч і не досита, але щось їм. А
що ж там їсть бідолашний Кашкачик?» – думав він.

Шефіка прийшла на обід. Як завжди, вона при-

at the door. It finally opened and a long-unshaven bur-
ly lubber emerged out of the house. When he saw the
puppy, he stamped his foot on the ground and swore
roughly. Probably, Kashkachik didn't understand him.
He didn't budge because he hadn't yet seen such an at-
titude in all his short dog life. However, after a man had
grabbed a club from the ground and swung it, the puppy
had no choice but hare away.

нынъ яшамалары ичюн, эвельден, ертолелер азыр-лагъан эди. Къоранта азаларынынъ сайысына коре, буюкли-кучюкли ертолелерни пай эттилер.

Шефика озюне берильген ертолеге тюшти. Онынъ табанына тобан джайдырылгъан, лякин пенджереси ёкъ эди. Къапы сайылгъан еринде де ялынъыз бир ара бар эди. Къапынынъ озю исе ёкъ эди. Шу алчакъ таванлы оданынъ ичинде я тиз устюнде, я да эгилип юреджексинъ. Асанчыкънынъ боюна къарарлаштырып къазсалар керек. Онынъ ичинде юрьмеге де ер ёкъ эди. Узунлыгъы эки бучукъ метр, эни исе эки метр къадар эди. Чалышып кельген сонъ, ялынъыз ятаджакъсынъ, я да отураджакъсынъ. Айванлар ичюн къурулгъан ахырларда шараит бундан яхшы эди.

* * *

Къашкъачыкъ эр кунъки киби, озюнинъ азбарыны бир даа зиярет эткенде, Асанчыкъ яшагъан эвнинъ ичинден чыкъкъан инсан лакъырдысыны эшитип, къувангъан киби олды. Шимди бириси чыкъып оны кореджегини ве аш береджегини умют этсе керек, ерге отурып, эвнинъ къапысына бакъып къалды. Арадан баягъы вакъыт кечсе де, ич кимсе чыкъмады. Къашкъачыкъ бельки досту къайтып кельгенини умют эткендир, барып къапыны тырмалады. Ниает, къапы ачылды ве эвден, тырашы оськен, мазаллы бир адам чыкъты. О, кучелекни корьгенинен, аягъыны ерге урып, къаба сёзлернен къычырыкълады. Кучелек оны анъламаса керек, еринден къыбырдамады. Чюнки омюринде даа бой-

обед и принесёт кусочек хлеба и тарелку похлёбки.

«Хотя и не досыта, но я что-то ещё могу поесть, а что с Кашкачиком, что же он ест?» – думал он.

Шефика, возвратившись на обед с работы, покормила сына.

Из-за того, что в похлёбке риса было мало, а суп варился долго, он был похож на кисель. Шефика съела часть супа, в котором не хватало даже соли, и немного хлеба, и сказала, показывая на оставшийся хлеб:

– А этот хлеб съедим вечером. Хорошо, сынок?

– Конечно, – согласился Асанчик.

Чтобы насекомые не залезли в завернутый полотенцем хлебушек, Шефика завернула его ещё в платье, положила в угол и прилегла.

На глаза попались висевшие на штыре в стене два пиджака, два платья, сковорода и другие необходимые вещи.

Когда она выходила из своего дома, то ничего не взяла с собой. За два месяца после того, как их привезли сюда, сколько вещей набралось... Но они не радовали. Владельцы этих вещей за короткое время покинули этот мир. «А смогут ли они с сыном выжить в таких условиях?» – подумала Шефика. Эта мысль заставила биться сердце бедной женщины быстрее. Она погладила Асанчика по голове и, поцеловав в щёчку, прошептала:

– Ложись, сынок, и ты, – прижала его к своей груди, – не дай Бог нам с тобой расстаться.

Хотя, в общем, жизнь в стране была тяжёлой, положение крымскотатарского народа относитель-

несла пайку хліба на день і чашку рисового супу. Суп був схожий на кисіль, бо туди поклали мало рису і дуже його розварили, навіть не посоливши. Шефіка взяла половину хліба, а решту загорнула у полотнину, сказавши: «Це ми з'їмо увечері, синку». «Добре, анам⁽⁴⁾», – відповів Асанчик.

Щоб не напали комахи, Шефіка прикрила хліб ще й платтям, яке їй дали у вагоні, й поклала в кутку землянки. Аби розпрямити спину, вона, витягнувшись, лягла на солону. Погляд ковзнув по двох піджаках, що висіли на стіні, двох платтях, сковорідці та інших речах. Вона мала б тішитися, що не пройшло ще й двох місяців, як вона тут опинилася, а у неї вже дещо є. Але пригадала, що ці речі залишилися від когось із померлих, і це її засмутило.

Чи довго протягнуть вони в таких умовах? – думала жінка, і від цих думок у неї аж защеміло серце.

Шефіка погладила Асанчика по голові, поцілувала в щічку. «Лягай спатки, балам⁽⁵⁾», – сказала вона, пригортаючи хлопчика до себе, і як молитву прошепотіла: «О, Аллах, не розлучай мене з моїм дитям...»

Яким би не було важким в ту воєнну пору життя, але становище кримських татар було незрівнянно важчим, ніж в людей інших національностей. Шефіка пригадала слова свого шкільного вчителя географії, котрий розповідав про переселенців, що освоювали колись Америку. Вони використовували,

* * *

At that very time, there was an exhausting heat in a place several thousand kilometres away. Asanchik was hiding from it in the dugout reminiscing about his friend Kashkachik and waiting for his mother to return from the work and bring home something to eat.

'I have something to eat, although not enough,' he thought. 'What my poor Kashkachik eats there?'

Sheffika came from her work for dinner. She brought a daily ration of bread and a cup of rice soup. The soup was like jelly because they put there too little rice and cooked it too long. They didn't add even salt in it. She'd fed her son, and then she ate some soup and a small piece of bread.

ле муамелеге расткельмеген эди. Шу киши ерден алгъан чубугъыны котерип оны урмагъа ниетленгенинен, къачып кетмеге меджбур олды.

* * *

Бу вакъытта, бир-къач бинъ километр узакълыгъында булунгъан мемлекетте, кунешнинъ якъыджи сьджагъындан ертоледе сакълангъан Асанчыкъ, анасы уйлелик къайткъанда бир коше отъмекнен бир чанакъ ювундыкъ кетиреджегини сабырсызлыкънен беклеп, севимли Къашкъачыкъны хатырлай: «Тойгъанджек олмаса да, мен бир шейлер къапынам, я Къашкъачыкъ не ашай экен?» – деп тюшюне эди.

Шефикъа уйлелик къайтып, эр куньки киби, кунъделик иссе отъмеклеринен бир чанакъ пирнич шорбасы кетирди. Пирничи аз къоюлып, чокъ къайнатылгъанындан себеп, шорба кисельге ошай эди. Тузуны биле кереги къадар къоймайып пиширилген ювундыкъны, отъмекнинъ ярысынен ашагъан сонъ, Шефикъа, къалгъан отъмек парчасыны бир безге чырмап:

– Буны акъшам ашармыз, э, огълум? – деди.

– Эбет, – деди Асанчыкъ.

Шефикъа, безге чырмагъан отъмегине къырмыскъалар кирмемеси ичюн, устюнден бир антернен даа сарып, кошеге къойды да, белини догърултмакъ ичюн, тобан устюнде созулып ятты. Козюне, дивардаки чюйлерге асувлы эки быджакъ, эки дане антер, къолтава ве убур-чубур илинди. О, озь эвинден ич бир шей алмай чыкъса да, мында кельгенине

но других народов было в разы тяжелее. Шефика вспомнила, что когда училась в школе, на уроке учительница рассказывала, как американцы превращали темнокожих людей в рабов и заставляли их тяжело работать. Она подумала: «И у нас отняли родину. И мы оказались рабами. Разница лишь в том, что мы не чёрные...»

Мысли Шефики прервал звон на улице. Бригадир, назначенный из местных жителей, бил колотушкой по куску рельса, висевшего на дереве – звал людей на работу. Несмотря на то, что усталость не прошла, хочешь – не хочешь, а идти надо. Иначе можно было лишиться хлеба и похлёбки. Если кто-то не выходил на работу по причине болезни, требовали медицинскую справку. А получить её было не просто. Ответственный за выдачу справки измерял температуру. Но эта процедура была совершенно ни к чему, ибо если она была высокой, писали: «Температуры нет, может выходить на работу». После такой справки, были случаи, что люди умирали прямо на работе. Однако к ответственности за это никто не привлекался. У крымскотатарского народа были отняты все права, потому что их сюда привезли как «предателей родины».

* * *

В опустевшие дома села заселились другие, откуда-то взявшиеся люди. Кашкачик сразу же определил, что они разговаривают на каком-то другом языке. Они почему-то его невзлюбили. Каждый раз гоняли, бросали в него камни. Несмотря на то, что

як рабів, темношкірих африканців й експлуатували їх, як робочу худобу. Ми теж стали рабами тих, хто відібрав у нас Батьківщину, різниця лише в тому, що ми не темношкірі, подумала Шефіка.

Ці думки перебили удари дзвону. Бригадир, котрий був з місцевих, калатав у шматок рейки, що висів на дереві, закликаючи всіх «рабів» до роботи. Хоча втома й не пройшла, але хочеш не хочеш, а треба було йти. Хто не виходив на роботу, тому не давали хліба й баланди. Якщо хтось хворів і залишався в землянці, відразу ж приходили перевіряти і вимагали довідку від лікаря. Лікарем було призначено людину теж зі своїх, місцевих. Який би хворий до нього не звертався, він лише заміряв температуру, і навіть якщо вона була дуже високою, завжди казав і писав у довідці: «Температури нема, працездатний». З такими довідками люди помирали прямо на робочих місцях. Ніхто за це не відповідав. Кримськотатарський народ не становив жодної цінності і був позбавлений усіх прав. Навіть ті з місцевих жителів, хто, здавалося, й мухи не образить, були готові розтерзати кримських татар, бо їх привезли сюди як «зрадників Батьківщини», тож якщо чоловіки й сини тих, що тут живуть, загинули на війні, їх убивцями, на думку цих людей, могли бути кримські татари. Політика влади з нацьковування одного народу на інший зіграла свою підступну роль.

* * *

В спорожнілі будинки в Криму заселялися нові господарі. Кашкачик відчував, що прибульці роз-

The rest of the bread, she wrapped in linen, saying, «We'll eat this in the evening, son.»

«Well, anam,»⁽¹¹⁾ Asanchik answered.

To save the bread from insects, Sheffika covered it with a dress she was given in the wagon and put it in the corner of the dugout. Then she stretched herself out on the straw to straighten her back. Her gaze slid over the two jackets on the wall, two dresses, a griddle, and some other necessary utensils. So many things just in two months of their stay there! They did not please her eye, however. She remembered well that their owners had passed away in such a short period of time. She thought of how long could she and her son survive in such conditions and a sharp pain pierced through her heart.

Sheffika caressed Asanchik on the head, and kissed him on the cheek.

«Get to bed, balam,»⁽¹²⁾ she said, hugging the boy, then whispered like a prayer, «Oh, Allah, do not separate me from my child!»

Although the life of any people at the time of war wasn't easy, the life of the Crimean Tatar people was incomparably harder than that of other nations. Sheffika remembered her school teacher telling about the immigrants who'd come once to settle America. They used black Africans as slaves and exploited them like draft animals.

‘We also became slaves of those who deprived us of our Motherland. The only difference is we aren't black,’ Sheffika thought.

Those her thoughts were interrupted by ringing. A

даа эки ай толмай, энди баягъы бир шейи бар эди. Шефикъа оларгъа къуванаджакъ киби олды ама, бу шейлернинъ саиплери даа якъында Алланынъ рахметине къавушкъанлары, оны рухтан тюшюрди. «Я, озьлери бойле шараитта чокъ яшап олур экенлерми? — деп тюшонди. Бу тюшондже онынъ юрегини дюкюльдетти. О, Асанчыкънынъ башыны сыйпады ве янагъындан опыти:

– Ят, огълум, сен де, – деп оны озюнинъ багърына басты ве: «Алла эвлядымдан айырмасын», – деп фысылдады. Яшайыш умумен агъыр олса да, къырымтатар миллетининъ вазиети дигер миллетлернинъкине коре он къат зияде агъыр эди. Шефикъа мектепте окъугъанда оджасы, Америка истиляджылары зенджилерни озьлерине къул этип, айванлар киби чалыштыргъанларыны айткъаныны хатырлады. «Биз де ватанымызны тутып алгъан истиляджыларгъа къул олдыкъ. Фаркъы шунда ки, биз зенджилер киби къара дегильмиз», – деп тюшонди о. Шефикъа тюшонджелерини чанъ сеси больди. Ерли миллеттен олгъан бригадир, терекке асувлы рельс парчасына токъмакънен урып, къулларны ишке чагъырды. Ёргъунлыкъ савушмагъан олса да, истер-истемез кетмек керек эди. Ишке чыкъмагъанларгъа отъмеги ве ювундыгъы берильмей эди. Эгер хасталанып

люди, живущие теперь в доме Шефики, относились к нему так же враждебно, Кашкачик приходил сюда и издали всматривался с надеждой в этот домик. Видимо, он надеялся, что когда-то настанет день и снова появится в нём его любимый друг.

Война ещё не закончилась. Несмотря на то, что повсюду царил голод, в мусоре, который выбрасывали люди, встречались покрытые плесенью кусочки хлеба и протухшая еда. Кашкачик целые дни проводил в местах, куда выносили мусор. Когда в селе хозяйничали немцы, были отстреляны поч-

мовляють якоюсь іншою, зовсім не зрозумілою йому мовою. Вони його чомусь недолюбливали, відганяли, тільки трапиться на очі, тому за рідним йому домом Кашкачик спостерігав звіддала, живучи надією, що в котрийсь із днів тут знову появиться його найкращий друг і почується знайомий голос.

Війна ще не скінчилася, довкіл панували голод й нужда, але люди коли-не-коли все ж викидали щось на смітник. Зрідка там можна було натрапити на шматочки черствого поцвілого хліба, якісь недоїдки. За час окупації гітлерівці перестріляли у селі майже усіх собак, врятувалися лише декілька, що встигли втекти до лісу, але вони сиділи тепер на прив'язі у дворах, тож «господарем» усіх смітників і вигрібних ям був Кашкачик.

* * *

Минали дні, тижні, місяці. В умовах життя страждаючого народу ніяких змін не сталося. Кількість хворих і померлих людей увесь час зростала. Ті, хто ще залишалися живими, приречено чекали своєї долі...

Щоб поховати покійного, його треба обмити, загорнути в саван, вирити могилу. У людей для цього не було ані можливості, ні сил. Щоранку двоє місцевих гробарів збирали по землянках мерців, складали їх на гарбу й відвозили за село. Трактором на пустирі вирили глибокого довгого рова, покійників кидали туди і просто загортали землею. Судячи з розміру виритої канави, її вистачило б для усіх кримських татар, що працювали на будівництві каналу та на інших роботах у колгоспі.

foreman, a local, was clattering on a piece of rail hung up to a tree, calling all the «slaves» to work. Although still felt weary, Sheffika had to go to work whether or not wishing it, for there was no bread and soup for those who didn't work. If someone was sick and stayed in the dugout, they immediately came to check him and demanded a certificate confirming the disease. It wasn't easy to get such a certificate. A man in charge of issuing certificates was appointed from among the local people. The only thing he did was measuring his patients' temperature no matter how sick they were. The temperature could be really high, but he always said, and wrote in his certificate, «No temperature, workable».

People died in their workplaces with such diagnoses. No one was responsible for their deaths. The Crimean Tatar people did not constitute any value and was deprived of all rights. Even those of the local residents who seemed not be able to hurt a fly were ready to devour the Crimean Tatars because they were brought there as «traitors to the Motherland». That's why when husbands or sons of the locals happened to be killed in the war, their murderers, in the opinion of those people, could have been the Crimean Tatars.

* * *

New owners settled in the empty houses in Crimea. Kashkachik felt that the strangers were speaking some other, completely incomprehensible language. For some reason, they did not like him, drove him away, as soon as he was caught in their sight. Therefore, Kashkachik watched his home from afar, hoping that his best friend

иштен къалгъан киши олса, шу дакъкъада тешкерип келерек, экимден справка алынмасы талап этиле эди. Эким ерине тайин этильген киши де оларнынъ озьлеринкилерден эди. Огюне къайсы бир хаста барса, сыджагъыны ольчей ве арарети юксек олса биле: «Сыджагъы ёкъ. Ишке чыкъа биле», – деп справка язып бере эди. Ойле справкадан сонъ, чалышып тургъан ерлеринде олип къалгъанлар да олдылар. Лякин месулиетликке кимсе тартылмады. Къырымтатар миллетининъ ич бир тюрлю акъкъы ве къыймети къалмады. Бир чибинни ольдюрмеге эллери бармаса биле, къырымтатар миллетини ольдюрмеге азыр турдылар. Чюнки бу халкъны мында ватан саткъынлары сыфатында кетирдилер. Демек, ерли халкънынъ джебэде эляк олгъан къоджаларыны ве огъулларыны, къырымтатарлар ольдюрген киби чыкъа эди. Зулум укюметнинъ, халкъларны бир-бирине сыттырып гъайып этиув сиясети озь ишини япмакъта эди.

* * *

Койде бошап къалгъан эвлерге къайдандыр, башкъа адамлар келип кирдилер. Къашкъачыкъ, олар башкъа тильде лакъырды эткенлерининъ фаркъына барды. Эм, олар оны ничюндир севмей, корьген сайын таш атып къувалай эдилер. Шефикъанынъ эвинде яшагъанлар да бойле мунасебет косътергенлерине бакъмадан, Къашкъачыкъ о эвни узакътан сейир этип, озюне теселли бере эди. Эр алда, бир кунь ола шу азбарда севимли достунынъ пейда оладжагъыны умют этсе керек эди.

ти все собаки, а те, которые тогда убежали в лес и спаслись от расстрела, сейчас были на привязи во дворах новых хозяев. Поэтому Кашкачик считался хозяином всех мусорных куч в селе.

* * *

Дни, недели и месяцы шли своей чередой. Но в жизни измученного народа не чувствовалось никакого облегчения. Число умерших от голода и болезней с каждым днём возрастало. Даже те, кто были живы и здоровы, будто ждали своей очереди.

Чтобы похоронить покойника, необходимо его обмыть, надеть на него саван и вырыть для него могилу. Но чтобы сделать всё это, у людей не оставалось ни возможностей, ни сил. Каждый день с утра два человека из местных жителей выносили тела умерших из землянок, грузили в бричку и увозили. В степи, в каменистой местности, непригодной для посевов, экскаватором была вырыта длинная и глубокая яма. Тела сбрасывали в эту яму, слегка прикрывая землёй. Ров был такой длины и ширины, что вполне мог вместить трупы всех работавших на канале и в колхозе крымских татар.

Шефика каждый день возвращалась с работы очень усталой. В один из вечеров последних ноябрьских дней она решила: «Что хотят, пусть и делают. Завтра на работу не выйду». Женщина не выдержала непосильного труда. Силы покидали её. Она не могла уже ежедневно копать землю, таскать её со дна канала на спине в корзине, карабкаясь по крутому склону наверх.

Шефіка в останні дні листопада щовечора поверталася з роботи смертельно стомленою. «Хай кажуть, що хочуть, а я завтра на роботу не вийду», – думала вона. Щодня копати землю, тягати її у короби, прив'язаному до спини, дертися з цією землею нагору, переносити на десятки метрів і там висипати – звичайно, жіночий організм просто виснажився. Сьогодні вона в усьому тілі відчула дуже велику слабкість, її нудило. Жінка лягла на соломку, спровола сказала синові: «Візьми хліб і поїж сам, мені чомусь не хочеться».

Асанчик витягнув згорток з хлібом, трохи з'їв і решту знову загорнув у тканину. «Я залишив вам хліба, мамо, як захочете – поїсте», – сказав він. Але мати мовчала...

Хлопчик приліг поруч, пригорнувся до неньки і скоро заснув.

Наступного ранку гробарі, як завжди, почали обходити землянки і запитувати, чи є померлі. Якщо чули у відповідь, що нема, переходили далі. Вони підійшли до землянки Шефіки, погукали. Відповіді не було. Покликали ще – знову мовчанка. «Здається, тут щось не так, давай спустимось», – сказав один з могильників.

І справді, Шефіка була нежива, вже навіть заохолола. Гробарі відсунули сплячого Асанчика убік. Коли виносили тіло, він ніби прокинувся, але спросоння не зрозумів, що сталося. А могильники вже поклали Шефіку на гарбу і повезли до рова, де закопували всіх нещасних.

Прокинувшись, Асанчик дістав хліб, поїв, а шматок знову залишив матері.

would come back once and he would hear the familiar voice.

The war was not yet over. Hunger and destitution reigned around, but people still threw away some garbage. Occasionally there could be found pieces of stale, musty bread, some food leftovers. The Nazis shot almost all the dogs in the village during the occupation. Only a few of them managed to escape in the forest. They were tethered in the yards now, so Kashkachik was the only master of all dumps and rubbish heaps.

* * *

Days, weeks, months went by. Nothing changed in the living conditions of the suffering people. The number of sick and dead increased all the time. Those who were still alive were hopelessly waiting for their fate.

To bury the deceased, it is necessary to wash it, wrap it in a shroud, and dig a grave. People had neither opportunity nor strength for that. Every morning, two local gravediggers checked out the dugouts looking for the dead, put them in an arba⁽¹³⁾ and drove away. There was a long and deep excavator-dug ditch there on a barren stony lot. The dead bodies were thrown there and covered with a thin layer of soil. Judging by the size of the ditch, there could be buried all the Crimean Tatars working on the construction of the canal as well as those who worked on the local collective farm.

It happened at the end of November.

Being at her limits from permanent overwork, Sheffika thought one evening, 'Let them say what they want, but I won't go to work tomorrow.'

Дженк даа битмеди. Орталыкьта ачлыкь укум сюрсенине бакъмадан, инсанлар чыкъаргъан чёплюклер арасында кюфленген отьмек парчалары, я да экшитип тёкюльген ашлар да чыкъа эди. Бу себептен Къашкъачыкъ бутюн кунюни чёплюк тёкюльген ерлерде кечире эди. Койде немселер олгъан вакъытта, бутюн копеклерни атып битирген эдилер. О вакъыт атыштан къуртулып дагъгъа алып кетильген копеклер де шимди рус миллетине менсюп олгъан саиплерининъ азбарларында багълы тура эдилер. Онынъ ичюн чёплюк обаларынынъ сайби, ялынъыз Къашкъачыкъ сайыла эди.

* * *

Куньлер, афталар ве айлар, бири-бири артындан кечип кетти. Лякин хор халкънынъ яшайышында ич бир тюрлю енгиллик сезильмей эди. Ачлыкьтан ве хасталыкьтан ольгенлернинъ сайысы эп артты. Сагъ олгъанлар биле, озъ невбетлерини беклеген киби яшай эдилер.

Мевталарны дефн этмек ичюн, оларны ювмакъ, кефинлемек ве мезарыны къазмакъ керек эди. Лякин бу шейлерни япмакъ ичюн халкъта имкян ве такъат къалмады. Эр саба, ерли халкъкъа менсюп олгъан эки киши, ертоледеки джесетлерни ат арабасына юклеп, алып кете эдилер. Мегер, чёльнинъ бир шей сачмагъа ярамагъан ташлы больгесинде, экскаваторнен узун ве терен эндек къазылгъан эди. Мевталарны шу эндекке ата да, устьлеринден бироз топракъ ташлай экенлер. Эндекнинъ колемине коре, о, шу этрафта – каналда ве колхозларда чалышмакъ-

Сегодня её начало подташнивать. И она слегла. Попросила сына:

– Возьми и поешь хлебушек. Мне почему-то есть не хочется.

Асанчик развернул свёрток, съел небольшой кусочек хлеба, оставшуюся часть завернул и положил обратно на место.

– Вашу долю, мама, я оставил. Съедите, когда захочется, хорошо?

Шефика промолчала. Асанчик лёг рядом с матерью, обнял её и вскоре заснул.

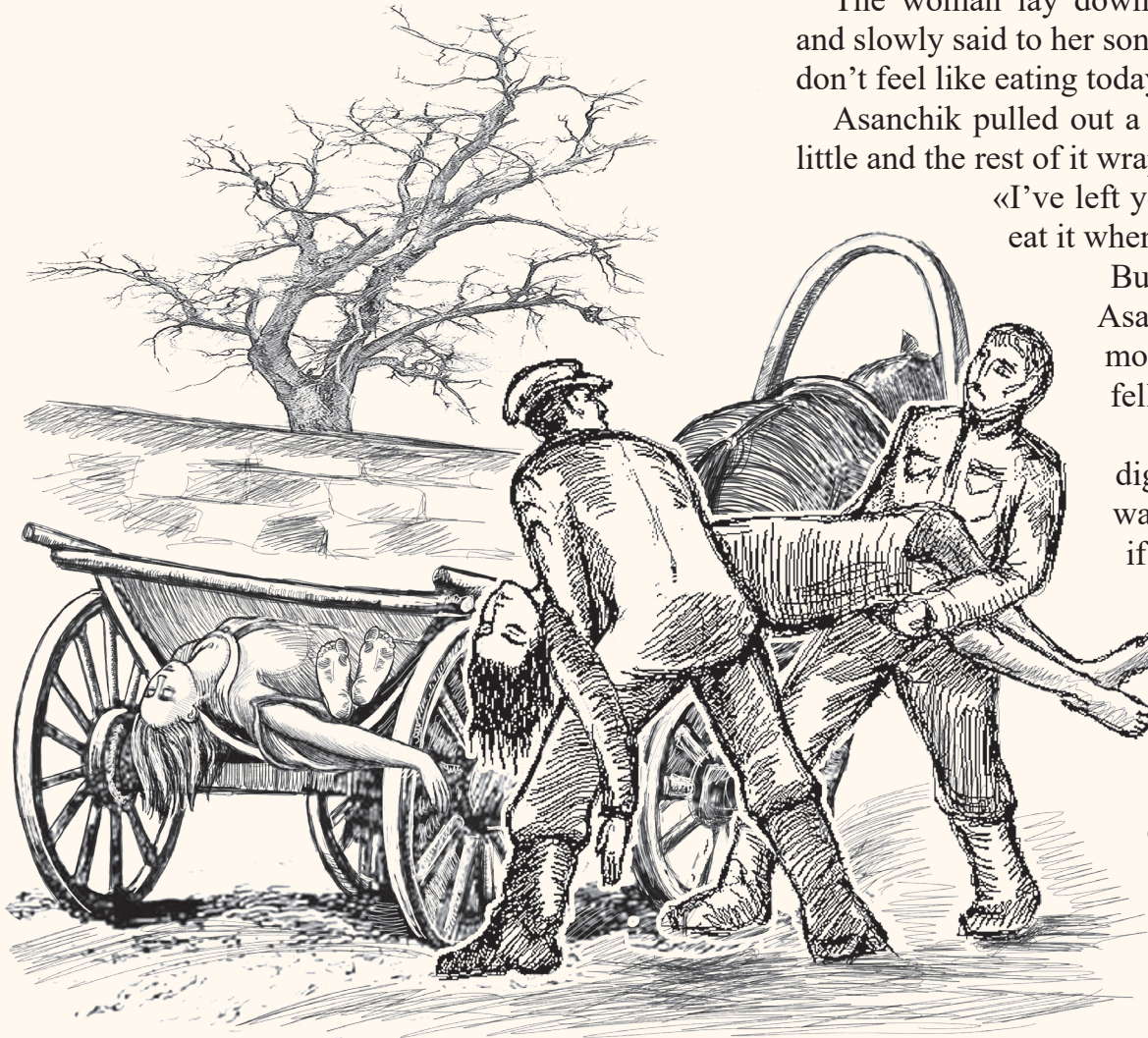
Утром следующего дня, как обычно, могильщики, подходя к дырам, которые называлась дверьми землянок, спрашивали: «Умершие есть?». После ответа – «нет» переходили к следующей землянке. Когда они подошли к землянке Шефики и задали этот вопрос, то ничего не услышали. Вопрос повторили, но ответа не последовало.

– Кажется, здесь что-то не так, спустимся и посмотрим, – сказал один из могильщиков.

Тело Шефики, отдавшей Богу душу, уже остыло. Отодвинув спящего Асанчика в сторону, забрали тело его матери. Спросонок мальчик не сообразил, что происходит. Могильщики положили Шефику на грудь тел в бричке и повезли хоронить.

Проснувшись, Асанчик развернул хлеб, съел небольшой кусочек, а остальное снова оставил матери. Как только солнце немного прогрело воздух, он решил выйти на улицу. Через три землянки от них находилась ещё одна землянка, побольше. В ней жили брат и сестра: двенадцатилетняя девочка и

Сонце вже трохи прогріло землю й Асанчик вивабрався на вулицю. Він завжди прямував до сусідньої, трохи більшої землянки, біля якої зустрічався з хлопчиком і дівчинкою років 12-13-ти. Той хлопець часто розповідав йому казки. Він підійшов до

She knew she could no longer dig the ground, or climb up the steep slopes of the canal with a basket full of soil. The hard work totally exhausted her. She felt nauseous and deadly weak in the whole body on that day. She felt her life forces leave.

The woman lay down on the straw-covered floor and slowly said to her son, «Take the bread and eat it. I don't feel like eating today.»

Asanchik pulled out a bundle with the bread, ate a little and the rest of it wrapped up again in cloth.

«I've left you some bread, Mom. You'll eat it when you wish,» he said.

But the mother was silent. Asanchik lay down next to his mother, clung to her, and soon fell asleep.

The next morning, the gravediggers began, as always, to walk around the dugouts asking if there were any dead. Hearing in response that there wasn't any, they were moving on. Soon, they approached Sheffika's dugout and called out. Nobody answered them. They called again, and again silence was the only answer.

«It looks like something is wrong here. Let's go down,» one of the gravediggers said.

та олган бутюн кырымтатарларны коммеге етеджек экен.

Иштен эр кунь кьарардан зияде ёрулып кьайткьан Шефикьа, ноябрьнинь соньки куньлеринден биринде, акьшам: «Не япсалар, япсынлар. Ярын ишке чыкьмайджагьым», – деп тюшонди. Кьадын алында эр кунь ер кьазмакь, я да аркьасына асылган махсус савуткьа юкленген топракьны каналнынь тюбюнден, джапкьа тырмашып, тёпесине чыкьармак ве отуз-кьыркь метрлик месафеге алып барып тёмек иши онынь бутюн вуджудыны ипрандыраджагьы белли эди. Бугунь бутюн тенинде бир зайыфлыкь ис этти ве юреги буланды. О, созулып ятты да, огьлуна:

– Ал, отьмекни ач да, аша. Меним ашайджагьым кельмей, – деди.

Асанчыкь, чырмавлы отьмекни ачып бираз ашаган сонь, кьалган парчаны чырмап ерине кьойды ве анасына:

– Сизнинь пайынъызны кьалдырдым. Истегенде ашарсыз, – деди. Анасы индемеди. Асанчыкь онынь янына ятты да, кьучакьлайджакь олып, бир элини анасынынь устуне кьойды ве тезден юкьлап кьалды.

Экинджи куню саба, эр куньки киби, мезарджылар эр бир ертоленинь кьапысы сайылган тешик янына барып: «Ольгенлер бармы?» – деп сорап юрьдилер. «Ёкь», – джевабыны алган сонь, дигер ертолеге авуша бердилер. Олар Шефикьанынь ертолеси янына келип шу суальни бергенде, ичериден сес чыкьмады. Суаль текрарланды, лякин джевап кельмеди:

парень постарше. Юноша обычно рассказывал ему разные сказки. Но сегодня девочка была одна. Асанчик, приблизившись к ней, спросил:

– А брат сегодня выйдет?

– Он умер. Его на бричке забрали могильщики, – ответила девочка отрешённо. При этом выражение её лица даже не поменялось. Как будто бы брата повезли в школу...

– Дома, наверное, остался только папа?

– Он лежит больной. А твоя мать? – посмотрела искоса девочка.

– Мою маму забрали на работу, – сказал Асанчик. Девочка промолчала. Они долго стояли молча. Согревшись на солнце, Асанчик снова вернулся в свою землянку.

* * *

Кашкачик в тот день обошёл все мусорные кучи, но еды не нашёл. Конечно, люди не каждый день выбрасывают покрытый плесенью хлеб и не выливают прокисший суп.

Хотя боль уже не так досаждала Кашкачику и он мог осторожно ходить, голод забирал у него все силы. Он исхудал до такой степени, что кости, казалось, вот-вот проткнут кожу. После того, как в мусоре ничего съестного найти не удалось, он побрёл в сторону дома Асанчика. Сквозь покосившиеся ворота разглядел двор, дом и свою конуру. Вспомнил, как с Асанчиком бегали и играли. Постояв некоторое время без движения, поплёлся в сторону леса.

Остановился на поляне среди деревьев. Посмот-

землянки, але там цього разу була лише дівчинка. «А що, твій брат не вийде?» – запитав Асанчик. «Він помер, його забрали», – якось байдуже відповіла дівчинка, при цьому навіть не змінившись в обличчі – ніби її брата повели десь до школи.

«У тебе вдома залишився тільки татко?» – спитав Асанчик. «Так, – глянула з-під лоба дівчинка, – він лежить хворий. А твоя мама?» – запитала вона. «Мою маму забрали на роботу», – сказав Асанчик. Дівчинка промовчала.

Вони деякий час посиділи мовчки. Зігрівшись на сонці, Асанчик знову повернувся у свою землянку.

* * *

Цього дня Кашкачик уздовж і впоперек перерив у селі всі купи зі сміттям, але не зміг знайти нічого їстівного. Хоча біль у задніх лапах ще не пройшов, Кашкачик уже міг обережно й поволі ходити. Але муки голоду пригнічували його ще більше. Він дійшов до такого стану, ніби на скелет була натягнута шкіра – видно було кожну кісточку.

Не знайшовши на смітниках нічого їстівного, він пішов до дому Асанчика. Довго дивився на перекошені ворота, на дім, на свою будку. Пригадав, як вони з Асанчиком бігали, гралися – уявляючи все це, якийсь час посидів незрушно. Тоді піднявся і пошкунтильгав у напрямку гір. Звірі, коли відчувають свою близьку кончину, ідуть у якісь відлюдні місця, щоб там померти. Напевне, у Кашкачика теж виникло таке відчуття, тому він і приходив попрощатися з рідним йому домом.

And indeed, Sheffika was dead and cold already. The gravediggers moved the sleeping boy aside and took Sheffika. When they were carrying the dead body out, the boy seemed to awake, but being half asleep, he did not understand what was going on. Meanwhile, the gravediggers had already laid Sheffika on their arba and drove her to the ditch where they buried all the unfortunates.

Awoke, Asanchik pulled out the piece of bread, ate a little, and the remainder he left for his mother.

The sun had already slightly warmed the earth, and Asanchik dared to get out into the open air. There was a bit bigger dugout, not far from theirs, where a 15-year-old boy and a girl of 12 years old lived. The boy often told him fairy tales. Asanchik came up to the dugout, but there was only a girl there that time.

«Where's your brother? Will he come out today?» Asanchik asked.

«He died and was taken away,» the girl replied somehow indifferent.

No emotions reflected on her face as she was telling that. It looked as if her brother was taken to a school.

«Is only your dad remained with you now?» Asanchik asked.

«Yes, he is sick,» the girl glanced at him sullenly. «And what about your mom?» she asked.

«My mother was taken to work,» Asanchik said.

The girl said nothing. They stood silently for a long time. Warmed up in the sun, Asanchik went back to his dugout.

– Гъалиба мында бар, тюшип бакъайыкъ, – деди мезарджылардан бири.

Акъикъатен, Шефикъа эманетини берип, атта, сувуп къалгъан эди. Юкълагъан Асанчыкъны кенаргъа чекип, анасынынъ джеседини алып чыкъаджакъта о уянгъан киби олса да, юкъу серсемлигинен, не олып кечкенининъ фаркъына бармады. Мезарджылар Шефикъанынъ джеседини де арабагъа, энди юкленген мевталарнынъ устюне къойып, аджизлер мезарлыгъына алып кеттилер.

Асанчыкънынъ юкъусы темелли ачылгъан сонъ, чырмавлы отъмекнинъ ярысыны ашап, бир парчасыны кене анасына къалдырды. Кунеш орталыкъны бираз къыздыргъан сонъ исе, тышкъа чыкъмагъа къарар берди. О, тышкъа чыкъкъан сайын, учь ертоленинъ артындаки мейданчыкъта кунешке къызынып тургъан, азып-тозып къалгъан он беш яшындаки огълан ве онынъ он эки яшындаки къыз къардашынынъ янына бара тургъан эди. Чюнки шу огълан онъа чешит масаллар айтып бере эди. Асанчыкъ шимди де о тарафкъа кетти. Лякин бугунъ къызчыкъ бир озю эди. Асанчыкъ онъа якъынлашып:

– Я агъанъ чыкъмайджакъмы? – деп сорады.

– О ольди. Арабаджылар алып кеттилер, – деди къызчыкъ, чырайыны биле денъиштирмейип. Агъасыны санки мектепке алып кеткенлер.

– Эвде тек бабанъ къалдымы?

– О хаста ята. Я сенинъ ананъ?.. – деп къызчыкъ къыя козьнен бакъты.

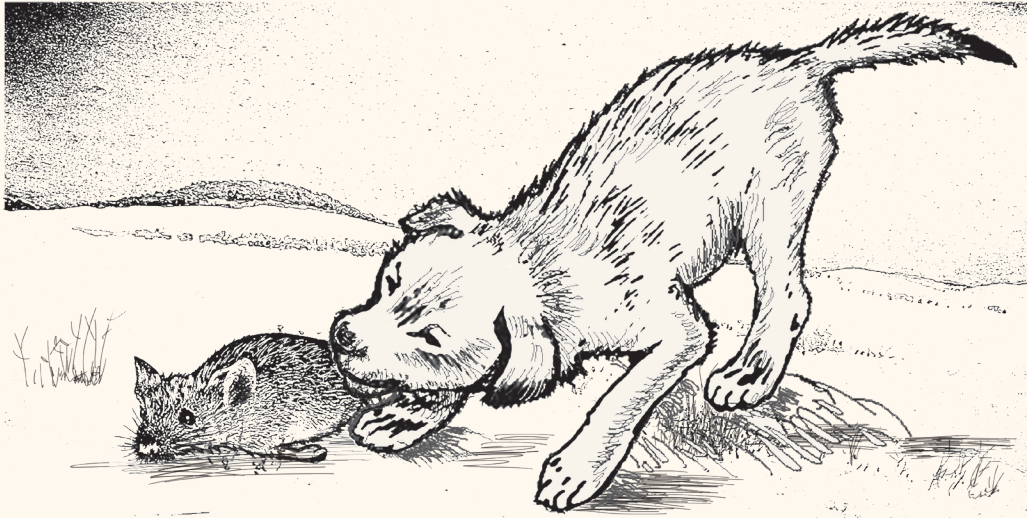
– Меним анамы ишке алып кеттилер, – деди Асанчыкъ. Къыз индемени. Олар баягъы вакъыт лафсыз

рел вправо, потом влево и направился в сторону кустарников. Нашёл место среди кустарников и прилёг. Через некоторое время послышался какой-то шорох. Прислушался. Поднял голову, огляделся и увидел большую крысу – она застряла между двух ветвей. Крыса старалась вырваться. Кашкачик бросился к ней и прижал лапой. Крыса извернулась и вонзила зубы в нос Кашкачика. Из носа полилась кровь. Не обращая внимания на боль, Кашкачик схватил крысу за горло и задушил её. Что его сюда потянуло? Разве что удача?

* * *

К обеду Асанчик подждал маму, рассчитывая что-то поест. Люди возвращались с работы, но мать Асанчика так и не появилась. Он проголодался настолько, что развернул кусочек хлебушка, который оставил для матери, но съесть его так и не осмелился. Завернул и положил на место, подумав: «Может быть, опять не успеют привезти хлеб». Снова вышел на улицу, начал вглядываться в даль, но так и не увидел свою маму. Решил пойти её встречать. Шёл долго. Остановился у рва будущего канала. Людей возле него уже не было...

Когда Асанчик возвращался, увидел вдали сельские дома. «Может быть, мама пошла туда», – подумал он и направился в ту сторону. На улице увидел женщину, которая вышла из дома, подошла к канаве и что-то высыпала. Это были картофельные очистки. Мальчик подобрал их и, присев, начал грызть. Женщина повернулась, увидела его, спросила на узбекском языке:

Поблукавши поміж дерев, він зупинився, обдивився довкіл і попрямував у густі зарослі в долині. Вибрав собі там місце, примостився. Несподівано почувся якийсь шерех. Кашкачик нашорошив вуха, вслухався, пригледівся – і раптом його погляд зустрівся з очима чималенького пацюка, що пробрався між густими гілками. Кашкачик миттю зірвався з місця і притиснув пацюка лапами до землі, намагаючись схопити його зубами за карк. Пацюк вивернувся і гострими зубами вп'явся собачаті у носа, але Кашкачик, не звертаючи увагу на кривавлячу рану, здобич уже не відпустив! Просто якась собача зірка привела його саме на це місце у цей час!

* * *

Опівдні Асанчик виглядав маму, чекаючи, що вона принесе щось поїсти. До інших землянок за-

* * *

Kashkachik could not find anything edible on that day, although he had examined all the dumps in the village. The pain didn't bother him as much as before. He could walk slowly now. Hunger, however, was sucking him of his strength. He emaciated so much that the bones were about to pierce through his skin. Finding nothing edible at the dumps, he went to Asanchik's house. He stood motionless for a long time looking at the twisted gates, at the house, at his kennel, recollecting

the happy days when he was running and playing there with Asanchik. Then he rose to his feet and hobbled towards the mountains. Wild animals feeling their imminent demise go to some secluded places to die there. Kashkachik felt, maybe, something of the kind. Therefore, he came to say goodbye to the house so dear to him.

After wandering among trees, Kashkachik stopped, looked around, and headed for the dense thickets in the valley. He'd chosen a place but barely managed to lie down when some slight rustling alerted him. Kashkachik listened, looked around, and suddenly his gaze met the eyes of a large rat sneaking among thick branches. Kashkachik instantly jumped up and pressed the rat to the ground with his paws, trying to grab it with his teeth. The rat twisted and stabbed into the dog's nose with its sharp teeth. Kashkachik, however, did not release the

отурган сонъ, Асанчыкъ
сыджакъланып, кунештен
сакъланмакъ ичюн озю-
нинъ ертолесине кетти.

* * *

Къашкъачыкъ шу
куню чёплюк обаларыны
эшкелеп чыкъса да, аша-
ладжакъ киби ич бир шей
тапып оламады. Эбет,
инсанлар отъмеклери-
ни эр кунъ куфлендирип
атмайлар ве пиширген
ашларыны да эр кунъ эк-
шитип тёмейлер. Къаш-
къачыкънынъ агърылары
темелли кечмеселер де,
арт аякъларына мукъайт-
лыкънен басып юрьмеге
имканы олды. Лякин ач-
лыкъ азабы оны зияде-
синен къырпалады. Ойле
олып къалды ки, сан-
ки скелетининъ устюне
тери тарттыргъанлар. Эр
бир кемиги тюртип тура.
Чёплюктен ашамагъа
ич бир шей тапамагъан
сонъ, Асанчыкънынъ эви
тарафкъа кетти. Къый-

ходили й виходили з них люди, а його мама все не поверталася. Вже добре виголоднівшись, він узяв згорток із хлібом, що залишив для матері, розкрив, подивився... Але з'їсти сам не наважився, знову загорнув і поклав на місце.

Надвечір Асанчик вибрався із землянки, обдивився довкіл, але матері ніде не було. Він попрямував її шукати, роззираючись по сторонах. Дійшов до місця, де йшло будівництво каналу, але там вже було безлюдно. Вдалині ледь бовваніли будинки сусіднього села. Може, мама пішла туди, подумав хлопчик і побрів у тому напрямку.

Йдучи вже сільською вулицею, помітив, що якась жінка вийшла з дому і щось вихлюпнула з відра біля краю арика. Він підійшов ближче, нагледів на землі лущиння картоплі, підняв його і почав жувати. Жінка обернулася: «Що ти робиш! – гукнула по-узбецьки, – хіба можна брати до рота сміття?» «Я хочу їсти», – безсило прошепотів Асанчик.

Напевне, жінка, побачивши бліде личко й худі рученята, пожаліла його. «Йди сюди», – сказала вона. Асанчик підійшов і жінка помітила, що по ньому повзають воші. «Постій отам, – показала місце неподалік, – я зараз повернуся». Вона зайшла в дім і через якийсь час повернулася з цілим коржем і ще кількома шматками зачерствілого хліба.

Асанчик аж розгубився, не знаючи, що з тим багатством робити. «От мама зрадіє!» – подумав він і сховав для неї коржа за пазуху. Він мало не бігцем вертався до своєї землянки, гризучи на ходу сухаря.

По дорозі Асанчик натрапив на гурт дітей, що

prey paying any attention to his bleeding wound. Just some kind of a dogs' star brought him to that very place precisely at that time!

* * *

At noon, Asanchik looked out for his mother, expecting her to bring something to eat. People were coming to neighbouring dugouts and leaving them, but his mother did not come back. He'd been so hungry by that time that he took the bundle with a piece of bread he'd left for his mother, opened and looked at it. However, he did not dare to eat it. He wrapped it again and put it back in its place.

In the evening, Asanchik got out of the dugout and looked around. His mother was nowhere to be seen. Looking for her, he reached the place where they had been building the canal, but there was already no one there. The houses of the neighboring village were barely visible in the distance.

'Maybe, Mom went there,' the boy thought and headed in their direction.

Walking along the street of the village, he noticed that some woman came out of her house and threw something out from her bucket at the edge of an aryk⁽¹⁴⁾. When he came closer, he discerned potato peelings on the ground. He picked them up and began chewing. The woman returned.

«What are you doing?!» she shouted in Uzbek, «How can you take rubbish in your mouth?»

«I want to eat,» Asanchik whispered weakly.

The woman, perhaps, had pity on him, seeing his pale face and thin little hands.

ышып кьалгъан арабакъапы арасындан азбарны, эвни ве озюнинъ ювасыны козьден кечирди. Асанчыкънен чапкъалашып ойнашкъанларыны хатырлады ве баягъы вакъыт кыбырдамайып тургъан сонъ, айланып, тентир-ментир, дагънынъ тереклигине догъру кетти.

Сербест юрьген айванлар озьлерининъ оледжеклерини сезип, кимсе корьмеген ерге барып джан бере экенлер. Къашкъачыкъкъа да ойле дуйгъу кельди де, шунынъ ичюн Асанчыкънынъ эвинен эльвидалашып кеттими, аджеба? О, тереклер арасында баягъы юрьген сонъ, токъталды. Сагъгъа, солгъа бакъынды ве козюне чалынгъан, авлакъча еркеки чалыларгъа догъру адымлады. Чытырманлыкъ арасында ер тапып ятты. Бираздан сонъ къулагъына бир чытырты сеси кирди. Дикъкъатнен динъледи. Эбет, бир сес бар эди. Башыны котерип четке бакъкъанынен, бир ири сычавылнен козь-козьге кельдилер. Сычавыл, эки чубукъ арасындан къуртулмагъа тырыша эди. Къашкъачыкъ яткъан еринден тез-тез турып, панджасынен сычавылнынъ аркъасындан басты да, энъсесинден къападжакъ олды. Сычавыл джан аляметинен чевирилип, кесиджи тишлерини Къашкъачыкънынъ бурнуна батырды. Лякин эджельден къуртуламады. Къашкъачыкъ, бурну къанагъанына бакъмайып, онынъ богъазындан къапып тынчландыргъан сонъ, ашамагъа башлады. Оны мында кысмети тарттымы, аджеба?

* * *

Уйле вакътында Асанчыкъ анасыны беклеп, бир шейлер къапынаджагъыны умют этсе де, башкъа

– Что же ты делаешь? Разве можно есть мусор?

– Я очень хочу есть, – еле слышно ответил Асанчик.

Женщина, увидев его бледное лицо, исхудавшие ручки, позвала:

– Подойди сюда.

Она заметила, что по мальчику ползают вши, и сказала:

– Подожди здесь, я сейчас вернусь, – и вошла в дом.

Вскоре женщина принесла и дала ему целую лепёшку и несколько кусочков черствого хлеба. Асанчик очень обрадовался. Лепёшку спрятал за пазуху. По пути домой с удовольствием грыз хлеб и думал, что, может быть, мама уже возвратилась с работы и он лепёшку отдаст ей.

Дети, игравшие возле крайнего дома села, увидели его и начали кричать: «Попрошайка, попросайка!». Один мальчик подошел к Асанчику, ударил его по спине палкой и предупредил, чтобы он больше здесь не появлялся. Асанчик побежал. Дети начали бросать в него камни, но попасть не смогли.

Мама в землянке не оказалось. И вечером она не пришла. Асанчик забеспокоился и расплакался: «Мама, мамочка, где же моя мамочка?». Долго проплакав в тёмной землянке, он заснул на земле, застелённой соломой. Ночью во сне к нему пришла мама, помолодевшая и в красивой одежде. Она держала в руке большой круглый хлеб и улыбалась. Приблизилась к сыну и сказала: «Теперь, сынок, мы обретём спокойствие, я и тебе приготовила место».

гравися на вулиці. Побачивши чужака, вони здійняли крик: «Жебрак, жебрак!» Якийсь хлопчак з різкою підбіг до нього, ударив по спині, вигукуючи: «А не ходи тут більше, не ходи!»

Асанчик щодуху кинувся навтьоки. Діти услід йому улюлюкали і кидали грудками, але, на щастя, не влучили.

Матері в землянці не було. Вже зовсім стемніло. Серце хлопчика занепокоїлося. «Мамо, мамочко, де ви?» – розплакався він.

Знесилившись від сліз, Асанчик заснув. Уночі йому приснилася мама – святково вбрана, аж ніби помолоділа, в руках вона тримала величезний коровай хліба, наближаючись з привітною посмішкою.

«Come here,» she said.

Asanchik approached her, and the woman noticed that lice were all over him.

«Wait there,» she pointed to a place nearby. «I'll be right back.»

She entered the house and returned after a while with a whole flat cake and several slices of stale bread.

Asanchik was very confused, not knowing what to do with that treasure.

‘Mom will be happy!’ he thought, hiding the flat cake in his bosom for her.

He headed back to his dugout almost running, gnawing a rusk on the move.

On his way back, Asanchik stumbled upon a group of children playing in the street.

When they saw the stranger, they shouted, «The beggar, the beggar!»

A boy with a stick in his hand rushed up to him and struck him on his back crying out, «Don't come here anymore! Don't come!»

Asanchik took to his heels at full speed. Children hooted and threw clods at him, but, fortunately, missed.

He did not find his mother in their dugout. She didn't return from the work at the end of the day. It was getting dark and darkness filled the boy's heart with anxiety.

ертолелерге кельгенлер олды, лякин онынъ анасы кельмеди. О зиядесинен ачыкъкъянындан, анасына къалдыргъан отъмек парчасыны ачып бакъты. Лякин ашамагъа джесарет этмеди. Чырмап ерине къойды да: «Анавы куню олгъаны киби, бельки кене отъмек кетирип етиштирамазлар», – деп тюшюнди о. Ертоледен чыкъып узакъларгъа бакъса да, анасыны коръмеди. Этрафкъа бакъына-бакъына, къаршыламагъа кетти. Юре-юре, канал оладжакъ эндекнинъ янына барып чыкъты. Лякин анда кимсе ёкъ эди.

Асанчыкъ кери къайткъанда, авлакъча ерде корюльген койнинъ эвлерине бакъып къалды. «Анам бельки анда кеткендир», – деп тюшюнди ве о тарафкъа адымламагъа башлады. Кой сокъагъы бою кеткенде, эвинден чыкъкъан бир къадын онынъ огюнден кечип, арыкъ кенарына бир шей тёккенини коръди. Шу ерге барып чонъкъайды да, ерге тёкюльген къартоп къабукъларыны ашамагъа башлады. Шу къадын артына айланып оны корьгенинен:

– Сен не япасынъ? Чёплюк ашалырмы? – деди озьбекче.

– Мен ач олдым, – деди Асанчыкъ, эшитилир-эшитильмез сеснен.

Къадын онынъ агъаргъан чырайыны ве азгъын эльчиклерини корип аджыса керек:

– Бу якъкъа кель, – деди.

Асанчыкъ онынъ янына баргъанынен, къадын, онынъ устюнде бир къач бит юрьгенини корип:

– Анавы ерге барып тур, – деп ёл кенарыны косътерди де, – мен шимди келирим, – деп эвине кет-

Асанчик во сне вскрикнул: «Мама!» и проснулся. Мамы не было. Вокруг царили пустота и темнота. Он заплакал и через некоторое время опять прилёг, надеясь, что снова увидит маму. Вскоре заснул.

* * *

Утром следующего дня слышались шаркающие шаги – кто-то шёл, волоча ноги. Асанчик подумал: «Может быть, это мама» – и уже собрался выйти на улицу. Но в землянку, упираясь на палку, спускался какой-то мужчина. Асанчик попятился и сел. Этот мужчина втиснулся вовнутрь и присел рядом с ним. Асанчик сразу же его узнал – это был отец мальчика и девочки, которые проживали в соседней землянке и постоянно выходили погреться на солнышке.

– Аллах сегодня забрал и мою дочь, оставив меня одного, – сказал смиренным голосом мужчина. Через некоторое время продолжил: – Твоя мать, бедняжка, тоже ушла. Хорошая была женщина, – сказал он.

Асанчик посмотрел на него с удивлением:

– Моя мама вернётся. И заберёт меня отсюда.

– Откуда придёт и куда заберёт? – сказал мужчина и покачал головой.

Асанчик с уверенностью продолжил:

– Когда я ночью спал, она подошла ко мне и сама сказала.

– Э... Э... Наверное, ты увидел это во сне? Во всяком случае, сейчас мы вдвоём остались одинокими. Я не могу ходить. Вот, смотри! – мужчина раз-

«Тепер ми відпочинемо, синку, я й для тебе приготувала місце», – сказала вона. Асанчик закричав уві сні – мамо, матусю! – й прокинувся. Але в землянці нікого не було, навкруги панувала мертва тиша. Він знову довго плакав, поки, зморений, не провалився у сон.

* * *

Вранці Асанчик почув, як хтось, шкутильгаючи, підступає до його землянки. «Може, це мама?» – зрадів він і метнувся до виходу. Але в землянку спушався якийсь чоловік, кульгаючи і спираючись на ціпок. Незваний гість зайшов, важко опустився на долівку. Асанчик упізнав його. Це був батько хлопчика й дівчинки, з якими він виходив погрітися на сонці. «Аллах сьогодні забрав у мене і дочку й залишив мене одного», – гірко проказав чоловік німечним голосом. «І твоя бідна мати пішла... Хороша була жінка», – додав він після паузи.

Асанчик з підозрою подивився на нього: «Моя мама прийде і забере мене звідси!»

– Звідки прийде і куди забере? – перепитав чоловік і похитав головою.

– Вона уночі приходила, коли я спав, і сама мені про це сказала, – упевнено мовив Асанчик.

– А-а, то вона тобі приснилася. В усякому разі, ми з тобою обоє осиротіли. Я не можу ходити – ось дивися, – сказав чоловік і показав на свої перемотані брудним ганчір'ям ноги.

Справді, його ноги були геть опухлі, ніби накачані рідиною. Здавалося, варто до них доторкнутися пальцем – вони проколються і з них потече вода.

– Вам боляче? – спитав співчутливо Асанчик.

He burst into tears, «Mom, Mom, where are you?»

Exhausted from crying, the boy fell asleep. Mom appeared to him in his dream that night. She was clean dressed as if looking younger. She held a huge loaf of bread in her hands.

«Now, we'll rest, son, I've prepared a place for you,» she said, approaching him with an affectionate smile.

«Mom, mom!» Asanchik cried and woke up. There was no one in the dugout. Dead silence reigned around. He cried for a long time again, until, tired, fell into sleep.

* * *

In the morning, Asanchyk heard someone limping toward his dugout.

‘Maybe, this is Mom?’ he thought in delight and rushed to the exit. It was a man, however. The uninvited guest descended limping and leaning on his stick. Once inside, he sank heavily to the floor. Asanchyk recognized him. He was the father of the boy and the girl from the neighbouring dugout who'd often come out to bask in the sun.

«Allah took away my daughter today and left me alone,» the man said in a feeble voice. «Your poor mother is gone either. She was a good woman,» he added after a pause.

Asanchik looked at him suspiciously, «My mother will come and take me away from here!»

«Where will she come from and where will she take you to?» the man asked, and shook his head.

«She came at night when I was sleeping and told me,» Asanchik said confidently.

ти. Асанчыкъ, къадын айткъан ерге барып, беклеп турды. Чокъкъа бармадан, къадын онъа бир бутюн пите, бир къач дане де отъмек парчасы кетирип берди. Асанчыкъ къуванчындан не япаджагъыны бильмейип, отъмек парчаларыны ашай-ашай къайтты. О: «Бельки анам энди къайткъандыр», – деп тюшюнди ве бутюн питени онъа бермек ичюн, къойнуна къыстырды. Койнинъ сонъки эвининъ янашасында челик ойнагъан балалар оны корьгенлеринен: «Тиленджи, тиленджи...», – деп багъырмагъа башладылар. Элинде таягъы олгъан бала ювурьп барды да, Асанчыкънынъ аркъасына бир таякъ тюшюрди ве: «Бир даа мында кельме!» – деди. Асанчыкъ, кучю еткенине коре ювурьп къачмагъа башлады. Балалар онынъ артыннан таш атсалар да, тийдирип оламадылар.

Ертоледе Асанчыкънынъ анасы ёкъ эди. Акъшамнынъ къаранлыгъында да кельмеди. Онынъ юреги ташкъынланды ве: «Аначыгъы... ым, аначыгъым къайда... а?» – деп агъламагъа башлады. Къаранлыкъ ертоле ичерисинде баягъы вакъыт агълап отургъан сонъ, ерге тешельген тобан устюнде юкълап къалды. Гедже, тюшюне анасы кельди. Темиз-пак кийинген, чырайы яшаргъан. Элинде балабан бир тегерек отъмек тутып, хош тебессюмнен онъа якъынлаша да: «Энди раат олурмыз, огълум, мен санъа да мекян азырладым», – дей. Асанчыкъ юкъю арасында: «Анам!» – деп багъырды ве уянып бель устюне котерильди. Лякин анасы ёкъ эди. Орталыкъта тынч лошлукъ укюм сюрмекте эди. О кене агъламагъа башлады ве бираздан сонъ, бельки

вернул тряпки и показал свои ноги. Они так опухли, как будто бы их насосом накачали водой. Асанчик сочувственно спросил:

– Болят?

– Когда ходишь, очень болят, – ответил мужчина. – Знаешь что? Чем ты здесь, а я там – живём в одиночку, лучше переходи в мою землянку, будем жить вместе.

– Нет, если вернётся мама, то она меня не найдёт.

– Твоя мама ушла очень далеко. Её теперь можно и не ждать. Тебе и мне от государства выделяют по двести граммов хлеба. У меня нет возможности пойти и получить этот хлеб. Ты бы из магазина приносил хлеб... У тебя есть деньги?

– Нет.

– Вот видишь? Ты даже не сможешь получить свой хлеб. Будем покупать, пока не закончатся мои деньги. А потом Аллах предопределит нашу дальнейшую судьбу.

Асанчик согласился перейти к соседу. Его землянка по сравнению с землянкой Асанчика была глубже и длиннее. Даже головы взрослых не задевали потолок.

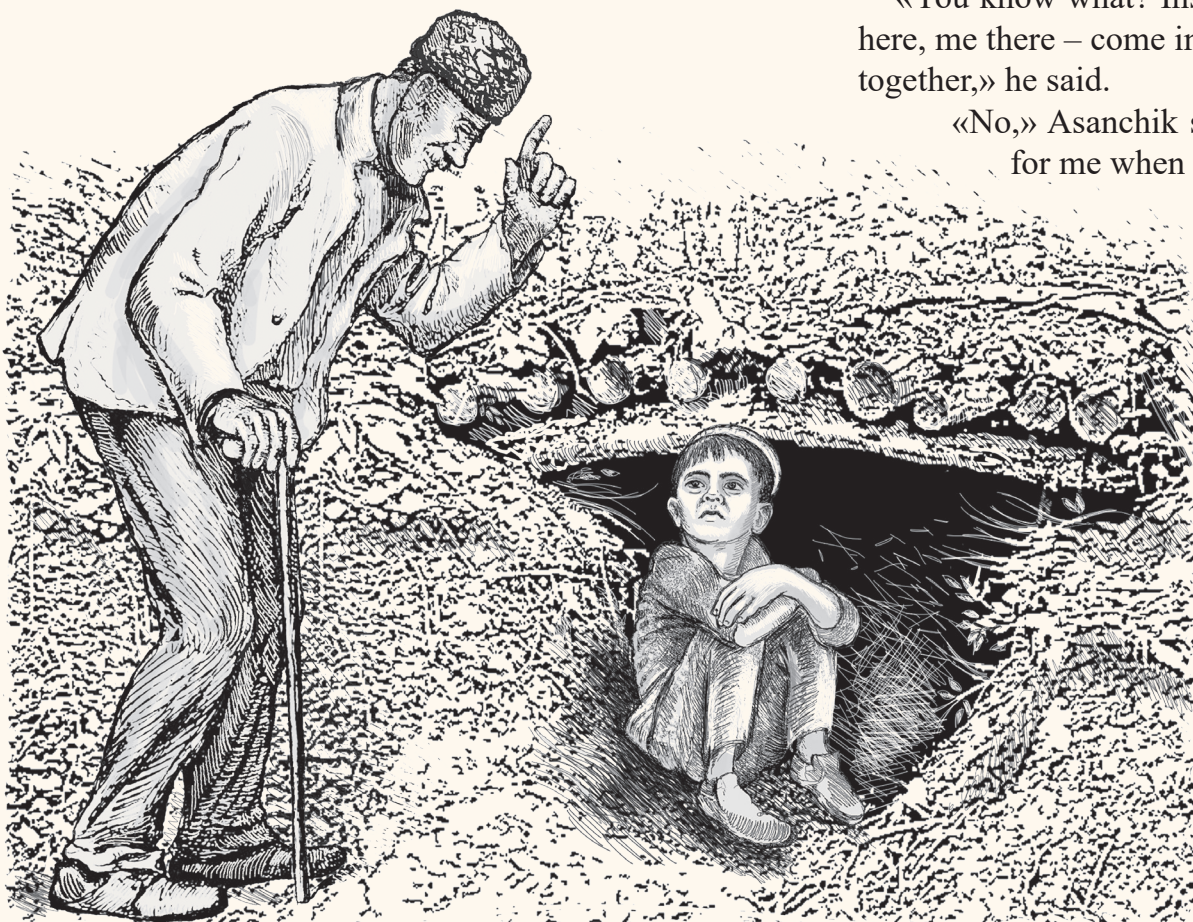
На следующий день сосед попросил Асанчика:

– На тебе деньги, крепко сожми их в ладони. Смотри, не потеряй. В магазине отдашь деньги и скажешь: «Дайте хлеб на Асана Эмирусеинова и Сервера Халилова». Тебя отметят в списке, взвесят хлеб и отдадут его тебе. Скажи, чтобы продавец наши с тобой доли взвесил отдельно, – наставлял Сервер акай.

– Поболює. Не дуже сильно, але коли ходиш – болить, – сказав чоловік, перемотуючи ногу. – Знаєш що, замість того, щоб отак: ти тут, я там, переходи до мене в землянку, будемо жити разом.

– Ні, – сказав Асанчик, – мама прийде і мене шукатиме.

– Твоя мама пішла дуже далеко, можеш її вже не чекати... Тобі й мені держава дає по 200 грамів хлі-

«Uh ... uh ... Saw this in your dream? Anyway, both of us lost our families. I cannot walk – look,» the man unbound the dirty rags and showed his legs.

Indeed, his legs were completely swollen, as if pumped with some liquid.

«Are you in pain?» Asanchik asked sympathetically.

«They ache very much when I walk,» the man said, changing a bandage on his leg.

«You know what? Instead of staying alone – you here, me there – come into my dugout and we'll live together,» he said.

«No,» Asanchik said. «Mom will be looking for me when she comes.»

«Your mother has gone very far away. You cannot wait for her. The state gives you and me 200 grams of bread. I can't walk and get this bread, but you could bring our rations from the store. Do you have money?»

«No, I haven't,» Asanchik said.

«That's the point,» the man said. «We'll have bread as long as I have money. Allah will send us something else when we run out of it.»

Asanchik did not want

анамы текрар корерим деп ятты ве чокъкъа бармай юкълап къалды.

* * *

Экинджи куню сабадан, ертоле огюне бириси аякъларыны сюйреклеп кельгени эшитильди. Асанчыкъ: «Бельки анамдыр...» – деп тюшонди ве тышары чыкъаджакъ олды. Лякин эки элиндеки таякъларгъа таяна берип, бир акъай ертолеге тюшмекте эди. Асанчыкъ кери къайтып отурды. Шу акъай да ичери сокъулып, онынъ янына чёкти. Асанчыкъ оны таныды. О, дёртюджи ертоледе яшагъан, даима кунеште къызынмагъа чыкъкъан огълан ве къызчыкънынъ бабасы эди.

– Алла бугунъ къызымы да алып, мени янъгъыз къалдырды, – деди шу акъай, мазлумланып. Бираздан исе: – Заваллы ананъ да кетти. Яхшы къадын эди, – деп иляве этти.

Асанчыкъ онъа айретнен бакъып:

– Меним анам келеджек. Мени мындан алып кетеджек, – деди.

– Къайдан келеджек де, къайда алып кетеджек? – деп шу адам башыны саллады.

– Гедже мен юкълагъанда озю келип айтты, – деди Асанчыкъ эминликнен.

– А... А... Тюшонъе кельдими? Эр алда шимди экимиз де янъгъыз къалдыкъ. Мен юрип оламайым. Мына, бакъ! – деп адам сарувлы чулларны дагъытып, аякъларыны косътерди. Акъикъатен, эки аягъына да насоснен сув толдурулгъан киби шишкен эдилер. Санки пармакънен тийсенъ, тешиледжек де, фышкъырып кетеджек киби эди. Асанчыкъ айретленип:

Асанчик впервые в жизни посетил магазин, где купил два куска хлеба. Перед прилавком, правда, сомневался: «Дадут ли?» Но хлеб ему дали, чему он был очень рад. Один из кусков он отдал Сервер акаю. Но тот засомневался:

– Дай-ка, посмотрю, они оба одинаковы? – взяв куски хлеба и взвесив их на ладонях, сказал: – В них нет по двести граммов. Наверное, маленькие кусочки ты съел по дороге!

– Кусочков не было. Я ничего не ел, – начал оправдываться Асанчик.

– Таких хитрецов я видел много. Меня не проведёшь. Кусок, которого не хватает в моём хлебе, я заберу у тебя, – сказал Сервер акай и, отломив полкуса, возвратил остальное Асанчику. Мальчик хотя и очень огорчился из-за такой несправедливости, ничего не сказал. Но как только взял хлеб, сразу же направился в свою землянку.

– Что, обиделся, да? Подойди, верну твой хлеб. Если хочешь – и из своего добавлю, – закричал вслед Сервер акай. Но Асанчик, будто не слыша его, не оборачиваясь, напрямик пошёл в свою землянку.

На следующий день, прихрамывая, Сервер акай снова пришёл к Асанчику и мягким голосом сказал:

– Ты зря на меня обиделся. В том, что эти куски были меньше двухсот граммов, может быть, твоей вины и нет. Потому что все продавцы считаются живущими за счёт других людей, и они не порядочны. Ты меня прости за то, что я тебя обвинил! То, что я у тебя отломил, я обязательно верну.

В этот момент он заметил, что Асанчик ест не хлеб, а лепёшку. Он спросил:

ба. Я не можу ходити і забирати цей хліб, а ти міг би приносити наші пайки з лавки. У тебе є гроші?

– Нема.

– От бачиш, – сказав чоловік, – поки у мене є гроші – будемо з хлібом, а як закінчаться – Аллах пошле нам ще що-небудь.

Асанчик не хотів залишати свою землянку, але зрозумівши, що так у нього буде хоч якийсь харч, погодився перейти до сусіда.

Порівняно із землянкою Асанчика ця була трохи довша і глибша. Доросла людина тут могла вільно стояти, не нагинаючись.

– Ось візьми ці гроші, добре затисни у жмені, щоб не загубити! Підеш у лавку, скажеш, дайте хліба Асану Емірусейнову і Серверу Халілову, й віддаси їм гроші. Вони відмітять тебе у списку й відважать хліба. Тільки дивися, щоб продавець наші пайки зважив окремо, – напучував Сервер акай⁽⁶⁾.

Уперше в житті Асанчик ішов щось купувати. Він сумнівався: чи дадуть йому хліб? Але коли вже повертався, крокував з гордістю, радіючи, що виконав таке відповідальне доручення.

Один окраєць він простягнув дядькові Серверу. Але той сказав з підозрою: «Дай-но свій теж, я подивлюся, чи вони однакові?» Він взяв пайки до рук, ніби зважуючи їх. «Тут нема по 200 грамів, ти, мабуть, шматочки, які додали, з'їв по дорозі?» «Шматочків не було, – ображено сказав хлопчик, – я нічого не їв!» «Таких хитрунів, як ти, я багато бачив, ти не зможеш мене провести! Шматок, якого

to leave his dugout, but realizing that staying with that man he would have at least some food, he agreed to go to the neighbour.

The dugout where the man lived was a bit longer and deeper than that in which Asanchik had lived. An adult could stand there upright, without bending.

«Here, take this money, hold it tight in your hand, not to lose it! Go to the store and say, 'Give bread to Asan Emirusseinov and to Server Khalilov.' Give them money. They will mark you on their list and weigh you out some bread. Make sure that the seller would weigh our rations separately,» Server aga^(15*) admonished.

Asanchik was going to buy something for the first time in his life. He doubted whether they give him bread at all. Coming back, however, he walked proudly, rejoicing that he had fulfilled such a responsible task.

He passed one piece of bread to Server.

«Give me your own, too. I'll see if they are the same,» Server aga said suspiciously. He took the bread rations in his hands as if weighing them. «There aren't 200 grams here. It looks like, you've eaten makeweights on your way back?»

«There were no makeweights,» the boy said resentfully. «I did not eat anything!»

«I've seen many slyboots like you. You can't deceive me! I will take a piece that is missing from your ration,» Server aga said and, having broken Asanchik's piece of bread, he took almost half of it for himself.

Asanchik almost burst into tears from such injustice, but he did not utter a word. Taking his bread, he went to his dugout.

«What, are you offended?» Server aga shouted after

– Агъыртамы? – деп онынъ юзюне бакъты.
– Сызлагъан агърысы олмаса да, устюне басып юрьгенде агъыра эбет, – деди адам аягъына чулларны сарып, – Билесинъми не? Сен мында, мен анда янгъыыз яшагъанджек, меним ертолеме авуш да, экимиз берабер отурырмыз, – деп иляве этти.

– Ёкъ. Анам кельсе мени тапамаз.

– Сенинъ ананъ пек узакъкъа кетти. Оны беклемесенъ де олур. Санъа да, манъа да девлет тарафындан экишер юзь грамм отъмек тайини бар. Оны барып алмагъа меним чарем ёкъ. Ич олмагъанда, отъмеклеримизни тюкяндан сен кетирир эдинъ. Сенде акъча бармы?

– Ёкъ.

– Ана коръдинъми? Сен озъ отъмегинъни аламайджакъ экенсинъ. Меним акъчам биткенджек алайыкъ, сонъ Алла бир кысмет даа берир.

Асанчыкъ озюнинъ ертолесини ташлап кетмеге истемесе де, отъмек алмагъа имкяны оладжагъы ичюн, къомшусына авушмагъа разы олды. Онынъ ертолеси Асанчыкънынъкисине коре терендже ве узунджа эди. Буюк адамларнынъ башлары биле тѣпесине тиймей эди.

– Мына бу акъчаны авучынъда сыкъып тут да, джойма. Тюкянгъа барып: «Асан Эмирусеиновнен Сервер Халиловгъа отъмек беринъиз, – деп акъчаны оларгъа берсенъ, джедвельге къайд этип, отъмекни чекип берирлер. Лякин сатыджы, экимизнинъ иссе-мизни айры-айры чексин, – деди Сервер акъай.

Асанчыкъ омюринде ильки дефа тюкянгъа барып, экишер юзь граммдан отъмек кетирди. Кет-

– А где ты взял эту лепёшку?

– В селе. Мне дала её одна женщина, узбечка.

– А почему она её тебе дала?

– Не знаю.

– Наверное, пожалела тебя. Знаешь что? Ты переходи в мою землянку. Я тебя научу, какие нужно говорить слова. Ты пойдёшь в село, постучишь в двери, вызовешь хозяев и скажешь выученные слова. Тебе и лепёшки дадут, и многое другое. Мы заживём по-настоящему, – сказал Сервер акай.

Асанчик, хотя ничего и не ответил, но его сердитый взгляд исподлобья был красноречивее слов.

– Может быть, пойдёшь и принесёшь наш сегодняшний хлеб, – сказал просящим голосом Сервер акай. Асанчик посмотрел на него косо и ответил:

– Нет! – Но через некоторое время добавил: – Из магазина вынесу, но со мной пойдёте и вы, я сразу же передам хлеб вам.

– Если бы я мог пойти туда, то не стал бы поручать тебе, – сказал Сервер акай.

– Тогда поручите кому-нибудь другому.

– Сейчас нет таких людей, которым можно было бы доверять. Все голодают. Обязательно часть проглотят. У тебя совсем нет денег. И свой хлеб ты никак не получишь.

Асанчик подумал и об этом, но обида за клевету не давала покоя. Он промолчал.

Сервер акай сказал:

– Тогда я попрошу кого-нибудь другого, – и потихонечку вышел.

Асанчик всё размышлял, как можно получить

не вистачає у моїй пайці, я візьму з твоєї» – заявив Сервер акай і, переламавши окраєць Асана, майже половину забрав собі.

Асанчик ледь не заплакав від такої несправедливості, але не зронив більше ні слова. Забравши свій хліб, він пішов до себе в землянку.

– Що, образився? – загукав йому вслід Сервер акай. – Повернись, я віддам тобі твій хліб. Якщо хочеш – від свого тобі відламаю.

Але Асанчик, ніби не чуючи його слів, навіть не озирнувся.

Наступного дня дядько Сервер знову пришкандибав до землянки Асанчика і заговорив примирливим голосом: «Даремно ти на мене образився. Може, й немає твоєї вини, що там не було по 200 грамів, бо усі продавці ненаситні, вони тільки й живуть за рахунок інших. Вибач, що я тебе звинуватив. Я обов'язково поверну тобі те, що тоді відламав», – сказав він. І раптом втупився голодним поглядом у шматок коржа в руках Асанчика.

– Де ти його взяв? – спитав здивовано Сервер.

– У селі, – відповів Асанчик, – мені дала одна узбецька тьотя.

– А чому вона тобі його дала?

– Не знаю.

– Вона, напевне, тебе пожаліла. Знаєш що, ти переходи до мене в землянку, я тебе навчу, які слова треба казати. Ти підеш у село, постукаєш у двері, і коли вийдуть господарі, скажеш їм те, що я тебе навчу. Тобі дадуть і коржі, і, може, й ще щось, ми тоді з тобою гарно заживемо! – повчав Сервер акай.

him. «Come back, I'll give you your bread. I'll break a piece off my own ration for you if you want.»

Asanchik, however, didn't even look back, as if not hearing his words.

The next day, Server aga came to Asanchik's dugout again and talked to him in a conciliatory voice, «You're offended at me in vain. Maybe, it is not your fault that there weren't 200 grams in each piece. All the sellers are insatiable. They live at the expense of others. I'm sorry I blamed you. I'll definitely return to you what I've taken then,» he said. Suddenly his hungry look spotted a piece of a flat cake in Asanchik's hands.

«Where did you take it?» Server aga asked in astonishment.

«In the village,» Asanchik answered. «An Uzbek woman gave it to me.»

«Why did she give it to you?»

«I don't know.»

«She probably took pity on you. You know what? Come to my dugout. I'll teach you what words to say.

You'll go to the village, knock on the doors, and when the owners come out, you'll tell them what I teach you. They'll give you flat cakes, and, maybe, something else. We'll live well then!» Server aga taught.

Although Asanchik was looking sullenly at his neighbour and kept silence, it seemed as if he did not mind.

«Will you go to get our rations today?» Server aga asked in a gentle voice.

Asanchik squinted at him.

«No!» he retorted. Then, after some pondering, he added, «I'll take the rations, but you go with me too, and I'll immediately give yours to you.»

кенде: «Берир экенлерми?» – деп шубеленсе де, къайткъанда, бир ишни беджергенине баягъы гъурланды. О, бир элиндеки отъмекни Сервер акъайгъа берди. Лякин о шубеленип:

– Берчи бакъайым, экиси де бирми? – деп Сервер акъай отъмек парчаларыны эки элине алды да, эллерини теразе киби ашагъы-юкъары арекет эттирип, – буларда экишер юз грамм ёкъ. Парчаларыны ёлда ашагъандырсынъ, – деди.

– Парчалары ёкъ эди. Мен ич бир шей ашамадым, – деп Асанчыкъ озюни акълайджакъ олды.

– Сендайын айнеджилерни мен чокъ корьдим. Мени алдатамасынъ. Менимкине етмеген парчасыны, сенинъкинден аладжагъым, – деп Сервер акъай, дигер кесекнинъ ярысыны даа къопарып, озюне алды. Асанчыкъ бу адалетсизликке пек ынджынса да, ич бир шей айтмады. Лякин отъмегини элине алгъанынен, озюнинъ ертолесине кетти. Сервер акъай онынъ артындан багъырып:

– Не, джанынъ агъырдымы? Кель, отъмегинъни къайтарып беририм. Истесенъ, озюмнинъкинден де къопарып къошарым, – деди. Лякин Асанчыкъ онынъ сёзлерини эшитмеген киби, артына бакъмайып, догъру озюнинъ ертолесине барып кирди.

Экинджи куню Сервер акъай топал-сапал, Асанчыкънынъ ертолесине барып, йымшакъ сеснен:

– Манъа сенинъ джанынъ нафиле агъырды. Отъмек кесеклерининъ экишер юз грамм кельмегинде бельки сенинъ къабаатынъ ёкътырдыр. Чюнки тюкянджылар эписи, башкъа инсанларнынъ эсабына яшагъан арамамакълар сайылалар. Къабаатны санъа къалдыргъаным ичюн афу эт! Сенинъ-

хлеб, который ему полагался. Он освободил от соломы мешок, что служил за подушку, свернул его и отправился в магазин. Протянул мешок продавцу и сказал:

– У меня денег нет, за это дайте мне хлеба.

Продавщица посмотрела на него с удивлением. Потом, приоткрыв сзади дверь, позвала кого-то. Из комнаты вышел здоровенный узбек. После того, как продавщица объяснила ситуацию, мужчина сказал: «Дай! Я из управления принесу деньги, которые заработала его мать», – и ушёл в комнату. Продавщица вернула мешок и сказала:

– Забери это. Ты приходи каждый день и получай свой хлеб.

* * *

Зима 1944 года по сравнению с другими годами пришла раньше и была очень холодной. К мучениям Кашкачика прибавилось ещё больше трудностей. Места, куда люди высыпали мусор, засыпало снегом. Чтобы найти что-то поесть, приходилось много ходить. В некоторые дни он вообще ничего не мог найти.

* * *

Асанчик оставшимися от матери платьями закрыл то место, которое называлось дверью, закрепив их щепками. Поверх своей одежды надел вещи, которые остались от умерших. Когда спал ночью, половину тряпья стелил снизу, другую же половину покрывал сверху одеяла. Даже днём, чтобы не замёрзнуть, очень часто лежал в таком положении.

Хоча Асанчик недоброзичливо поглядав з-під лоба на свого сусіда й уперто мовчав, здавалося, що він ніби й не проти.

– Ти сьогодні сходиш за нашими пайками? – запитав Сервер акай лагідним голосом.

Асанчик скося глянув на нього. «Ні!» – відрізав хлопчик. І трохи подумавши, додав: «Я візьму пайки, але ви теж зі мною підете і я відразу ж віддам ваш».

– Якби ж я міг сам туди дійти, то тебе й не просив би.

– Тоді просить когось іншого.

– Зараз нема надійних людей, всі голодні, і обов'язково хоч трохи відламають й відразу проковтнуть. У тебе все одно нема грошей. Ти не зможеш взяти свій хліб.

Асанчик теж про це подумав, але його ще пекла образа. Він затято мовчав. «Тоді я піду шукати когось іншого», – сказав Сервер акай і, кульгаючи, важко вибрався із землянки.

Асанчик ламав голову: як же отримати свою пайку хліба? Одного разу він висипав солону з мішка, що правив за подушку, і пішов у лавку. Простягнув продавчині мішок: «У мене немає грошей, можна за це взяти хліба?». Жінка подивилася на нього розгублено, не знаючи, що й сказати. Прочинила двері і когось покликала. Вийшов огрядний узбек. Жінка пошепки щось йому пояснила. «Давай, – сказав чоловік, – я заберу з контори гроші, які заробила його мати» – і пішов у свою кімнату.

«If I only could walk there myself, I wouldn't ask you,» Server aga said.

«Then ask someone else,» Asanchik answered.

«There are no reliable people now, all are hungry. They'll pinch off, no doubt, at least a little and swallow it immediately. Anyway, you have no money. You won't be able to get your bread.»

Asanchik thought about that too, but the offence was still burning his soul. He kept stubbornly silent.

«I'll look for someone else then,» Server aga said and got out of the dugout heavily limping.

Asanchik was racking his brain over how to get his ration of bread. Once, he'd emptied a straw-filled sack that served him a pillow, went to the store, and stretched the bag to a seller.

«I have no money; can you give me some bread in exchange for it?»

The woman looked at him at a loss, not knowing what to say. Then, she opened a door and called someone. A stout Uzbek man came out. The woman whispered something to him.

«Give him. I'll take the money, his mother earned, from the office,» the man said and went back to his room.

The saleswoman gave the sack back to Asanchik saying, «Take it. It's not necessary. You come every day, and I'll give you bread.»

* * *

The winter of 1944 was early and very cold. It also added to Kashkachik's sufferings. A thick layer of snow had covered places where garbage was thrown. It took

кинден кьопарып алгъан отьмегинъни илле кьайтарырым, — деди. О, бу арада, Асанчыкъ отьмек дегиль де, пите ашагъаныны эслеп:

– Я бу питени кьайдан алдынъ? – деп сорады.

– Койден. Бир озьбек кьадыны берди.

– Я оны санъа ни чюн берди?

– Бильмейим.

– Сени аджыса керек. Билесинъми не? Сен меним ертолеме авуш. Мен санъа, насыл сьзлер айтмакъ керек олгъаныны огретирим. Сен койге барып, кьапыларны кьакъаракъ саиплери ни чыкъарысынъ да, огренген сьзлеринъни айтысынъ. Санъа

пите де берирлер, башкьа шейлер де. Биз яхшы яшап кетермиз, – деп огютледи Сервер акъай.

Асанчыкъ ич бир шей айтмаса да, онынъ манълай тьубюнден ачувлы бакъышы, кьомшусынен разы олмагъаныны анълата эди.

Барып бугунъки отьмеклеримизни кетирирсинъ-

Когда до Нового года осталось три дня, Асанчику отказали в получении хлеба. Оказывается, деньги, заработанные его мамой, закончились. Теперь найти что-нибудь поесть стало гораздо сложнее. Он вспомнил, что Сервер акай обещал деньги на хлеб. Но неделю назад и он скончался. Положение людей,

Продавчиня повернула Асанчику мішок зі словами: «Не треба цього, ти щодня приходи і я даматиму тобі хліб».

* * *

Зима 1944 року була ранньою і дуже холодною. До страждань Кашкачика додалося ще й це. Місяця, де викидали сміття, завалило снігом. Щоб натрапити на щось їстівне, потрібно було затратити дуже багато часу й зусиль. А бували дні, коли він взагалі нічого не знаходив.

* * *

Асанчик сукнями, які залишилися від матері, завісив отвір, що вважався дверима, і закріпив їх трісками. Уночі половину лахміття він стелив під себе, а рештою укривався. Щоб не замерзнути, робив так і вдень.

За три дні до Нового року Асанчику перестали давати пайок – у лавці заявили, що зароблені матір'ю гроші вже скінчилися. Він згадав, що дядько Сервер обіцяв давати йому гроші на хліб, але тиждень тому помер і він.

Асанчик впорожні повернувся з лавки до своєї землянки. «Може, хоч уві сні побачу, що я щось їм», – подумав хлопчик і ліг спати. Але муки голоду довго не давали заснути. «Якби тепер було літо, я поїв би хоч негіркої трави або листя», – думав Асанчик. А що їстівного можна знайти взимку?

Удень, закутавшись у все своє шмаття, схожий

a lot of time and effort for him to find something edible. There were days when he didn't find anything to eat at all.

* * *

Asanchik covered the entrance hole to his dugout by one of the dresses that remained from his mother fastening it by wooden slivers. At nights he spread half of the rags under him and covered himself by the rest of them. To keep warm, he did so by day too.

Three days before the New Year, the store sellers stopped giving Asanchik his rations. They said that the money earned by his mother had already run out. He remembered then that Server aga had promised to give him money for bread. It turned out, however, that Server aga had died in the previous week. Asanchik returned empty-handed from the store to his dugout.

'Maybe, I'll see, I am eating something in my dream,' the boy thought and tried to sleep. The hunger pangs, however, did not allow him to fall asleep.

'If it were summer now, I would have eaten at least some grass or leaves, but what edible can you find in winter?' Asanchik thought.

On December 30, Asanchik got out to search for food, wrapped up in all his rags from head to toe. He knew well that it was useless to look for something edible among the half-extinct frozen dugouts. Therefore, he decided to go to the village where a compassionate woman had once given him a flat cake, and ask her for a piece of bread again. He, however, hadn't overcome even half the way, when a terrible stomach ache bent him. He groaned, doubled over, and stood there for a

ми? – деп сорады Сервер акъай муляйим сеснен. Асанчыкъ онъа кыйыш-кыйыш бакъты да:

– Ёкъ! – деди. Бираздан сонъ исе: – Тюкяндан алып чыкъарым ама, меннен сиз де кетсенъиз, элинъизге туттыра къоярым, – деди онынъ отъмегине козь тикмегенини бильдирмек ичюн.

– Анда бармагъа чарем олса, санъа авале этип отурмаз эдим, – деди Сервер акъай.

– Айса, башкъа кишиге авале этинъиз.

Шимди ишангъандай киши ёкъ. Эр кес ач. Илле тежараныны ялмап ютарлар. Сенинъ эп бир акъчанъ ёкъ. Отъмегимни алам, деп айтаджакъсынъ.

Асанчыкъ бу тарафыны да тюшюнди ама, ифти-рагъа ынджынувы юрегине ургъан эди. О, индеме-ди. Сервер акъай: – Айса барып башкъа биревге ай-тайым», – деп яваш-яваш чыкъып кетти. Асанчыкъ исе, отъмек иссесини насыл ёлнен алмакъны тюшю-нип къалды. Бираздан, ястыкъ ерине къуллангъан, тобан толу чувалны бошатып къаталакълады да, къолтугъына къысып, тюкянгъа кетти. Сатыджыгъа чувалны узатып:

– Менде акъча ёкъ, мына бунъа меним отъмегими беринъиз, – деди. Сатыджы къадын онъа айретнен бакъаракъ, шашып къалды. Сонъ, артындаки къа-пыны аралыкъ этип, бирисини чагъырды. Андан бир мазаллы озбек чыкъты. Сатыджы къадын онъа явашчыкътан меселени анълаткъан сонъ, о киши: «Бер! Мен идареден, анасы къазангъан параны алып келирим», – деди де, чыкъкъан одасына кирип кет-ти. Сатыджы къадын чувалны къайтарып берди ве:

– Бу керекмей. Сен эр кунъ кель, отъмегинъни бе-ририм, – деди.

живших в других землянках, тоже было очень тя-жёлым.

Возвратившись из магазина без хлеба, Асанчик, несмотря на то, что ему уже надоело спать, зашёл в землянку. Он решил, что, может быть, во сне уви-дит, как что-то ест, и лёг опять. Но мучительный го-лод не давал заснуть. «Если бы сейчас было лето, то поел бы траву или листья деревьев. Но что съедоб-ного можно найти зимой?», – подумал он.

Тридцатого декабря, замотавшись тряпьем с го-ловы до ног, мальчик пошёл искать что-нибудь съе-добное.

Зная, что поблизости ничего найти не удастся, он намеревался добраться до села и у женщины, которая когда-то дала ему лепёшку, попросить ещё немного хлеба. Но Асанчик не преодолел и поло-вины пути, как в животе начались такие боли, что, согнувшись в три погибели, он вынужден был оста-новиться. В таком положении простоял довольно долго, пока боль не утихла.

Продолжить путь он не решился. Вернулся в свою землянку, опустился на пол и заплакал. «Мама... Мамочка», – шептал он, заливаясь слезами. Так в слезах и заснул. Когда проснулся, на улице было уже темно и очень холодно. Накрылся одеялом с го-ловой. Немного согревшись, заснул опять.

* * *

На следующий день, 31 декабря, Асанчик про-снулся от нестерпимой боли в животе. Он так хотел есть, что уже просто не мог терпеть. «Что же де-лать, смогу ли я дойти до села?» – подумал он.

на городнє опудало, Асанчик вибрався на пошуки їжі. Знаючи, що серед наполовину вимерлих промерзлих землянок шукати щось марно, він вирішив сходити у село, де жаліслива жінка колись дала йому коржа, і ще попросити у неї хліба. Але не здолавши й половини шляху, знесилений хлопчик мало не звалився – так раптом сильно заболів живіт. Він застогнав, зігнувся у три погібелі, залякнувши від різкого болю. Біль згодом трохи відпустив, Асанчик оговтався, але йти далі вже не наважився. Ледве переставляючи ноги, він повернувся у землянку і зайшовся плачем, кличучи неньку на допомогу: «Анам, аначигим, кайдасин?»⁽⁷⁾ Згорнувшись від болю й холоду клубочком під лахміттям, забувся у рятівному сні...

* * *

Наступного дня, а це вже було 31 грудня, Асанчик пробудився від нестерпного болю в животі. Так хотілося їсти, що аж все пливло перед очима. «Що ж робити, чи зможу я дійти до села?» – думав він.

Терзаючись сумнівами, вирішив, що порятунку більше шукати ніде, й знову зібрався в дорогу. Провалюючись у глибокий сніг, він брів навмання в бік села, повертаючись проти вітру то обличчям, то спиною.

Коли Асанчик зблизька побачив сільські будинки, у нього всередині, здалося, аж потеплішало. Пригадав, як колись на нього напали тут місцеві хлопчачки, але заспокоїв себе тим, що за такої негоди вони навіть носа не покажуть з теплих домівок.

long time until the pain eventually let go a little. The exhausted boy didn't dare to go any further.

Hardly moving his legs, he returned into his dugout and burst into tears calling his mother for help, «Anam anacigim qaidasin?»⁽¹⁶⁾

Curled of pain and cold under the rags, he lost himself in a relieving dream.

* * *

The next day, the hunger pushed him out of the dugout again and forced him going to the village.

‘What shall I do? Am I able to get to the village at all?’ Asanchik thought.

Full of doubts, he decided, however, that his salvation was nowhere else, but in that village. He trudged towards it falling into deep snow, turning against the wind with his face and his back. It was a long and weary way.

Asanchik seemed to feel warm inside on seeing the houses of the village within arm's reach. He remembered as the local boys had once attacked him there, but he reassured himself that they wouldn't dare to show their noses from their warm houses in such weather.

Asanchik came up to the familiar door, but there was a big black lock hanging on it. He tried to enter another gate, but it was closed and covered with ice. Knowing that he wouldn't be able to knock loud enough with his weak, frozen hands, Asanchik walked down the street in the hope to meet someone. And indeed, he saw a woman approaching him through a blizzard.

When there were several steps left between them,

* * *

1944 сенесининъ кышы, башкъа йылларнынъ-кине бакъкъанда, эм эрте кельди, эм сувукъ олды. Къашкъачыкънынъ азапларына даа зияде кыйынлыкъ къошулды. Чёплюк тёкюльген ерлерни къар орытти. Чайнамагъа мумкюн олгъан киби бир шейни тапмакъ ичюн, чокъ вакъыт кыдырмакъ керек ола эди. Базы кунълери исе, ич бир шей тапып оламай эди.

* * *

Асанчыкъ, анасындан къалгъан антерлерден эки данесини, къапы сайылгъан арагъа, чырпы парчаларынен мыхлагъан киби пекитип къойды. Озюнинъ урбалары устюнден, мевталардан къалгъан кийимлерни де кийди. Гедже юкълагъанда, яз бою топлагъан чул-чубурнынъ ярысыны тубюне тёшей, ярысыны да ёргъаннынъ устюнден къапата эди. Кундюзлери биле, ушюмемек ичюн, чокъусы вакъыт ойле ята эди. Янъы йылгъа учъ кунъ къалгъанда, онъа отъмек иссесини берювни ред эттилер. Анасы къазангъан пара биткен экен. Энди ашамагъа бир шей тапув, даа зияде кыйынлашты. О, Сервер акъай отъмек акъчасыны бермеге ишандыргъаныны хатырлады. Лякин бир афта эвельси о да вефат эткен эди. Дигер ертолелерде яшагъанларнынъ вазиятлери де агъырдан агъыр эди.

Тюкяндан бош къайткъан Асанчыкъ, юкъудан безгенине бакъмадан, ертолесине кирип: «Бельки тюшюмде бир шей ашагъанымы корерим», – деп кене юкъламагъа ятты. Лякин ачлыкъ азабы юкъу бермеди. «Шимди яз олгъан олса, аджджы олмагъан отлардан, я да терек япракъларындан ашар эдим.

Асанчик долго сомневался, но поскольку другого выхода не было, он снова решил идти в село. Проваливаясь в глубоком снегу, долго шёл против ветра, и как только увидел дома села, от сердца отлегло. Он вспомнил, как летом здесь на него налетели сельские дети. Но то, что они в такой холод ни за что не выйдут на улицу, его немного успокоило.

Асанчик подошёл к знакомой двери, но она была на замке. Другие двери тоже были заперты. Стучаться? Но стук будет настолько слабый, что в дальних комнатах его всё равно никто не услышит. Поплёлся вдоль улицы дальше, надеясь, что кого-нибудь встретит.

В его сторону шла женщина. Она приближалась. Когда между ними осталось несколько шагов, Асанчик, чтобы привлечь внимание женщины, остановился и тихо попросил:

– Дайте мне немного хлеба.

– Что ты сказал? – переспросила женщина.

– Попросил хлебушка, – стесняясь, ответил мальчик.

– Ой, бедняга... Мои дети тоже сидят голодными. Я пошла в надежде, что для них найду что-то поесть. Как видишь, возвращаюсь без ничего, – и женщина показала пустые руки. Затем продолжила. – Некоторые отмечают праздник, хорошо поев и выпив, другие же Новый год встретят голодными. Вон, в том высоком доме готовятся к празднику. – И добавила: – Если попросишь у них, может быть, и дадут.

Підійшов до знайомих дверей – та на них вже висів великий чорний замок. Спробував зайти в інші ворота, але вони теж були зачинені ще й покриті крижаною кіркою. Знаючи, що своїми слабкими змерзлими рученятами він все одно не достукається у ті двері, Асанчик побрів вулицею, сподіваючись кого-небудь зустріти. І справді, серед завірюхи раптом побачив, що до нього наближається якась жінка. Коли між ними залишилося декілька кроків, Асанчик зупинився і ледь чутно прошепотів: «Дайте мені хліба». «Що ти сказав?» – перепитала жінка. «Я хліба попросив», – пролепетав, ніяковіючи, Асанчик. «От бідолаха. І мої діти сидять удома голодні. Я теж вибралася щось роздобути для них поїсти. Ось бачиш – іду впорожні», – сказала жінка, і, ніби виправдовуючись, розвела пустими руками. Їй продовжила з гіркотою: «Хтось їсть, п'є, святкує, а хтось Новий рік зустріне голодним. Он бачиш отой великий домище – там готуються до свята. От як ти у них попросиш – може, щось і дадуть».

Обнадіяний Асанчик попрямував до будинку, на який показала жінка. До нього саме під'їхала вантажівка. З неї вистрибнув дебелий дядько в кожусі, підійшов до воріт і когось погукав. З дому вийшли троє чоловіків, витягли з машини ящик горілки, цілу гору накладених один на одного коржів, ще щось у торбах, і понесли все це у дім, наглухо зачинивши за собою ворота. А машина розвернулася й поїхала.

Асанчик побрів далі сільською вулицею. Йому зустрічалися люди, що йшли парами, поодинці, не

Asanchik stopped and whispered barely audibly, «Give me some bread.»

«What do you say?» The woman asked.

«I asked for some bread,» Asanchik muttered in embarrassment.

«Ah, poor creature! My children are hungry too. I've got out to get some food for them. Bad luck, as you can see,» the woman said showing her empty hands. «Someone is eating, drinking, celebrating, and others will greet the New Year in hungry,» she continued bitterly. «Do you see that big house? They are preparing for the holiday party there. If you ask them, maybe they'll give you something.»

Cherishing a faint hope, Asanchik headed for the house, pointed by the woman. A lorry had just arrived at it. A stout man in a sheepskin coat jumped out of it. He came to the gate and called someone. Three men came out of the house and dragged from the lorry a box of vodka, a heap of flat cakes, and something else in sacks. They carried all that into the house and tightly closed the gate behind them. The lorry turned around and drove away.

Asanchik wandered farther along the village street. He met people walking in pairs or alone, but they were paying no attention to the boy wrapped in rags. Asanchik didn't even try to beg them for a piece of bread because he thought they didn't have any food with them. Besides, he was too weak for that.

* * *

Far away in Crimea, Kashkachik was trudging somewhere along the village street, leaving his small tracks

Лякин къатты къышта не тапарсынъ да, не ашарсынъ», – деп тюшонди о.

Экинджи куню, яни отуз декабрьде, башындан аягына къадар бир талай чул-чубурны сараракъ, бостан къоркъулыгына ошап, ашаладжакъ киби бир шей къыдырмагъа кетти. Якъын ерлерден ич бир шей тапамайджагыны билип, койге бармагъа ве пите берген къадындан отьмек истемеге ниетленди. Лякин яры ёлгъа барыр-бармаз, къурсагынынъ ичинде ойле агъры пейда олды ки, белини букип, токътап къалды. Ойле алда баягы тургъан сонъ, козюне ярыкъ кирген киби олды. Яни, агърылары тынчланды. Ама энди ёлуны девам этмеге козю батмады. Яваш-яваш ертолесине къайтты ве имдат къыдырып: «Ана-а-ам... Ана-чы-гъы-ым», – деп агълай-агълай юкълап къалды. О, юкъусына тойыш уянгъанда, тышта къаранлыкъ ве аджджы сувукъ укюм сюре эди. Асанчыкъ баягы вакъыт къалтырап яткъан сонъ, устюне япкъан ёргъанынен башыны да къапатты. Озюнинъ нефесинен бираз исинген сонъ, кене юкълап къалды.

* * *

Экинджи куню, яни отуз бир декабрьде, Асанчыкынынъ къурсагы ичинде бир шей бурып-бурып алды. О, ашамагъа ойле истей эди ки, даянмакынынъ чареси ёкъ эди. Лякин не чаре? О: «Койге кетсем, барып чыкъар экенимми?» – деп тюшонди. Баягы вакъыт шубеленип отурса да, башкъа чаре олмагъаны ичюн, кетмеге къарар берди. Терен къаргъа бата-бата, корюнмеген ёлны къарарлаштырып, ельге къаршы де артыны чевирип, де огюнен кетерек,

Асанчик направился к дому, на который показала женщина. Как только он туда приблизился, к воротам подъехала грузовая машина. Сидевший рядом с водителем рослый мужчина, одетый в тулуп, вылез из машины, открыл ворота и что-то крикнул. Из дома вышли трое мужчин, вытащили из машины ящик водки, горку лепёшек и что-то ещё в мешках. Всё занесли в дом и закрыли за собой двери. Машина уехала обратно. Когда вокруг никого не осталось, Асанчик, потеряв всякую надежду, продолжил свой путь. По пути встречались парочки и одинокие люди, которые торопились куда-то, но Асанчик, чувствуя, что у них не может быть с собой хлеба, ни к кому из них так и не обратился.

* * *

В далёком Крыму, вдоль сельской улицы, оставляя следы на белеющем в тёмной ночи снегу, куда-то держал путь Кашкачик. Когда дул жгучий, холодный ветер, он прятался в каких-то углублениях, и как только прекращался сильный ветер, продолжал свой путь. Когда дул ветер, казалось, что его исхудавшее тело вот-вот улетит.

В такое позднее время село засыпает и на улице никого не увидишь. Но то, что в эту ночь некоторые люди в спешке куда-то шли, его почему-то удивило. Когда он подошёл ко двору Асанчика, его нос учуял запах еды. Остановившись, он обвел взглядом двор и свою будку.

Дверь дома иногда открывалась и кто-то то выходил на улицу, то заходил домой. Как только от-

звертаючи ніякої уваги на закутаного в лахміття хлопчика. Думаючи, що як і в тієї жінки, ніякої їжі у них із собою нема, Асанчик вже навіть не намагався просити – просто не було сил...

* * *

Далеко в Криму, вздовж вулиці по білому-білому снігу, що аж висвітлював темряву, залишаючи дрібні сліди, брів кудись Кашкачик. Коли здіймався пронизливий вітер, він ховався за заметами, а коли стихав – ішов далі. Здавалося, що його схудле тільки це може понести за вітром, як курай. У такий час село засинає, на вулицях порожньо. Він дивувався, що цієї ночі люди кудись поспішають, метушаться. Коли Кашкачик підійшов до двору Асанчика, вчув манливий запах їжі. Він зупинився, довго дивився у двір і на свою присипану снігом будку. Двері дому деколи відчинялися, хтось виходив на вулицю, хтось заходив, і щоразу зі світлом лампи назовні виривалася хатня пара, що спокусливо пахла їжею. Кашкачик не знав, що цієї ночі люди зустрічатимуть новий 1945 рік. Всі його думки були про одне – знайти що-небудь поїсти. Він вже не насмівся шкребтись у знайомі двері. «Напевне ж люди залишки тієї їжі, що так смачно пахне, колись викинуть надвір», – подумав Кашкачик, і щоб дочекатися тієї жаданої миті, ліг і згорнувся клубочком біля стіни. Засинаючи, Кашкачик ледь чутно посмілював. У сонному мареві йому ввижалося, як він грається зі своїм другом Асанчиком...

on the snow so white that it seemed to illuminate the darkness. He hid behind the snowdrifts when the piercing wind increased and walked on when it subsided. It seemed that the wind could blow his thin body away like a bush of a dry windwitch^(17*). Usually, the village fell asleep at that time, the streets were empty. Kashkachik was surprised, therefore, that people were hurrying somewhere and scurrying around that night. When he approached Asanchik's yard, his sensitive nose detected the alluring smell of food. The puppy stopped and looked around the yard, his snow-covered kennel. The door of the house sometimes opened, someone went out into the street, someone came in, and every time, together with the light of a lamp, there whiffed outside the half-forgotten breath of a dwelling so seductively smelling of food. Kashkachik didn't know that people were preparing to celebrate the New Year's Eve, 1945 that night. All his thoughts were about one thing – of finding something to eat. He didn't, however, dare to enter the familiar door.

‘Probably, having sated themselves, people will throw out the remnants of that tasty-smelling food,’ Kashkachik thought. Waiting for the desired moment, he lay down by the wall of the house and curled up. Falling asleep, Kashkachik quietly whined at times. In his sleepy visions, he saw himself playing with his friend Asanchik.

* * *

It was quite dark. Hungry and exhausted, Asanchik didn't dare to return to his dugout. He knew he couldn't get there through the darkness of the frosty night. He

койнинъ эвлерини корьгенинен, ичине бир исинти кирген киби олды. О, язда кой балалары уджюм эткенлерини хатырлады. Лякин олар бу сувукъта сокъакъкъа чыкъмайджакъларыны тюшюнип озьозюни тынчландырды.

Кой сокъагъы бою кетип, догъру таныш къапыгъа барса да, о килитли эди. Сонъ бир-къач къапыгъа даа окъталды. Олар я килитли, я да бузлап къалгъан эдилер. Ушюген ве азгъан эльчиклеринен къапыны къакъса, эли агъыраджакъ, эм, эвлеринде бастырылып отургъанларгъа эшиттирип оламайджагъыны биле эди. Бу себептен, бельки бириси расткелир деп, бош сокъакъ бою кете берди.

Асанчыкъ, къарлы боран арасындан бир къадын келейткъаныны корьди. О эп якъынлашмакъта эди. Араларында бир-къач адым къалгъанда, Асанчыкъ, къадыннынъ дикъкъатыны джелъп этмек ичюн токъталды да:

– Манъа отъмек берсенъиз, – деди явашчыкътан.

– Не дединъ? – деп сорады къадын.

– Отъмек истедим, – деди Асанчыкъ, утана-утана.

– Вай, бичаре... е. Меним эвлятларым да эвде ач отуралар. Бельки оларгъа, ашамагъа бир шей тапарым деп кеткен эдим. Мына, бош къайтам, — деп къадын эллерини косътерди. Сонъ, сёзюни девам этип, – Биревлер ашап, ичип байрам япалар, дигерлери янгы йылны ач къаршылайджакълар. Ана, анавы юксек эвде байрамгъа азырланалар. Отъмекни олардан истесенъ, бельки берирлер, – деп къошты.

Асанчыкъ, къадын косътерген шу юксек эвге догъру, насылдыр ишанчнен адымлады. О анда якъын-

лашкъанынен, арабакъапы янына бир юк машинасы келип токътады. Шофёрнинъ янында отургъан тон кийген бир мазаллы адам тюшип, ёлкъапыны ачты да, бир шейлер айтып багъырды. Чокъкъа бармай ичериден учъ акъай чыкъып, машина устюнден бир ящик ракъы, дестенен пителер ве чуваллар ичинде бир шейлер алып кирдилер де, къапыны къапаттылар. Машина да кочип кетти. Орталыкъта кимсе къалмагъан сонъ, Асанчыкъ да уютини кесип, ёлуны девам этти. Бир ерлерге ашыкъып кеткен чифт-чифт ве янгъыз адамлар расткельдилер ама, оларда отъмек олмайджагъыны тахмин этип, Асанчыкъ ич бирине мураджаат этмеди.

* * *

Узакъ Къырымда, койнинъ сокъагъы бою, къаранлыкъ геджеге ярыкълыкъ берген къар устюнде изчиклер къалдырып, Къашкъачыкъ къайдадыр кете, аджджы ель уфюргенде ыйыкъ ерге сакълана, ель токътагъанынен ёлуны девам эте эди. Онынъ кевдеси о къадар азгъын эди ки, ель уфюргенде учып кетеджек киби эди. Бойле кеч вакъытта кой юкъугъа дала ве ич кимсе корюнмей тургъан эди. Лякин бу гедже базы адамларнынъ аджеле-аджеле къайдадыр кетювлери Къашкъачыкъны айретлендирди. О, Асанчыкънынъ азбары янына баргъанда, бурнуна аш къокъусы кирди. Токъталып, азбар ичини ве озюнинъ ювасыны козьден кечирди.

Эвнинъ къапысы базада бир ачылып, кимлердир де тышары чыкъа, де ичери кире эдилер. Къапы ачылгъан сайын сыджакъ эвден, лампа ярыгъынен къарышып був чыкъа ве къапы къапалгъанынен,

крывалась дверь, из теплой комнаты, смешиваясь со светом лампы, выплывал пар и вкусный запах, как только дверь закрывалась, всё исчезало. Кашкачик, конечно, не знал, что люди этой ночью будут встречать новый 1945 год. Все его мысли были направлены на то, чтобы где-то что-то найти поесть. Войти во двор он не осмеливался. Он подумал: «Остатки этой вкусно пахнущей еды люди, конечно же, когда-то выбросят», и чтобы дожидаться этих счастливых минут, лёг, свернувшись калачиком, под забором.

Прошло некоторое время. Засыпая, он тихонечко поскуливал. Во сне он видел, как играет со своим другом Асанчиком...

* * *

Когда вокруг начало темнеть, уставший и голодный Асанчик понял, что ему не под силу будет в темноте и в такой холод пройти большое расстояние к своей землянке. Он вернулся к высокому зданию. Хотя ворота были заперты и не было видно, что происходит внутри, резкий приятный запах распространялся по всему двору.

Внутри готовили шашлык. Его запах будто привязал Асанчика без верёвки. Он теперь никуда не может уйти. Он подумал: «Эти люди остатки этой вкусной еды, конечно же, когда-то выбросят». И чтобы дожидаться этих счастливых минут, присел на корточки и прислонился к стене. Прошло какое-то время. Веки отяжелели, и Асанчик, съевшись, за-

* * *

Вже зовсім спочило. Голодний, знесилений Асанчик не наважився повертатися у свою землянку. Він знову попрямував до того великого будинку, де був раніше. Крізь зачинені ворота доносився приємний дражливий запах їжі – такий гострий, що аж паморочилося в голові. В домі смажили м'ясо. Його запах ніби прикував Асанчика до цього місця. Він тепер вже нікуди не міг іти. «Напевне, ці люди наситяться і колись викинуть залишки цієї смачної їжі», – подумав Асанчик, і в очікуванні цієї щасливої миті присів й прихилився до стіни.

За мить його повіки обважніли, немов налилися свинцем. Він зіщулився, опустився на сніг і скоро заснув. Уві сні він посміхався. Йому снилися найближчі, найдорожчі для нього люди. Сонячного літнього дня мама з татком ідуть по квітучому, всіяному барвистими квітами лугові, а Кашкачик, радісно вистрибуючи, бігає довкола них. Побачивши Асанчика, вони спинилися і загукали: «Іди сюди, до нас! Тут нема холоду й голоду, немає страждань і переживань!» – і махаючи руками, кликали до себе, аж поки поволі не віддалилися й розтанули, зникли, немов лід у гарячій воді.

* * *

Гості, які зібралися, щоб зустріти Новий рік – у різних краях, за тисячі кілометрів одне від одного, вранці, вийшовши з теплих будинків на вулицю, звернуть увагу на щось притрушене снігом, скор-

headed instead for the big house where he had been before. A pleasant, alluring smell of food was permeating through the closed gates. It was so flavoursome that he even felt dizzy. They were roasting meat in that house. The smell seemed to chain Asanchik to the place. He could not go anywhere else.

‘These people will, no doubt, throw out somewhere the remnants of their delicious food,’ Asanchik thought.

He squatted and leaned against the wall of the house in anticipation of that happy moment.

In a moment, his eyelids turned heavy, as if filled with lead. He sank down on the snow and soon fell asleep. He was smiling in his dream. That’s because his dream was of his loved ones, of his dearest people. It was a sunny day. His mom and dad were sauntering in a blooming meadow strewn with colorful flowers. Kashkachik was running around them jumping joyfully. On seeing Asanchik, they stopped and called him, «Come here, come to us. There’s no cold, no hunger, no suffering, and worries here!»

They waved their hands, beckoning him until slowly drifted away, melting, and disappearing, like ice in hot water.

* * *

The New Year parties over, guests in different places thousands of miles apart came out of their warm houses the next morning and saw something covered with snow by their walls. They didn’t instantly grasp what it was until kicked it while passing by. It turned out that the one, in Uzbekistan, was a child, the other, in

гъайып олып кете эди. Къашкъачыкъ, инсанлар бу гедже янъы 1945 сенесини къаршылап аладжакъларыны бильмей, онынъ бутюн тюшонджеси, бир шей тапып ашамакъ эди. Азбаргъа кирмеге джесарет этамай: «Бу адамлар, шу къокъулы ашларынынъ къалымтыларыны бир ерге тѣкерлер я», – деп тюшонди де, шу бахтлы дакъкъаларны беклемек ичюн, дивар тюбюнде къалачланып ятты. Баягъы вакъыт кечкен сонъ, юкъу арасында, явашчыкътан выйкъылдап алды. О, тюшонде, севимли досту Асанчыкънен ойнашкъаныны коре эди.

* * *

Орталыкъ къаранлыкълашмагъа башлагъанда, юре-юре темелли ёрулгъан Асанчыкъ, ап-ач алында, къаранлыкъта узакъ ёл кечип озюнинъ ертолесине къайтмагъа джесарет этмеди. О, шу юксек эвнинъ янына къайтып кельди. Ёл къапы къапавлы олып, азбар ичи корюльмесе де, орталыкъкъа джайрагъан кескин ве хош къокъу, бурнуны йыртаджакъ киби келе эди. Эбет, ичериде кебап пишириле эди. Онынъ къокъусы Асанчыкъны йипсиз багълап къойгъан киби олды. О энди ич бир якъкъа кетип оламай. «Бу адамлар, шу къокъулы ашларынынъ къалымтыларыны бир ерге тѣкерлер я», – деп тюшонди де, шу бахтлы дакъкъаларны беклемек ичюн дивар тюбюне чѣкти. Баягъы вакъыт кечкен сонъ, Асанчыкъ, козь къапакъларынынъ агъырлашкъаныны сезип, шу ерде топланып ятты. Арадан чокъ кечмеден, юкълап къалды. Юкъу арасында онынъ юзюнде тебесюм пейда олды. О, тюшонде, юрегине энъ якъын олгъанларны коре эди. Язнынъ кунешли кунюнде,

снул. Во сне у него на лице появилась улыбка. Он видел самых близких ему людей.

В солнечный летний день мама с папой расхаживают по цветущему лугу, а Кашкачик носится вокруг них, подпрыгивая.

Они, увидев Асанчика, остановились и позвали: «Иди, иди сюда. Здесь нет голода и тревог».

Машут руками, зовут, а сами, медленно пятясь, исчезают, растворяются, как лёд в горячей воде.

чене біля стіни. Вони одразу не второпують, що це таке, мимохідь штурхонуть ногою. А це були дитя людини і дитя собаки, що заледеніли на холоді – одне в Узбекистані, а інше – в Криму. Люди не знатимуть, що це були Асанчик і Кашкачик, двоє дуже близьких друзів, і вони в останню ніч, в найостанніші миті свого життя бачили одне одного уві сні.

Коли гості повідомлять господарям про страшні знахідки, ті лопатами, немов якесь сміття, відгорнуть разом з наметеним у двір за ніч снігом цих

Crimea, a puppy. Those people had no idea that they were Asanchik and Kashkachik, two very close friends. And for sure, they didn't know that the friends saw each other in their very last night's dreams, in the very last moments of their lives.

When the guests informed the owners about them, the latter, taking shovels, threw those unfortunate, innocent, sinless martyrs away into dumps in roadside ditches together with snow piled during the night, as if they were some garbage. There, the incessant snowstorm covered them soon with its white fluffy shroud. This is how Asanchik and Kashkachik died. They'd been suffering equally and died the same death. They left this world sinless. May their souls be in heaven. Amen.

1998

Paraphrased by Valentine But

*My sincere appreciation to my peers
Sebnem E. Sanders (Marmaris, Turkey)
for editing almost half of the text
and to Victor Kachula (Simferopol, Crimea)
whose Ukrainian translation of this
Rustem Muedin's story was of a great help*

* * *

¹ May Day holidays – May 1, International Workers Day;

² Komsomol – a communist youth organization

анасынен бабасы чичекликте юрелер. Къашкъачыкъ да оларнынъ этрафында секиреклеп чапкъалай. Олар Асанчыкъны корьгенлеринен токъталып: «Кель, кель. Мында ачлыкъ ве къасевет деген шей ёкъ», – дей де, эллерини саллап чагъырлар, лякин озьлери яваш-яваш арт-артларына кете берип, сыджакъ сувда ириген буз киби, гъайып олалар.

* * *

Бир-биринден биньлердже километр узакълыкъта олгъан эки мемлекетте йылбаш байрамы мунасебетинен топлангъан мусафирлер, саба эвлерине къайтмакъ ичюн сокъакъкъа чыкъкъанларынен, дивар тубюнде топланып къалгъан бир шейге дикъкъат эттилер. Не олгъаныны бирден-бирге алдырмайып, аякънен итеп бакътылар. Мегер, олар, инсан баласынен копек баласы экен. Бири Озьбекистанда, дигери Къырымда бузлап, къатып къалгъанлар. Оларны корьген бу адамларнынъ, Асанчыкънен Къашкъачыкънынъ энъ якъын достлар олгъанларындан ве олар, омюрлерининъ энъ сонъки геджеси бир-бирининъ тюшуне кельгенлеринден хаберлери ёкъ эди.

Мусафирлер къонакъбайларгъа хабер эткен сонъ, эвлернинъ саиплери курек чыкъарып, къарнен беррабер шу гунахсызларны чёплюк обасына алып барып ташладылар. Бойлеликле, Асанчыкънен Къашкъачыкъ бир тарзда къыскъа омюр кечиререк, бир тарзда къыйналды ве бир тарзда да вефат эттилер. Олар бу дюньяны гунахсыз терк эттилер.

Джанлары дженнетте олсун. Амин!

1998 с.

* * *

В двух разных странах, которые находятся друг от друга на расстоянии в тысячи километров, гости, собравшиеся по случаю Нового года, утром, выйдя на улицу, обратили внимание на комок под забором. Не сразу поняли, что это такое – лишь кто-то, потрогав ногой, убедился, что это были ребёнок и... щенок. Ребенок – в Узбекистане, щенок – в Крыму. Они замёрзли и окоченели. Нашедшим их людям было неизвестно то, что Асанчик с Кашкачиком были самыми близкими друзьями и в самые последние минуты своей жизни во сне видели друг друга.

После того, как гости сообщили хозяевам дома о страшных находках, те вышли с лопатами в руках, отнесли тела этих невинных и вместе со снегом выбросили в мусорную кучу.

Асанчик и Кашкачик, одинаково прожив короткую жизнь, одинаково страдая, умерли в один и тот же день. Этот мир они покинули без грехов. Пусть их души будут в раю. Аминь.

1998 г.

**Перевели с крымскотатарского языка
Валерий Басыров и Сервер Бекиров**

нешасних, невинних, безгрішних мучеників подалі від свого обійстя, на звалище в придорожній канаві, і невтихаюча хурделиця незабаром геть замете, накриє їх білим пухнастим саваном...

Ось так Асанчик і Кашкачик померли однією смертю. Вони однаково мучилися, однаково й померли. Вони безгрішними покинули цей світ. Хай їхні душі будуть в раю. Амінь.

1998 р.

Переклав Віктор Качула

(Щира подяка за сприяння у роботі над перекладом редактору видавничого відділу Медіацентру ім. І. Гаспринського Насиру Бекірову)

* * *

¹ чамача́ – юшка з борошна, затірка

² копéк – собака

³ кашка́ – пляма на голові у тварин

⁴ мамо

⁵ моє дитя

⁶ ака́й – так ще у кримськотатарській мові називають чоловіка

⁷ Мамо, мамочко, де ти?

³ NKVD – police (with functions of secret police since 1934) in the Soviet Union;

⁴ GULAG – Soviet forced-labour camp-system for a wide range of convicts, from petty criminals to political prisoners;

⁵ kolkhoz – a form of a collective farm in the Soviet Union;

⁶ Simferopol – the capital city of Crimea;

⁷ Perekop – a narrow isthmus in the north of Crimea connecting it to the mainland;

⁸ chaimacha – a kind of flour potage with dumplings;

⁹ köpek – a dog in the Crimean Tatar language;

¹⁰ Kaşka (pronounced [kashka]) – means «select» in the Crimean Tatar; an animal with a spot on its head is called so. The suffix «-chick» added to a name is used in the Crimean Tatar language to express fondness or familiarity, turns a usual name into a pet name;

¹¹ anam – my mother (in Crimean Tatar);

¹² balam – my boy (in Crimean Tatar);

¹³ arba – is a high Central Asian two-wheeled vehicle designed for transport, and normally pulled by one draught animal;

¹⁴ aryk – In Central Asia, an aryk (Turkic: arık, ariq) is a relatively small aqueduct supporting agriculture and providing water to inhabitants of the area;

¹⁵ aga (ağa, aka) – a form of addressing to the older man;

¹⁶ «Anam anacığım qaidasin?» – My mother, my mommy, where are you? (In Crimean Tatar)

¹⁷ windwitch – Kali tragus

РУСТЕМ МУЕДИН. АЯТЫ ВЕ ИДЖАДЫ

Рустем Осман огълу Муедин XX асырнынъ экинджи ярысы ве XXI асырнынъ ильки он йылында кырымтатар эдебиятында семерели иджат эткен эдиплерден биридир. О, 1919 сенеси Акъмесджит шеэринде догъды. Башлангъыч бильгини шеэрдеки он экинджи мектепте, орта тасильни исе мешур он учюнджи мектепте алды.

1939 сенеси яшны ордугъа алалар. Арбий хызметни Москва дживарындаки Бабушкино шеэринде кечире. Улу Ватан дженки башлангъанынен о да душмангъа къаршы курешке къошула. Москва ве Кавказны къорчалавда, 1944 сенеси Кырымны азат этювде къатнаша.

1944 сенесининъ 18 майысында бутюн кырымтатар халкъы ярымададан сюрдюн этильгенде о вакъытта НКВД сафларында хызмет эткен Рустем Муединни де ордудан бошатып, халкъынен берабер Озбекистангъа сюрдюн этелер. Оларнынъ аилеси Ташкент виляетининъ Янъыёл районуна барып тюше. Рустем анда тракторларны тамир эте, торнаджылыкъ япа, сонъра Усман Юсупов адына виляет театринде чалыша.

Рустем Муедин эдебиятнен дженктен эвель огъ-

рашып башлай. Онынъ «Рустемнинъ джинаетлиги» адлы ильк икяеси 1937 асенеси «Яш ленинджилер» меджмуасында басылгъан эди. Макъалелери, хаберлери, шиирлери «Яш къувет», «Янъы дюнья» газеталарында чыкъып турды.

Сюрдюнликнинъ ильк он учь йылы девамында кырымтатар тилинде ич бир шей нешир олунма-

ды, бу тильде окъув, язув ясакъ этильди. Шу себептен табиий ки, Рустем Муедин де язув, нешир эттирювден марум эди. 1957 сенесининъ майысындан башлап кырымтатар тилинде «Ленин байрагъы» адлы газета, сонъра Гъафур Гъулам адына эдебият ве санат нешрияты янында кырымтатар тилинде китаплар чыкъып башлады. Рустем Муедин де кене язмагъа киришти. «Ленин байрагъы»нынъ 1958 сенеси август 3 санында шаирнинъ «Ана сёзю». Август 14 санында балалар ичюн «Кок мышычыкъ» шиирлери дердж олунды. Бу, эдипнинъ дженктен сонъки биринджи дердж олынувы эди.

О, 1958 сенеси язып башлагъан «Такъдир» повестини тек арадан он бир йыл кечкен сонъ – 1969 сенеси битирди. Эки йылдан о, айрыджа китап олып чыкъты.

РУСТЕМ МУЕДИН. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

Рустем Осман-оглу Муедин является одним из самых творчески плодотворных писателей крымскотатарской литературы второй половины XX века – первых 10 лет XXI века. Он родился в 1919 году в городе Симферополь. Начальные знания получил в двенадцатой городской школе, среднее образование – в известной тринадцатой школе.

В 1939 году юношу забирают в армию. Военную службу проходит в городе Бабушкино под Москвой. После начала Великой Отечественной войны он вместе со всеми присоединяется к битве против врага. Участвует в обороне Москвы и Кавказа, а в 1944 году в освобождении Крыма.

Когда 18 мая 1944 года весь крымскотатарский народ был депортирован с полуострова, Рустем Муедин, служивший в то время в рядах НКВД, был отстранён от службы и депортирован вместе с народом в Узбекистан. Их семья попадает в район Янгиюль Ташкентской области. Там Рустем ремонтирует тракторы, занимается токарным делом, затем работает в областном театре им. Усмана Юсупова.

Рустем Муедин ещё до войны начинает заниматься литературой. Его первый рассказ «Рустемнинь джинаетлиги» был опубликован в журнале «Яш ленинджилер» («Юные ленин-

цы»). Его статьи, новости, стихотворения стали публиковаться в газетах «Яш кьувет» («Молодая сила»), «Янъы дюнъя» («Новый мир»).

На протяжении первых тринадцати лет депортации на крымскотатарском языке ничего не издавалось, обучение и письмо на этом языке было запрещено. По этой же причине и Рустем Муедин был лишен возможности печататься. Начиная с мая 1957 года начала издаваться газета на крымскотатарском языке «Ленин байрагъы», затем в Издательстве литературы и искусства им. Гьафура Гьулама начали издавать книги на крымскотатарском языке. Рустем Муедин снова принимается писать. В выпусках газ-

еты «Ленин байрагъы» от 1958 года 3 августа печатается «Ана сёзю» («Слово матери») поэта, а 14 августа стихотворение для детей «Кок мышычкь» («Голубой котёнок»). Это была первая послевоенная публикация писателя.

Повесть «Такъдир» («Судьба») он начал писать в 1958 году, заканчивает спустя одиннадцать лет – в 1969 году. Спустя два года эта повесть вышла в свет отдельной книгой.

Начавшаяся в 1941 году Великая Отечественная война принесла тяжелые беды и испытания на

1941 сенеси башлангъан Улу Ватан дженки халкъымызнынъ башына агъыр фелякет ве мушкюллер кетирди. Он бинълернен кырымтатарлар да Ватан имаesine кеттилер, дженкештилер, партизан арекетинде иштирак эттилер, бинълернен йигитлеримиз уруш мейданларындан къайтмады, шейт кеттилер. «Такъдир» повестинде иште о фаджиалы девир акс эттириле.

Эдипнинъ икяелери, шиирлери сонъундан «Ленин байрагъы» газетасында ве «Йылдыз» меджмуасында мунтазам суретте басылып турды. Тап алтмышынджи сенелери о, «Мектепте», «Эрке бала», «Окъумакъ керек», 70-80-нджи сенелери «Учь аркъадаш», «Сен корюльдинъ», «Шиир догъувы», «Манзара», «Голь янында», «Джюльгъан севги», «Мезарлыкъта» киби шиирлерини дердж эттирди. Докъсанынджи сенелерде де о назм эсерлер язып турды. Сонъундан шиирлерини 2000 сенеси Къырымда чыкъарылгъан «Къатмер къадерлер» адлы сайлама эсерлер джыйынтыгъында «Назм эсерлер» ады иле бастырды.

Рустем Муедин 1989 сенеси ниает кене тувгъан юртуна къавушты. Хусусан шундан сонъ онынъ иджады гурь инкишаф этти. «Янбы дюнья», «Достлукъ» («Къырым»), «Голос Крыма», «Авдет» газеталарында, «Йылдыз»,

АКъШта кырымтатарлар тарафындан чыкъарылгъан (муаррири Фикрет Юртер) «Бирлик» меджмуаларында, чешит нешриятларда шиирлери, икяелери, повесть ве романлары, пьесалары мунтазам суретте дердж олунды. 1993 сенеси яызджылар бирлигине аза оларакъ къабул этильди.

1995 сенеси «Таврия» нешриятында чыкъкъан «Ана къайгъысы» джыйынтыгъына онынъ чешит йыллар девамында яраткъан «Ана къайгъысы», «Гульдесте», «Къоркъакъ Къадыр», «Яшлыкънынъ темсили», «Тазерген дертлер» киби он беш

Рустем Муедин (стоит крайний слева) с родителями, братьями и сёстрами. Симферополь, довоенные годы.

(Из архива Севиль Севдияр)

нашу долю. Десятки тысяч сыновей крымскотатарского народа поднялись на защиту Родины, воевали, участвовали в партизанском движении, тысячи наших парней не вернулись с войны, погибли за правое дело. В частности, в повести «Такъдир» описывается этот трагический период.

Позже рассказы, стихотворения писателя регулярно печатались в газете «Ленин байрагы» («Ленинское знамя») и журнале «Йылдыз». Только в 60-е годы он опубликовал свои стихотворения «Мектепте» («В школе»), «Эрке бала» («Избалованный ребёнок»), «Окьумакъ керек» («Нужно учиться»), а в 70-80-е – «Шиир догъувы» («Рождение стихотворения»), «Манзара» («Пейзаж»), «Голь янында» («Возле озера»), «Джоюлгъан севги» («Потерянная любовь»), «Мезарлыкъта» («На кладбище»).

В 1989 году Рустем Муедин наконец возвращается на родную землю. После этого его творчество стало развиваться особенно бурно. Его стихотворения, рассказы, повести и романы стали регулярно публиковаться в газетах «Янъы дюнъя» («Новый мир»), «Достлукъ» («Дружба»), «Къырым» («Крым»), «Голос Крыма», «Авдет» («Возвращение»), журналах «Йылдыз» («Звезда»), «Бирлик» (редактор Фикрет Юртер), издаваемых крымскими татарами. В 1993 году был избран членом Союза писателей.

В 90-е годы Р. Муедин писал в основном поэзию,

в 2000 году он подготовил к изданию сборник стихов под названием «Назм эсерлер» («Поэтические произведения»). Позже эти стихи вошли в изданный в Крыму сборник избранных произведений «Къатмер къадерлер».

В 1995 году в изданный издательством «Таврия» сборник Р. Муедина «Ана къайгъысы» («Материнская печаль») вошли пятнадцать его рассказов, написанных в разные годы: «Ана къайгъысы» («Материнская печаль»), «Гульдесте» («Букет»), «Къоркъакъ Къадыр» («Трусливый Кадыр»), «Яшлыкънынъ темсили» («Облик юности»), «Тазерген дертлер» («Вернувшиеся страдания»), повесть «Мудхиш куньлерде» («В страшные дни»), комедии на один акт «Санат къурбаны» («Жертва искусства»), «Чанакъ-чельмек шатырдысы» («Звон посуды»), а также пьеса «Сёнген йылдызлар» («Погасшие звёзды»).

Пьеса Р. Муедина «Сёнген йылдызлар» («Погасшие звёзды») была сыграна в Крымскотатарском академическом музыкально-драматическом театре под названием «Сёнмеген йылдыз» («Непогасшая звезда») к 90-летию юбилею писателя. Именно в этом театре был проведён торжественный юбилейный вечер Рустема Муедина. Мне была поручена роль ведущего на этом мероприятии.

Писатель продолжил писать драматические произведения и в 1994-1997 гг. создал такие драмы, комедии, интермедии: «Омюр девам эте» («Жизнь про-

икяеси, «Мудхиш куньлерде» повести ве «Санат къурбаны», «Чанакъ-чѣльмек шатырдысы» адлы бир пердели комедиялары, «Сѣнген йылдызлар» адлы пьесасы кирди. «Сѣнген йылдызлар пьесасы язджынынъ 90 йыллыгы къайд этильген сенеси къырымтатар академик музыкалы драма театринде «Сѣнмеген йылдыз» адынен саналаштырылып, нумайыш этильди. Айны шу театре тантаналы суретте эдипнинъ юбилей акъшамы кечирильди. О тедбирни алып бармакъ манъа авале этиильген эди.

Эдип драматик эсерлер язувны девам эттирди ве 1994-1997 сенелери «Омюр девам эте», «Хайырсыз сюрприз», «Дертке дерман» киби драма, комедия ве интермедиялар язды. Теэсюф ки, оларнинъ ич бириси саналаштырылмады, иджра олунмады. Бу эсерлернинъ эписи чешит йылларда Нью-Йорк шеэринде чыкъкъан «Бирлик» меджмуасында басылдылар.

2000 сенеси «Видрождення» халкъара фондунынъ маддий къолтутувынен Акъмесджитте эдипнинъ 80 йыллыгы мунасебетинен онынъ «Къатмер къадерлер» адлы сайлама эсерлер джыйынтыгы чыкъты. Китапкъа муэллифнинъ икяелери, пьесалары ве юкъарыда къайд этип кечкенимиз киби, назм эсерлери кирди. 2009 сенеси Рустем Муединнинъ 90 йыллыгы мунасебетинен онынъ янъы эсери – «Агъыр такъдирлер» романы айры китап оларакъ басып чыкъарылды.

Рустем Муедин бир къач йыл «Къырым» газетасында чалышты. О йылларда хусусан тилимизге багъышлангъан ве публицистик макъалелернен чокъ чыкъышта булунды. Онынъ «Къырымтатар

тилининъ инджеликleri», «Эдебий тилимизнинъ агъыр такъдири» киби бир сыра макъалелери эм Къырымда, эм де АКъШта чыкъкъан «Бирлик» меджмуасында басылдылар.

«Бирлик» меджмуасы 2001 сенеси Рустем Муединнинъ «Къырымтатар эдебий тилини огренеджеклерге ярдым» макъалесини ве 2500 келимелик «Къырымтатарджа-русча лугъат»ыны айрыджа нешир оларакъ басып чыкъарды.

Рустем Муединнинъ эсерлери мевзу джеэтинден гъает чешит тюрлю олып къыска, меракълы, тесирчен язылгъан. Лякин оларнынъ арасында бугунде эдипнинъ 100 йыллыгы мунасебетинен къырымтатар, рус, украин ве англиз тиллеринде басылмакъта олгъан «Асанчыкъ ве къашкъачыкъ» адлы колемли икяеси айрыджа ер тута. Эсер колемдже салмакълы олувынен бирликте ондаки вакъиалар меракълы сюжет ёлагъынен тасвирлене. Яни икяенинъ баш къараманы Асаннен онынъ Къашкъачыкъ адлы копегининъ такъдирлери параллель тасвирлене, къияс этиле.

Мен бу ерде мезкюр эсернинъ мундериджесине айрыджа токъталып отурмайджагъым. Зан этерим ки, эсернен таныш олгъан окъуйджы икяеге, онынъ муэллифи Рустем Муединнинъ усталыгына озю ляйыкълы къыймет кесер.

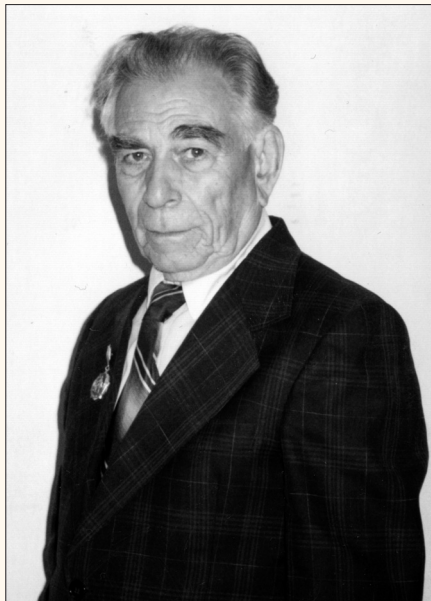
Аблязиз ВЕЛИЕВ,
языджы,
Къырымда нам къазангъан санат эрбабы

должается»), «Хайырсыз сюрприз» («Неприятный сюрприз»), «Дертке дерман» («Избавление от мук»). К сожалению, ни одна из них не была сыграна на сцене. Все эти произведения в разные годы были изданы в Нью-Йорке в журнале «Бирлик».

В 2000 году при материальной поддержке международного фонда «Возрождение» к 80-летнему юбилею писателя был выпущен сборник его избранных произведений «Къатмер къадерлер». В сборник вошли рассказы, пьесы и, как уже упоминалось выше, поэтические произведения автора. В 2009 году к 90-летнему юбилею Рустема Муедина отдельной книгой было выпущено его новое произведение – роман «Агъыр такъдирлер» («Тяжёлые судьбы»).

Рустем Муедин несколько лет работал в газете «Къырым» («Крым»). В эти годы он особенно много внимания уделял развитию нашего языка, часто выступал с публицистическими статьями. Ряд таких его статей как «Къырымтатар тилининъ инджеликлери» («Особенности крымскотатарского языка»), «Эдебий тилимизнинъ агъыр такъдири» («Тяжёлая судьба нашего литературного языка») печатались и в Крыму, и в выпускавшемся в США журнале «Бирлик» («Единство»).

Журнал «Бирлик» в 2001 году выпустил отдельным изданием статью Р. Муедина «Къырымтатар

эдебий тилини огренеджеклерге ярдым» («В помощь изучающим крымскотатарский литературный язык») и словарь «Къырымтатарджа-русча лугъат» («Крымскотатарско-русский словарь», 2500 слов).

Произведения Рустема Муедина посвящены самым различным темам и написаны ёмко, интересно и впечатляюще. Издаваемый к 100-летию писателя его объёмный рассказ на крымскотатарском, русском, украинском и английском языках «Асанчик и Кашкачик» занимает среди них особое место. Произведение по объёму является довольно внушительным, события, развивающиеся в рассказе, передаются интересной сюжетной линией, судьбы главного героя рассказа мальчика Асанчика и его собачки Кашкачика развиваются параллельно и сопоставляются.

Я не буду отдельно останавливаться на содержании упомянутого произведения. Думаю, что познакомившись с этим рассказом, читатель сам сможет в полной мере оценить мастерство его автора – Рустема Муедина.

Аблязиз ВЕЛИЕВ,
писатель,
Заслуженный деятель искусств Крыма

Литературно-художественное издание

Рустем Муедин

АСАНЧИК И КАШКАЧИК

Рассказ

На крымскотатарском, русском, украинском и английском языках

Составитель *Февзий Муединов*

Переводчики *В. М. Басыров, С. Э. Бекиров, Н. И. Бекиров,
В. В. Бут, В. В. Качула, С. С. Ситжалилова*

Редакторы *Н. И. Бекиров, В. В. Качула*

Художник *Р. И. Ваапов*

Компьютерная верстка *В. В. Качула*

Подписано в печать 15.05.2019 г. Формат 84x108¹/₁₆

Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman»

Объем 6,0 печ. л. Усл. печ. л. 10,08

Тираж 500 экз. Заказ № 14/05

ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского»

295048, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Трубоченко, 23-а

E-mail: mediacenter2015@mail.ru

ОГРН 1159102113455

Отпечатано в типографии «Салта»

295000, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Коммунальная/

пер. Промежуточный, 24/3

www.saltaprint.com